

Брем
Ураг
СТОКЕР

ТАМАСМАН МУУМАН

Annotation

Роман всемирно известного писателя, автора «Графа Дракулы», продолжает традиции литературы «мистери энд хорор», погружая читателя в туманный Лондон XIX века, в котором происходят зловещие события, корнями своими обращённые в Египет времён фараонов и Великих Богов.

- [Брэм Стокер](#)
  - [Глава 1. Ночной зов](#)
  - [Глава 2. Странные инструкции](#)
  - [Глава 3. Наблюдатели](#)
  - [Глава 4. Вторая попытка](#)
  - [Глава 5. Дополнительные инструкции](#)
  - [Глава 6. Подозрения](#)
  - [Глава 7. Пропажа у путешественника](#)
  - [Глава 8. Светильники нашлись](#)
  - [Глава 9. Недостаток знаний](#)
  - [Глава 10. Долина Мага](#)
  - [Глава 11. Гробница дочери фараона](#)
  - [Глава 12. Волшебная шкатулка](#)
  - [Глава 13. Пробуждение из транса](#)
  - [Глава 14. Родимое пятно](#)
  - [Глава 15. Цели Царицы Теры](#)
  - [Глава 16. Пещера](#)
  - [Глава 17. Сомнения и опасения](#)
  - [Глава 18. Урок «Ка»](#)
  - [Глава 19. Великий эксперимент](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Брэм Стокер
Талисман мумии

Посвящаю Элеонор и Констанции Хойт

Глава 1. Ночной зов

Происходящее уже, казалось настолько реальным, что мне не верилось, будто все это могло случиться раньше. И все же, события, сменившие друг друга, были не новыми, неизвестными, а вполне известными, ожидаемыми. Подобным образом с нами шутит память — к добру или злу, радости или боли, счастьем или беде. Вот почему наша жизнь сладостно-горькая и то, что свершилось, становится вечным.

И вновь замедлял ход лёгкий ялик и скользил — от жгучего июльского солнца к прохладной тени плакучих ив — по ленивым водам, блестя вёслами, с которых стекала вода, и я стоял в качающейся лодке, а она сидела недвижно и проворными пальцами отводила от себя случайные веточки и упругие сучья движущихся деревьев. Вновь вода казалась золотисто-коричневой под шатром прозрачной зелени, а травянистый берег носил изумрудный оттенок. Вновь мы сидели в прохладной тени, окружённые мириадами природных звуков, а наш приют уносил нас в сонное царство, в котором великий мир с его волнениями, бедами и ещё более тревожащими радостями мог быть с успехом забыт. Вновь в этом блаженном уединении юная девушка, отринув условности чопорного и жестокого воспитания, рассказала мне мечтательно и просто об одиночестве своей новой жизни.

С лёгкой грустью она поведала о том, как подавляло в их просторном доме всех слуг величие отца и дочери, а потому доверию и сочувствию в нем не нашлось места и даже лицо её отца казалось столь же отдалённым, как старая сельская жизнь на нынешний взгляд. Ещё раз моя мужская мудрость и опыт прошлых лет оказались у ног этой девушки. Похоже, они сделали это по собственной воле; ведь личное «Я» было не в счёт и лишь повиновалось необходимым приказам. И снова летящие секунды бесконечно множились, потому что в таинстве снов реальности сливаются и обновляются, изменяются, но остаются прежними, — словно душа музыканта, вложенная в Фугу. Так же и память замирает снова и снова, погружаясь в сон.

Похоже, совершенный покой никогда не наступит. Даже в Эдеме змей качает головой меж отягчённых ветвей Древа Познания. Тишина бессонной ночи нарушается рёвом лавины, бурлящим свистом внезапных наводнений, звоном колокола, сопровождающим бег паровоза через сонный американский городок, шлепание далёких лопастей в открытом море.

Что бы это ни было, оно нарушает чары моего Эдема. Шатёр зелени над нами, усеянный алмазными лучиками света, казалось, подрагивает от непрерывных ударов лопастей, а неугомонный колокол звенит, не собираясь умолкнуть...

И вдруг ворота сна широко распахнулись и мой пробуждающийся слух уловил источник беспокоящих звуков. Пробуждение было достаточно прозаично — некто стучал и звонил в чью-то уличную дверь.

В своих комнатах на Джермин-стрит я неплохо приноровился к посторонним шумам: обычно меня не волновали ни во сне, ни наяву любые, даже шумные, занятия моих соседей. Но этот шум был слишком долгим, настойчивым и слишком повелительным, чтобы его можно было игнорировать.

За этим нескончаемым звуком таился активный ум и одновременно некое потрясение или необходимость.

Я не был полным эгоистом и при мысли о чьей-то необходимости, не раздумывая, вылез из постели. Машинально я поглядел на часы: было лишь три часа и вокруг зелёных жалюзи, затемняющих мою комнату, появился слабый серый тон. Очевидно, стук и звон предназначались двери нашего собственного дома, и ещё очевиднее было то, что ответить на зов было некому. Набросив халат и шлёпанцы, я сошёл вниз, к двери в прихожей. Когда я открыл её, то увидел щеголеватого грума: одной рукой он стойко нажимал на электрический звонок, а другой непрерывно грохотал в дверь колотушкой. В тот же миг, как он заметил меня, шум прекратился: одна рука машинально метнулась, чтобы коснуться полей шляпы, а другая извлекла из кармана письмо. Изящная карета стояла напротив двери и лошади дышали тяжело, словно проделали большой путь. Привлечённый шумом, рядом остановился полисмен с зажжённым фонарём на поясе.

— Прошу прощения, сэра, за беспокойство, но я получил срочный приказ и должен был стучать и звонить до тех пор, пока кто-нибудь не появится. Могу я спросить, сэра, не здесь ли живёт мистер Малкольм Росс?

— Я Малкольм Росс.

— В таком случае, письмо предназначено вам, сэра, и карета также!

Со странным любопытством я взял у него письмо. Конечно, будучи барристером^[1], я время от времени попадал в необычайные ситуации, включая срочные вызовы, но подобного ещё не было. Отступив в прихожую, я прикрыл дверь, но не до конца и выключил электрический свет. Письмо было написано чужим женским почерком. Оно начиналось сразу, минуя обращение «дорогой сэра» или подобное ему.

«Вы обещали помочь мне, если понадобится, и я верю, что вы говорили серьёзно. Это время пришло скорее, чем я ожидала. Я в ужасной беде и не знаю, куда и к кому обратиться. Боюсь, у меня есть основания думать, что на жизнь моего отца покушались, впрочем, слава Богу, он все ещё жив. Но он совершенно без сознания. Были вызваны врачи и полиция, но здесь нет никого, на кого я могла бы положиться. Приезжайте немедленно, если сможете и простите меня. Полагаю, позже я пойму, что именно натворила своей просьбой о столь большом одолжении, но пока я не в силах об этом думать. Приезжайте! Приезжайте немедленно!

Маргарет Трелони».

Боль и восторг боролись во мне, пока я читал это письмо, но надо всем довлела мысль о том, что она в беде и позвала меня — меня! Так значит, мой сон о ней имел какие-то основания. Я позвал грума:

— Погодите! Через минуту я буду с вами! — И бросился наверх.

Лишь несколько мгновений понадобилось, чтобы умыться и одеться и вскоре мы мчались по улицам так быстро, как могли выдержать лошади. Это было утро рыночного дня, и, выехав на

Пикадилли, мы обнаружили бесконечный поток телег, едущих с запада, но остальная часть дороги была пуста, и мы двигались быстро. Я попросил грума сесть ко мне в карету и рассказать на ходу о том, что произошло. Неуклюже усевшись рядом, он положил шляпу на колени и заговорил:

— Мисс Трелони, сэр, послала человека с просьбой немедленно приготовить карету, а когда мы были готовы, она пришла сама, подала мне письмо и приказала Моргану — вознице, сэр, — лететь. Она сказала, что мне не следует терять ни секунды и стучать непрерывно, пока кто-нибудь не придёт.

— Да, я знаю, знаю — вы мне говорили! Но я хочу знать, почему она послала за мной. Что случилось в доме?

— Я и сам толком ничего не знаю, сэр; кроме того, что хозяина нашли в комнате без чувств, между окровавленных простыней и с раной на голове. Его до сих пор не разбудить. Нашла же сама мисс Трелони.

— А как случилось, что она нашла его в такой час? Ведь была поздняя ночь, не так ли?

— Не знаю, сэр. Я вовсе не слыхал о подробностях.

Поскольку он больше ничего не мог сказать, я на минуту остановил карету, чтобы он вылез наружу, а затем сидел в одиночестве, размышляя о случившемся. Можно было расспросить слугу о многих вещах, и некоторое время после того, как он ушёл, я злился на себя за то, что не использовал эту возможность. Но по зрелом размышлении, я был рад, что искушение уже исчезло. Я чувствовал, что разумнее будет расспросить обо всем, что меня интересовало, саму мисс Трелони, нежели слуг.

Мы быстро проскакали по мосту Рыцарей, и тихий шорох нашего отлично содержавшегося экипажа эхом прозвучал в утреннем воздухе. Затем повернули на Кенсингтон Пэлис-роуд и вскоре остановились напротив большого дома по левую сторону, ближе, насколько я мог судить, к Ноттинг-хиллу нежели к Кенсингтонскому концу авеню. Дом был истинно прекрасным, не только благодаря величине, но и архитектуре. Даже в сером полумраке утра, обычно уменьшающем размеры, он выглядел большим.

Мисс Трелони встретила меня в холле. Она никоим образом не была застенчивой. Она управляла домом уверенно и спокойно, как

подобает высокородным особам, и это было тем более удивительно, если иметь в виду её нынешнее состояние и бледность. В огромном холле находилось несколько слуг: мужчины стояли у входной двери, а женщины жались друг к другу по углам и в прочих дверных проёмах. С мисс Трелони разговаривал старший офицер полиции, а двое мужчин в мундирах и один в штатском стояли рядом. Она порывисто схватила меня за руку, в глазах у неё появилась радость, и она облегчённо вздохнула. Её приветствие было простым:

— Я знала, что вы придёте!

Пожатие руки может сказать о многом, даже если оно не означает чего-то особенного. Каким-то образом рука мисс Трелони утонула в моей руке. И не то, чтобы эта рука была маленькая — она была гибкая и изящная, с длинными нежными пальцами, редкая и прекрасная рука, — это было непроизвольным подчинением. Но в тот миг я не мог сосредоточиться на причине охватившего меня волнения; это пришло ко мне позже.

Она повернулась и сказала старшему офицеру:

— Это Малкольм Росс. Офицер отдал честь и ответил:

— Я знаю мистера Малкольма Росса, мисс. Возможно, он вспомнит, что я имел честь работать с ним над делом фальшивомонетчиков в Брикстоне.

Я не узнал его с первого взгляда, обратив все своё внимание на мисс Трелони.

— Ну конечно, старший офицер Долан, я прекрасно помню вас! — сказал я, пожимая ему руку. При этом я заметил, что наше знакомство несколько успокоило мисс Трелони. Я обратил внимание на некоторое замешательство в её поведении и почувствовал, что для неё не столь неловко было бы поговорить со мной наедине. Поэтому я сказал офицеру:

— Пожалуй лучше будет, если мисс Трелони побудет со мной наедине. Несомненно, вы уже выслушали все, что она знает, а я лучше пойму положение, если смогу задать несколько вопросов. Затем мы обсудим это дело с вами, если вы не возражаете.

— Буду рад услужить вам, чем могу, сэр, — сердечно ответил он.

Проследовав за хозяйкой, я вошёл в нарядную комнату со входом из холла и с окнами, выходящими в сад с тыльной стороны дома. Мы вошли в неё, я закрыл дверь, и мисс Трелони сказала:

— Я поблагодарю вас за вашу доброту и помощь в моей беде позже. Но сейчас для вас лучшим будет узнать все обстоятельства.

— Говорите, — произнёс я. — Расскажите все, что знаете, и не упускайте подробностей, насколько незначительными они бы вам ни казались сейчас.

Она медленно продолжала:

— Меня разбудил какой-то звук: не знаю, что это было. Знаю только, что он пришёл ко мне во сне. Я сразу же проснулась с сильно колотящимся сердцем и начала вслушиваться в звуки из отцовской комнаты. Моя комната находится рядом с нею, и я часто слышу, как он двигается перед тем как заснуть. Он работает до поздней ночи, иногда едва не до утра, и поэтому, просыпаясь рано, как со мной иногда происходит, или же в рассветных сумерках, я слышу его движения. Однажды я пыталась укоротить его — ведь это не на пользу его здоровья — но повторить этот эксперимент больше не смела. Вы знаете, каким суровым и холодным он может быть, — по крайней мере, помните о том, что я рассказывала. Когда он вежлив и находится в этом настроении, он просто ужасен. Когда он сердит, я переношу это лучше, но когда он нетороплив и педантичен, а край его губы приподнят, показывая острые зубы, мне кажется — ну просто не знаю что! Прошлой ночью я тихонько поднялась и прокралась к двери, боясь потревожить его. Ни звуков, ни криков совершенно не было, но слышался некий странный вязкий шум и медленное, тяжёлое дыхание. Ах! Это было ужасно, ожидать в темноте и тишине и бояться — бояться неизвестно чего!

Наконец я собралась с духом и, как можно тише повернув ручку, чуть приоткрыла дверь. Внутри было довольно темно, и я различила лишь очертания окон. Но в темноте тяжёлое дыхание слышалось громче и пугало больше. Некоторое я прислушивалась к нему, но других звуков не последовало. Я резко распахнула дверь, так как боялась открывать её медленно, чувствуя, что за нею может быть нечто страшное, готовое на меня броситься! Потом включила электрический свет и шагнула в комнату. Вначале я посмотрела на постель. Простыни были измяты, и я поняла, что отец в постели, но среди неё было огромное тёмное пятно, расплзающееся до краёв, и при виде этого моё сердце остановилось. Я смотрела на пятно, но тут дыхание донеслось ко мне через комнату, и мой взгляд устремился на

звук. Там лежал мой отец, на правом боку, подогнув под себя руку, будто его мёртвое тело небрежно швырнули в сторону. Кровавый след тянулся через комнату к постели, и когда я склонилась над отцом, то заметила вокруг него лужицу крови, казавшуюся ужасно красной и блестящей. Лежал он перед своим большим сейфом. Он был в пижаме. Левый рукав был оторван, обнажая его руку, вытянутую по направлению к сейфу. Она выпядела — ах! просто ужасно, вся запятнанная кровью, с рваной или порезанной плотью вокруг золотого браслета на его кисти. Я не знала, что он носит подобную вещицу, и вновь была поражена. Она на минуту смолкла, и я, желая отвлечь её хоть на миг, сказал:

— Но вы могли не удивляться этому. Нынче браслеты носят мужчины, о которых этого никогда не подумаешь. Я видел, как судья приговорил человека к смерти, и на кисти его поднятой руки был золотой браслет

Казалось, она не слишком над этим задумалась, но короткая пауза немного успокоила её, и она продолжала более твёрдым голосом:

— Я вызвала помощь, не теряя ни минуты, потому что боялась, что он умрёт от потери крови. Я позвонила, а затем вышла и позвала на помощь громко, как смогла. Должно быть, довольно скоро, — хотя для меня это тянулось неимоверно медленно, — прибежало несколько слуг, затем появились другие, и вскоре комнату заполнили люди с вытаращенными глазами, всклокоченными шевелюрами и во всевозможных ночных одеяниях.

Мы подняли отца на диван, и экономка, миссис Грант, сохранившая самообладание в большей степени, чем мы, принялась отыскивать источник кровотечения. Через пару секунд стало очевидно, что он находится на его обнажённой руке. Там была глубокая рана, — не с ровными краями, как от ножа, а рваная, — и располагалась она ближе к кисти, по-видимому, задев вену. Миссис Грант повязала вокруг раны платок, крепко затянув его серебряным ножом для вскрытия конвертов, и поток крови, казалось, немедленно прекратился. К этому времени я уже пришла в себя — насколько смогла — и послала слугу за врачом и другого за полицией. Когда они ушли, я почувствовала, что, не считая нескольких слуг, осталась в доме одна и ничего в этом деле с отцом не понимаю. Тут мне ужасно захотелось, чтобы рядом оказался кто-нибудь, кто мог помочь. И я

подумала о вас, о вашем добром обещании в лодке под ивами и, не раздумывая, приказала слугам немедленно приготовить карету, написала записку и отправила её вам.

Она помолчала. В эту минуту мне не хотелось ничего говорить и я посмотрел на неё; думая, она поняла, потому что глаза её на миг поднялись и опустились, щеки зарделись, словно розы. С явным усилием она продолжала свой рассказ:

— Доктор прибыл невероятно быстро. Грум как раз встретил его, отпирающим дверь своего дома и он прибежал сюда бегом. Он сделал надлежащий турникет для руки бедолаги-отца, затем отправился домой за некоторыми инструментами. Надеюсь, он скоро вернётся. Потом пришёл полисмен, он дал знать в участок, и вскоре появился старший офицер. Затем пришли вы.

Последовало долгое молчание, и я на миг осмелился взять её за руку. Без единого слова мы открыли дверь и присоединились к офицеру в холле. Он поспешил к нам, говоря на ходу;

— Я осматриваю все лично и уже отправили донесение в Скотленд-Ярд. Знаете, мистер Росс, в этом деле столько странностей, что я предпочёл бы заполучить лучшего специалиста из Департамента по уголовным расследованиям. Поэтому в записке я попросил немедленно прислать сюда сержанта Доу. Вы помните его, сэр, по тому американскому делу об отравлении в Хокстоне.

— Ну ещё бы! Я хорошо помню его по этому и другим делам, поскольку воспользовался несколько раз его ловкостью и проницательностью. Это самый здравомыслящий человек из всех людей, которых я знаю. Выполняя роль защитника и веря, что мой подзащитный невиновен, я рад был ему в качестве обвинителя!

— Это весьма высокая оценка, сэр! — с благодарностью произнёс старший офицер. — Я рад, что вы одобрили мой выбор и что я не ошибся, послав за ним.

— Лучшего не найти, — искренне заметил я. — Не сомневаюсь, что с вашей помощью мы доберёмся до всех фактов и за тем, что кроется за ними!

Мы спустились в комнату Трелони и нашли все в том же виде, как описывала его дочь,

Послышался звонок колокольчика, и через минуту в комнату ввели человека. Это был юноша с орлиными чертами,

проницательными серыми глазами, и широким, квадратным лбом, как бывает у мыслителей. В руке у него была чёрная сумка, которую он немедленно открыл. Миссис Трелони представила нас друг другу:

— Доктор Винчестер, мистер Росс, старший офицер Долан.

Мы обменялись поклонами, и доктор без промедления принялся за свою работу. Мы ожидали, с волнением следя за тем, как он обрабатывал рану. Работая, он то и дело обращал внимание офицера на некоторые особенности раны, и тот быстро заносил факты в свой блокнот.

— Смотрите! Несколько параллельных порезов или царапин, идущих с левой стороны кисти и в некоторых местах подвергающих опасности радиальную артерию... А вот эти маленькие раны, глубокие и рваные, похоже, сделаны тупым инструментом. Вот эта, в частности, выглядит как от удара острым клином: плоть кругом порвана, словно от продольного давления.

Повернувшись к миссис Трелони, он вдруг сказал:

— Как вы полагаете, мы можем удалить браслет? Особенной необходимости в этом, правда, нет: он сползёт по кисти вниз и сможет висеть свободно, но для дальнейшего удобства больного...

Бедняжка вспыхнула и тихо ответила:

— Я... лишь недавно переехала жить к отцу и знаю о его жизни и привычках столь мало, что боюсь и судить о подобных вещах.

Пронзительно глянув на неё, доктор ласково сказал:

— Простите меня! Я не знал. В любом случае, вам не следует расстраиваться. Пока что трогать его не обязательно. Будь это необходимо, я взял бы ответственность на себя. В дальнейшем, если понадобится, мы легко снимем его с помощью напильника. Несомненно, у вашего отца были свои причины на то, чтобы носить его... — Он смолк и, взяв у меня свечу, которую я держал, склонился ниже, опуская её до тех пор, пока свет полностью не упал на браслет-цепочку. Подав мне знак держать свечу таким образом, он вынул из кармана увеличительное стекло. Внимательно осмотрев вещь, он поднялся и подал лупу Долану.

— Лучше осмотрите цепочку сами. Это не обычный браслет. Золото протянуто через тройные стальные звенья: посмотрите, здесь оно износилось. Браслет явно не предназначен для лёгкого съёма с руки, и обычным напильником здесь не обойдёшься.

Офицер наклонил своё огромное тело, но, не добившись желаемого обзора, опустился рядом с диваном на колени, как это сделал доктор.

Долан внимательно осмотрел браслет, поворачивая его медленно, чтобы не упустить ни единой мелочи. Затем поднялся и протянул увеличительное стекло мне.

— Когда вы осмотрите его, дайте взглянуть и леди, если она захочет, — предложил он и забегал карандашом по блокноту.

Я слегка изменил его замысел и, обратившись к мисс Трелони, предложил ей осмотреть браслет первой. Она отшатнулась, отрицательно махнув рукой, и с жаром сказала:

— Ах, нет! Отец, несомненно, показал бы его мне, пожелай он, чтобы я его увидела. Я не сделала бы этого без его согласия. — Затем она добавила, словно сглаживая резкость своих слов для нас: — Ну конечно, вам следует осмотреть его. Вам нужно все принять во внимание, и, право же, я... очень вам благодарна.

Мисс Трелони отвернулась, и я увидел, что она тихо плачет. Даже охваченная волнением и находясь в тяжкой беде, девушка несколько досадовала на то, что столь мало знала о своём отце и временами вынуждена была не скрывать этого от чужих людей. То, что все они — мужчины, не делало стыд более переносимым, хотя и несколько облегчало его. Пытаясь разобраться в её чувствах, я не мог не подумать о том, что она, пожалуй, рада, что в этот час на неё не устремлены глаза женщины, обладающее большей проницательностью, чем глаза мужчины.

Закончив осмотр и поднявшись, я уверился в правильных выводах доктора. Тот вновь занял своё место у дивана и продолжал работу над раненым. Старший офицер Долан сказал мне шёпотом:

— Думаю, нам повезло с доктором!

Я кивнул и собрался было сделать комплимент его наблюдательности, но тут в дверь тихо постучали.

Глава 2. Странные инструкции

Офицер Долан тихо подошёл к двери: благодаря общему молчаливому соглашению, он взял на себя функции старшего в комнате. Остальные ждали. Он слегка приоткрыл дверь, затем с явным облегчением распахнул её, и в комнату вошёл молодой человек, высокий и тонкий, чисто выбритый, с хищным лицом и яркими, живыми глазами, казалось, охватывающими ситуацию одним взглядом. При виде его старший офицер протянул руку и они обменялись тёплым рукопожатием.

— Я пришёл, сэр, немедленно по получении вашего послания. Я рад, что по-прежнему пользуюсь вашим доверием.

— И будете в дальнейшем, — сердечно сказал офицер. — Я не забыл наши былые дни на Боу-стрит и никогда их не забуду!

Затем он перешёл к делу и принялся выкладывать все, что узнал до того, как появился молодой полисмен. Сержант Доу задал несколько вопросов — очень немного, — необходимых для понимания всех обстоятельств, хотя Долан, зная свою работу досконально, предупреждал каждый вопрос необходимыми пояснениями. Сержант Доу временами осматривался, быстро поглядывая то на одного из нас, то на какую-то деталь комнаты, то на лежащего на диване в бесчувствии раненого.

Когда старший офицер закончил, сержант повернулся ко мне и произнёс:

— Возможно, вы помните меня, сэр. Я работал с вами над делом Хокстона.

— Я помню вас прекрасно, — протянул я ему руку.

Снова заговорил Долан:

— Вам ясно, сержант Доу, что вы назначены полностью ответственным за это дело?

— Надеюсь, под вашим руководством, сэр, — перебил тот.

Долан покачал головой и с улыбкой возразил:

— Мне кажется, это дело потребует от вас полной отдачи. Меня ждёт другая работа, но я крайне заинтересован и при случае рад буду оказать вам любую помощь!

— Хорошо, сэр, — отозвался сержант, принимая на себя ответственность и коротко козыряя. Сразу после этого он начал следствие.

Вначале он подошёл к доктору и, выяснив его имя и адрес, попросил написать полный отчёт, которым можно будет воспользоваться и при необходимости предъявить в управление. Доктор Винчестер мрачно поклонился и обещал. Затем сержант приблизился ко мне и сказал, чуть понизив голос:

— Мне нравится ваш доктор. Думаю, мы сможем работать вместе. — Повернувшись к мисс Трелони, он попросил: — Пожалуйста, расскажите подробнее о вашем отце: его житейские привычки, происхождение, — в общем, обо всем, что могло в какой-то степени интересовать или как-то занимать его.

Я хотел было сказать ему, что девушка уже отметила свою неосведомлённость в делах отца и его привычках, но она предупредительно подняла руку и заговорила:

— Увы! Я не знаю почти ничего. Старший офицер Долан и мистер Росс уже знают все, что я могу сказать.

— Что ж, мадам, тогда удовлетворимся тем, что имеем, — вежливо согласился сержант. — Я начну с подробного осмотра. Вы говорите, что были за дверью, когда услышали шум?

— Я была в своей комнате, когда услышала звук, — право, это могло быть началом разбудившего меня шума. Я немедленно покинула комнату. Дверь отца была закрыта, и я могла видеть лестничную площадку и ведущие вверх ступени. Никто не мог выйти через дверь незамеченным, если вас это интересует!

— Именно так, мисс. Если каждый, кто знает хоть что-то, расскажет мне обо всем подобно вам, мы вскоре доберёмся до сути дела.

Он подошёл к кровати, внимательно посмотрел на неё и спросил:

— Постель кто-нибудь трогал?

— Насколько я знаю, нет, — сказала девушка. — Но я спрошу у миссис Грант, экономки, — добавила она, звоня в колокольчик. Вскоре за дверью появилась экономка.

— Войдите, — пригласила хозяйка. — Эти джентльмены хотят знать, миссис Грант, не трогал ли кто-нибудь постель?

— Только не я, мэм.

— Ну тогда, — повернулась девушка к сержанту Доу, — её никто не мог тронуть. Либо миссис Грант, либо я были здесь все время, и не думаю, что кто-то из слуг, появившихся здесь на мой зов, подходил к постели. Как видите, отец лежал здесь, под большим сейфом, и все столпились вокруг него. Мы очень быстро отослали слуг.

Движением руки Доу попросил нас остаться на той стороне комнаты и принялся осматривать постель с помощью увеличительного стекла, осторожно трогая и возвращая точно на место каждую складку постельного белья. Затем он осмотрел дверь рядом с постелью, особое внимание обращая на те места, где кровь стекла по краям кровати; кровать была сделана из тяжёлого красного дерева и изукрашена резьбой. Двигаясь на коленях, он дюйм за дюймом проследил кровавые пятна на полу, стараясь не касаться их, до того места, вплотную к сейфу, где лежало тело. Это место он осмотрел в радиусе нескольких ярдов, но, очевидно, не нашёл ничего особенно интересного. Потом он осмотрел фасад сейфа: поверхность вокруг замка, верхнюю и нижнюю части дверных створок и места их соприкосновения на передней панели.

После этого Доу подошёл к окнам с закрытыми ставнями, державшимися внизу на защёлках.

— Ставни были открыты? — спросил он мисс Трелони небрежно, словно зная ответ, который он и получил.

Все это время доктор Винчестер занимался пациентом, то перевязывая раны на кисти, то тщательно осматривая его голову, шею и грудь над сердцем. Не один раз он касался носом губ бесчувственной жертвы и принюхивался. Каждый раз после этого доктор машинально оглядывал комнату, словно что-то отыскивая.

Но вот послышался низкий, сильный голос детектива:

— Насколько я могу судить, целью было вставить этот ключ в замок сейфа. Похоже, в механизме есть какой-то секрет, суть которого мне не ясна, хотя у меня был в этом вопросе некоторый опыт до того, как я поступил в полицию. Это комбинационный замок из семи цифр, но похоже, был способ заблокировать эту комбинацию. Это работа фирмы Четвуд; я зайду к ним и что-нибудь выясню.

Он повернулся к доктору, словно считая свою работу временно оконченной:

— Нашли что-нибудь, о чем можно сказать сразу, доктор? Если есть сомнения, я могу подождать, но чем скорее получу что-то определённое, тем лучше.

Доктор Винчестер немедленно ответил:

— Что касается меня, смысла ждать я не вижу. Конечно, я составлю полный отчёт. Но пока что расскажу вам все, что знаю, хотя и не слишком много, и все, что думаю, а это ещё меньше. У него на голове есть рана, вызвавшая ступор, в котором больной находится. Следовательно, я должен предположить, что его подвергли действию наркотического препарата или же влиянию гипноза. Но насколько могу судить, препарата он не принимал — по крайней мере, известного мне своим воздействием. Впрочем, в этой комнате обычно столь сильно пахнет мумией, что трудно различить вещество с тонким запахом. Смею предположить, что вы уловили характерные египетские ароматы — битума, нарда, смолы, специи и прочего. Вполне возможно, где-то в комнате, среди диковин, находится вещество или жидкость, свидетелями действия которых мы являемся. Вероятно, больной принял препарат и в некоей сонной фазе поранил себя. Но я сомневаюсь в этой догадке: прочие обстоятельства могут доказать её ошибочность. Но пока что эту возможность следует принять к сведению до её опровержения.

Тут его перебил сержант Доу:

— Это возможно, но в таком случае, мы должны были найти инструмент, которым поранена его кисть. Где-то должны присутствовать следы крови.

— Вот именно! — сказал доктор, поправляя очки и, видимо, готовясь к спору. — Но случись оно так, что больной принял некий необычный препарат, его воздействие могло проявиться не сразу. Поскольку мы незнакомы с его свойствами, — принимая догадку за верную, — следует быть готовыми и к этому.

В разговор вступила миссис Трелони:

— Что касается препарата, вы, возможно правы, но касательно второй части вашего предположения: рака могла оказаться само нанесённой, причём после того, как начал действовать препарат.

— Верно! — согласились вместе и доктор и детектив.

Она продолжала:

— Впрочем, ваши догадки, доктор, не исчерпывают вероятностей, и нам следует помнить, что возможны и прочие варианты основной вашей идеи. Отсюда я делаю вывод о необходимости в первую очередь отыскать оружие, которым была поранена кисть моего отца.

— Может быть, он убрал оружие в сейф перед тем, как окончательно потерять сознание, — заметил я, высказывая зародившуюся во мне мысль.

— Это невозможно, — быстро возразил доктор. — По крайней мере, вряд ли,

— осторожно добавил он, коротко поклонившись мне. — Видите, его левая рука покрыта кровью, но на сейфе нигде нет следов крови.

— Совершенно верно! — воскликнул я, и последовало долгое молчание.

Первым нарушил его доктор.

— Мы как можно быстрее должны вызвать сюда сиделку, и я знаю одну подходящую. Я немедленно приглашу её, если смогу. Должен попросить вас постоянно быть с больным до моего возвращения. Позже может возникнуть необходимость переместить его в другую комнату, но пока пусть побудет здесь. Мисс Трелони, я могу рассчитывать, что вы или миссис Грант останетесь здесь — не только в комнате, но и рядом с больным — до моего возвращения?

Она кивнула в ответ и уселась рядом с диваном. Доктор дал ей некоторые указания на тот случай, если отец придёт в себя до его возвращения.

Теперь пришла очередь старшего офицера До-лана; он подошёл к сержанту Доу и сказал:

— Пожалуй, мне лучше вернуться в участок. Конечно, если вы не желаете, чтобы я побыл здесь ещё немного.

Тот ответил:

— А Джонни Райт все ещё служит в вашем подразделении?

— Да! Хотите взять его к себе? — Доу кивнул в ответ. — Тогда я пришлю его к вам как только смогу это оформить. И он останется с вами так долго, как вы пожелаете. Я прикажу ему работать строго по вашим инструкциям.

Сержант проводил его до двери, добавляя на ходу:

— Благодарю вас, сэр. Вы всегда заботитесь о людях, с которыми работаете. Мне очень приятно снова быть с вами. Я вернусь в Скотленд-Ярд и доложу моему шефу. Затем зайду к Четвуду и вернусь сюда как можно быстрее. Могу ли я рассчитывать, мисс, остановиться здесь на день-другой в случае необходимости? Возможно, я смогу быть вам чем-то полезным, если пробуду здесь до тех пор, пока мы не распутаем эту тайну.

— Буду вам очень благодарна.

Он задержал на ней проницательный взгляд и продолжал

— Прежде чем я уйду, вы позволите осмотреть стол и бюро вашего отца? Там может быть что-то дающее ключ ко всем этим событиям.

Её ответ прозвучал настолько прямо, что это почти удивило его.

— Вы получаете самое исчерпывающее решение делать все, что может помочь нам в этой беде, лишь бы узнать, что случилось с отцом, и получить возможность защитить его будущее.

Он медленно начал систематический осмотр туалетного столика, а затем письменного стола в комнате. В одном из ящичков он нашёл запечатанное письмо и, перейдя через комнату, тут же вручил его мисс Трелони.

— Письмо адресовано мне и написано почерком отца! — воскликнула она, нетерпеливо вскрывая его. Я следил за её лицом, пока она читала, но, заметив, как решительно смотрел на неё сержант Доу, ловя малейшее облачко, пробегающее по её лицу, я переключил внимание на него. Когда хозяйка прочла письмо до конца, я пришёл к определённом выводу, но предпочёл спрятать его в сердце. Среди прочих подозрений у детектива определённо зародилось подозрение по отношению к самой мисс Трелони.

Несколько минут она держала письмо в руке, опустив глаза и раздумывая. Затем снова внимательно прочла его; на этот раз смена чувств на лице была яснее, и я легко проследил за нею. Закончив повторное чтение, она снова помолчала. Затем, несколько помедлив, подала письмо детективу. Тот прочёл его нетерпеливо, но с бесстрастным лицом; прочёл снова и с поклоном вернул. Чуть погодя, она подала его мне. При этом на миг подняла на меня умоляющие глаза; её бледные щеки и лоб зарделись.

Я взял его с противоречивыми чувствами, но в целом был рад. Она не выразила никакого волнения, дав его детективу, и вряд ли выразила бы его кому-нибудь другому, но для меня... Я не решился развить эту мысль дальше и принялся читать, ощущая на себе пристальные взгляды детектива.

«ДОРОГАЯ МОЯ ДОЧЬ, я хочу, чтобы ты приняла это письмо в качестве инструкции — абсолютной и обязательной, не позволяющей ни малейших отклонений — в случае, если со мной произойдёт нечто неожиданное для тебя и других. Если я буду внезапно и таинственно сражён — болезнью, несчастным случаем или нападением, ты должна точно следовать этим инструкциям. Если я не окажусь в моей спальне, когда ты поймёшь, что это со мной случилось, меня следует перенести туда как можно быстрее. Даже в случае моей смерти, моё тело должно быть помещено туда. С этого момента и до того, как я приду в сознание и смогу сам дать указания или же буду похоронен, меня нельзя оставлять одного — ни на один миг. С наступления ночи до рассвета не менее двух персон должны находиться в комнате. Желательно, чтобы время от времени в комнате появлялась квалифицированная сиделка и записывала любые постоянные или меняющиеся симптомы, показавшиеся ей необычными. Мои поверенные, Марвин и Джукс из Линкольн-Инн, 27б, получили подробные наставления на случай моей смерти, и мистер Марвин лично проследит за выполнением моих желаний. Я посоветовал бы тебе, дочь моя, поскольку у тебя нет родственника, к которому можно обратиться, найти себе друга, которому можно доверять, и пусть он либо находится в доме, где с ним мгновенно можно связаться, либо приходит еженочно для помощи по наблюдению. Этот друг может быть как мужчиной, так и женщиной, но в любом случае, следует добавить ещё одного наблюдателя или помощника противоположного пола. Пойми, в этом суть моего желания — наличие бодрствующих и помогающих моей цели мужского и женского интеллектов. Ещё раз напоминаю,

дорогая Маргарет, о необходимости вести наблюдения и на их основании делать выводы, какими бы странными они ни показались. Если я заболею или буду ранен, обстоятельства будут необычными, поэтому хочу предупредить тебя, чтобы ты была максимально осторожной.

Ни единого предмета в моей комнате — я говорю о диковинах — не должно быть убрано или передвинуто ни в коем случае. У меня особые причины и цели в размещении каждой вещицы, поэтому перестановка может нарушить мои планы.

Если тебе понадобятся деньги или совет по любому вопросу, мистер Марвин выполнит твои пожелания, на что у него есть мои исчерпывающие указания.

Абель Трелони».

Я прочёл письмо дважды, прежде чем высказаться, потому что боялся выдать себя. Выбор друга мог остановиться на мне. У меня уже были основания надеяться, поскольку она просила меня о помощи, едва пришла беда, но у любви свои сомнения, и я опасался. Мысли мои закружились с молниеносной быстротой, и через несколько секунд мой замысел обрёл форму. Не следует предлагать себя на роль друга, необходимость в котором посоветовал дочери отец, хотя в её взгляде был намёк, который я не должен игнорировать. Впрочем, когда она нуждалась в помощи, разве не послала она за мной, почти незнакомым человеком, если не считать встречи на званом вечере и короткой дневной прогулки по реке?! Не унизит ли её необходимость просить меня дважды? Унизить её! Нет, в любом случае я её от этого избавлю. Поэтому, возвращая ей письмо, я сказал:

— Знаю, что вы простите меня, мисс Трелони, если я осмеливаюсь на чересчур многое, но ваше разрешение на мою помощь в наблюдении заставит меня гордиться. Несмотря на грустный повод, я буду счастлив получить эту привилегию.

Несмотря на мучительную попытку девушки сохранить самообладание, краска скользнула по её лицу и шее; казалось, и глаза её налились румянцем. После того, как краска схлынула с бледных щёк, она тихо ответила:

— Я буду очень благодарна вам за помощь! — и почти сразу добавила: — Но вы не должны позволять мне проявлять при этом эгоистичность! Я знаю, что у вас много дел, и, невзирая на крайне высокую оценку вашей помощи, было бы нечестно распорядиться вашим временем.

— Не беспокойтесь, — живо ответил я, — моё время принадлежит вам. Сегодня я таким образом построю свой день, что смогу прийти сюда и остаться до утра. Впоследствии, если потребуется, распоряджусь работой так, чтобы у меня было ещё больше времени.

Маргарет казалась очень тронутой. Я заметил слезы в её глазах, и она отвернулась. Заговорил детектив:

— Я рад, что вы здесь, мистер Росс. С разрешения мисс Трелони я тоже буду в доме, если позволит начальство в Скотленд-Ярде. Похоже, письмо меняет все аспекты дела, хотя тайна приобретает ещё больший масштаб. Если можете подождать здесь час-другой, я отправлюсь в управление и затем к изготовителям сейфов. После этого я вернусь, и вы сможете уйти с лёгкой совестью, поскольку я буду здесь.

Когда он ушёл, мы с мисс Трелони помолчали. Наконец она подняла глаза и на миг задержала их на мне; после этого я не поменялся бы местами и с королём. Некоторое время она занималась приготовлением постели для своего отца. Затем, попросив меня не сводить с него глаз, поспешила прочь из комнаты.

Через несколько минут она вернулась с миссис Грант, двумя служанками и парой мужчин, доставивших раму и комплект деталей для лёгкой железной кровати. Они принялись за её сборку, а по завершении работы удалились, и она сказала мне:

— Хорошо, если все будет готово к возвращению доктора. Он наверняка захочет уложить отца в постель, а подходящая постель окажется для него полезней, чем диван. — Затем она придвинула стул поближе к отцу и уселась, наблюдая за ним.

Я обошёл комнату, внимательно примечая все, что увидел. И верно — в комнате хватало вещиц, вызывающих любопытство у любого человека, даже при менее странных обстоятельствах. Вся комната, не считая обычных для хорошо меблированной спальни предметов, была заполнена восхитительными диковинами, большей

частью египетскими. Поскольку комната была огромна, в ней возможно было разместить большое их количество, хотя бы и внушительных размеров.

Я все ещё осматривал комнату, когда перед домом зашуршал гравий под колёсами. Послышался звонок в дверь холла и через минуту, постучав в дверь и услышав «войдите!», появился доктор Винчестер в сопровождении молодой женщины в тёмном платье сиделки.

— Мне повезло! — объявил он входя. — Я быстро нашёл её, и она свободна. Мисс Трелони — это сиделка Кеннеди!

Глава 3. Наблюдатели

Меня поразило то, как обе молодые женщины посмотрели друг на друга. По-видимому, я настолько привык мысленно оценивать личности свидетелей и делать выводы, исходя из их поступков и манеры поведения, что эта привычка вошла в мою жизнь, выйдя за рамки судебных заседаний. В данный момент меня интересовало все, что интересовало мисс Трелони, и, поскольку гостя поразила её, я также машинально оценил её. Сравнивая их обеих, я каким-то образом больше узнал о мисс Трелони. И впрямь, обе женщины представляли собой хороший контраст. У хозяйки была прекрасная фигура, смуглая кожа и прямые черты лица. Глаза у неё были обворожительные: большие, широко открытые, чёрные и мягкие, как бархат, обладающие таинственной глубиной. Они напоминали чёрное зеркало, в которое заглядывал доктор Ди во время своих колдовских обрядов. На пикнике, один старый джентльмен, известный путешественник по Востоку, сравнил эффект, получаемый от взгляда на них, с ночным излучением дальних ламп мечети через открытую дверь. Брови были типичными: тонко изогнутые и густо поросшие длинными густыми волосками, они казались прекрасным архитектурным дополнением к глубоким, прекрасным глазам. Волосы у неё тоже были чёрными, но тонкими, как шёлк. Обычно чёрные волосы говорят о большой энергии и отображают стихию сильной натуры, но в данном случае об этом не могло быть и речи. Здесь чувствовались утончённость и изящное воспитание, и, хотя в ней не было намёка на слабость, сила её была скорее духовного, чем физического происхождения. Она была само совершенство и гармония. Осанка, фигура, волосы, глаза, полный рот, словно освещавший своими алыми губами и белыми зубами нижнюю часть лица, подобно тому, как глаза освещали верхнюю, длинные изящные пальцы и рука с необычайно гибкой кистью — все это создавало женщину, поражающую своей грацией, душевностью, красотой и очарованием.

Сиделка Кеннеди, напротив, была ниже ростом, чем средняя женщина. Она была плотной, с полными руками и ногами и

сильными, способными ладонями. Она напоминала осенний лист. Жёлто-каштановые волосы были густыми и длинными, а золотисто-карие глаза искрились на веснушчатом загорелом лице. Её розовые щеки, казалось, имели коричневый оттенок, а красные губы и белые зубы не меняли общей цветовой гаммы, а лишь подчёркивали её. У неё был курносый нос, несомненно, но, как и все подобные носы, он говорил о великодушной, неутомимой натуре весьма добродушного свойства. Широкий белый рот, который пощадили веснушки, выдавал сильную мысль и здравый смысл.

По пути из больницы доктор Винчестер сообщил ей необходимые подробности, и она без единого слова занялась больным, взяв его под свою ответственность. Осмотрев заново сделанную постель и встряхнув подушки, она обратилась к доктору, и тот дал ей указания; вскоре мы вчетвером подняли бесчувственного человека с дивана. Сразу после полудня, когда возвратился сержант Доу, я навестил своё жилище на Джермин-стрит и выслал кое-что из одежды, книг и бумаг, которые могли мне понадобиться в ближайшие дни. Затем отправился выполнять служебные обязанности.

В тот день суд заседал допоздна, чтобы закончить важную тяжбу, и, когда я подъехал к воротам на Кенсингтон Пэлис-роуд, пробило шесть часов. Меня поместили в большой комнате рядом с кабинетом больного.

В ту ночь мы ещё не распределили очерёдность наблюдения, и поэтому ранним вечером дежурства были неравномерными. Сиделка Кеннеди, продежурившая весь день, легла отдохнуть, договорившись прийти снова в двенадцать. Доктор Винчестер, столующийся в доме, оставался в своей комнате, пока не объявили ужин, и вернулся к себе, едва он закончился. Миссис Грант оставалась в комнате и вместе с ней сержант Доу, пожелавший завершить тщательный осмотр всей комнаты и прилегающих помещений. В девять часов мы с мисс Трелони пошли сменить доктора. Днём она отдохнула несколько часов, чтобы на свежую голову выполнить свои обязанности ночью. Она заверила меня, что по крайней мере этой ночью намерена не сомкнуть глаз и наблюдать. Я не старался разубедить её, поскольку знал, что её решение твёрдо, и тут же решился наблюдать вместе с ней, разумеется, в том случае, если она не пожелает обратного. Пока что я не сказал ей о своём намерении. Мы вошли в кабинет на

цыпочках, так тихо, что склонившийся над кроватью доктор не услышал нас и немного испугался, подняв глаза и встретившись с нашими взглядами. Я чувствовал, что тайна всей этой истории действует ему на нервы, как подействовала уже на нервы некоторых из нас. Мне показалось, что он несколько сердит на себя за мимолётный испуг, потому что он торопливо заговорил, пытаясь преодолеть своё смущение:

— Право же, я абсолютно не в силах найти малейшую причину для его ступора. Я снова тщательнейшим образом осмотрел его и удовлетворён отсутствием ранения мозга, по крайней мере, наружных признаков нет. Похоже, все его жизненные органы не повреждены. Как вы знаете, я несколько раз давал ему пищу, и это явно пошло на пользу. Дыхание у него сильное и ровное, а пульс замедлился и усилился по сравнению с утренним. Я не могу найти следов каких-то известных препаратов, и его бессознательное состояние не напоминает ни один из случаев гипнотического сна, виденных мною в клинике Шарко в Париже. Что касается этих ран, — он нежно положил палец на забинтованную кисть, лежащую поверх покрывала, — не знаю, как их объяснить. Они могли быть нанесены текстильным станком, но такое предположение нелепо. Можно считать, и пределы вероятности допускают это, что их нанесло дикое животное, имей оно возможность заточить себе когти. На мой взгляд, это же абсурдно. Кстати, нет ли здесь, в доме каких-либо необычных домашних животных, наподобие сумчатой куницы?

Мисс Трелони улыбнулась печальной улыбкой, при виде которой у меня кольнуло в сердце, и ответила:

— Ах, нет! Отец не любит животных в доме, разве что мёртвых и превращённых в мумии. — Это прозвучало с оттенком горечи или же ревности. — Даже мой бедный котёнок нежеланный гость в доме, и, хотя он самый милейший и послушный кот на свете, его пребывание в доме напоминает условное и ему не позволено находиться в этой комнате.

В то время, как она говорила, послышался слабый звук: кто-то дёргал дверную ручку. Лицо мисс Трелони мгновенно просветлело. Она метнулась к двери, бросив на ходу:

— Это он. Это мой Сильвио. Он встаёт на задние лапы и теребит дверную ручку, когда хочет войти в комнату. — Она открыла дверь,

обращаясь к коту, словно к ребёнку: — Хочешь к маме, малыш? Войди же, но изволь остаться с нею!

Она подняла кота на руки и вернулась. Определённо, это было восхитительное животное. Шиншиллового серый «перс» с длинной шелковистой шерстью: поистине важный зверь с надменными манерами, несмотря на мягкость, и с могучими лапами, цепко стоящими на земле. Хозяйка продолжала ласкать его, но он вдруг вывернулся, как уж, и выскользнул из её рук. Перебежав через комнату, он встал напротив низкого стола, на котором стояла мумия животного, и начал мяукать и рычать. Мисс Трелони мигом бросилась к нему и вновь подняла на руки, несмотря на попытки вырваться и толчки задних лап. Впрочем, он не кусался и не царапался, очевидно питая любовь к своей прекрасной хозяйке. Едва оказавшись у неё на руках, он смолк, и она шёпотом принялась выговаривать ему:

— Что за несносный Сильвио! Ты нарушил слово, которое дала за тебя мама. А теперь пожелай доброй ночи джентльменам и отправляйся в комнату мамы!

С этими словами она протянула мне кошачью лапу для пожатия. Повиновавшись, я не мог не восхититься её величиной и красотой.

— Его лапа напоминает боксёрскую перчатку, полную когтей, — заметил я, и девушка улыбнулась.

— Так и должно быть. Вы не заметили, что у моего Сильвио семь пальцев, смотрите!

Она раскрыла лапу и в самом деле, на ней было семь отдельных когтей, каждый словно в нежной, подобной скорлупе, оболочке. Я нежно погладил лапу, из неё высунулись когти, и один из них случайно — потому что кот не сердился и мурлыкал — вонзился мне в руку. Я отдернул её, и у меня невольно вырвалось:

— Э, да у него когти как бритвы!

Доктор Винчестер, подойдя к нам поближе, наклонился и осмотрел кошачьи когти. Услышав моё восклицание, он резко охнул.

Я услышал, как у него перехватило дыхание. Пока я ласкал уже успокоившегося кота, доктор отошёл к столу и, вырвав лист промокательной бумаги из блокнота для записей, вернулся. Положив бумагу себе на ладонь, он коротко извинился перед мисс Трелони, поместил на него кошачью лапу и прижал её другой рукой. Похоже, надменному коту не понравилась эта фамильярность, и он попытался

убрать лапу. Это явно совпало с желанием доктора, потому что одновременно кот выпустил когти и проделал несколько прорезей в мягкой бумаге. Затем мисс Трелони унесла своего любимца. Через пару минут она вернулась со словами:

— Невероятно странная история с этой мумией! Когда Сильвио пришёл в эту комнату впервые, — ведь я взяла его котёнком, чтобы показать отцу, — он проделал тот же путь. Он вспрыгнул на стол и попытался поцарапать или укусить мумию. Это так рассердило отца, что он наложил запрет на беднягу Сильвио. Лишь условное разрешение, полученное через меня, удержало его в доме.

Пока девушки не было в комнате, доктор Винчестер снял повязку с кисти её отца. Теперь рука была вполне чистой и отдельные порезы выступали на ней ярко-красными линиями. Доктор сложил бумагу поперёк линии проколов, сделанных кошачьими когтями, и наложил её на рану. Сделав это, он торжествующе поднял глаза и поманил нас к себе.

Прорези в бумаге соответствовали ранам на кисти! Объяснение было излишним, и он лишь добавил:

— Мастеру Сильвио лучше было не нарушать своего слова!

С минуту мы помолчали. Вдруг мисс Трелони сказала:

— Но Сильвио не было здесь прошлой ночью!

— Вы уверены? И смогли бы доказать это в случае необходимости?

Она чуть помедлила, прежде чем ответила:

— Я уверена в этом, но, боюсь, это трудно доказать. Сильвио спит в корзине в моей комнате. Я определённо положила его туда прошлой ночью: отчётливо помню, как укрыла его одеяльцем и подоткнула края. Сегодня утром я сама вынула его из корзины. И, конечно, я не замечала его здесь, хотя это не имеет большого значения, так как я очень беспокоилась о бедном отце и была слишком занята, чтобы замечать Сильвио.

Доктор покачал головой и несколько печально заметил:

— Во всяком случае, доказать что-либо бесполезно. Любой кот на свете уже очистил бы следы крови со своих лап и успел бы сделать это сотню раз за истёкшее время.

Мы снова замолчали, и вновь молчание прервала мисс Трелони:

— Но, по-моему, бедняга Сильвио все же никак не мог поранить отца. Моя дверь была закрыта, когда я впервые услышала шум, а дверь отца была закрыта, когда я прислушалась к ней. А когда я вошла, рана уже была нанесена, так что она должна была появиться до того, как туда мог попасть Сильвио.

Это рассуждение имело достоинство, особенно для меня, как для барристера, поскольку оно могло удовлетворить присяжных. Я получил явное удовольствие, когда с Сильвио была снята вина, — возможно, потому, что он был котом мисс Трелони и её любимцем. Счастливый кот! Хозяйка Сильвио явно обрадовалась моим словам: «Вердикт: не виновен!»

Доктор Винчестер, помолчав, заметил:

— Приношу извинения мастеру Сильвио, но я все же озадачен его гневом против этой мумии. А к другим мумиям в этом доме он относится так же? У входа я видел три штуки.

— Здесь их множество, — ответила она. — Иногда я не знаю, где нахожусь

— в частном доме или в Британском музее. Но Сильвио не интересуется ни одной из них, кроме этой. Полагаю, это из-за того, что мумия принадлежит животному, а не мужчине или женщине.

— Возможно, она принадлежит коту! — произнёс доктор и перешёл через комнату, чтобы взглянуть на мумию повнимательней. — Да, — продолжал он, — это мумия кошки и также весьма прекрасной. Не будь она особой любимицей некой важной особы, её никогда не удостоили бы такой чести. Взгляните! Окрашенный футляр и обсидиановые глаза — в точности, как у человеческой мумии. Необычная вещь знание, передающееся от рода к роду. Вот мёртвая кошка, ей, по-видимому, четыре или пять тысяч лет, и другой кот другой породы, живущий практически в другом мире, готов наброситься на неё, словно она вовсе не мертва. Мне хотелось бы немного поэкспериментировать с этой кошкой, если вы не возражаете, мисс Трелони.

Чуть помедлив, хозяйка отвечала:

— Ну конечно, делайте все, что сочтёте нужным или мудрым, но, я надеюсь, это не принесёт вреда или беспокойства моему бедному Сильвио.

— О, с ним все будет в порядке; мои симпатии будут принадлежать другой стороне.

— Поясните подробнее.

— Мастер Сильвио будет нападать, а другая кошка страдать.

— Страдать? — в её голосе прозвучала нотка боли. Доктор успокаивающе улыбнулся.

— Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. Она пострадает не в том смысле, как мы это понимаем, за исключением, быть может, внешнего вида и структуры.

— Ради Бога, о чем это вы?

— Да просто, дорогая юная леди, антагонистом будет мумия-кошка наподобие этой. Полагаю, на Музейной улице их множество. Я возьму одну из них и помещу вместо этой — вы не посчитаете это нарушением инструкций вашего отца, надеюсь. И тогда мы сможем узнать для начала, питает ли неприязнь Сильвио ко всем мумиям-кошкам или же именно к этой.

— Не знаю, — неуверенно произнесла мисс Трелони. — Инструкции отца не допускают никаких компромиссов. — Помолчав, она продолжала: — Но, конечно, обстоятельства требуют, чтобы было сделано все, что может пойти ему на пользу. Пожалуй, с этой мумией не может быть связано ничего особенного.

Доктор Винчестер промолчал. Он застыл на стуле с таким мрачным видом, что часть этого настроения передалась мне, и я с волнением начинал постигать ранее не осознанную необычность дела, в котором принял столь глубокое участие. Эта мысль вызвала нескончаемую цепь ей подобных. Она росла, давала ростки и воспроизводилась тысячью различных способов. Комната и все, что в ней было, порождали странные мысли. Столь многие древние реликты произвольно уносили вас в странные земли и странные времена. Множество мумий и связанных с мумиями предметов, пропитавшихся запахами битума, специй и смол — ароматами Нарда и Черкессии, не позволяли забыть прошлое. Разумеется, комната была слабо освещена, и даже этот свет заботливо прикрывали ширмы. Сюда не допускался прямой свет, способный проявить себя самостоятельной силой или сущностью и войти в компаньоны. Комната была большой и обладала высокими по отношению к размеру стенами. В ней с избытком хватало места для множества вещей, не часто появляющихся в

спальнях. Дальние углы комнаты казались причудливыми тенями. Не раз многочисленное присутствие мёртвых и прошлого овладевали мной с такой силой, что я непроизвольно и испуганно оглядывался, будто ожидая увидеть некую странную личность или попасть под влияние. В такие минуты меня не могло полностью утешить и успокоить даже несомненное присутствие доктора Винчестера и мисс Трелони. Поэтому я с явным облегчением увидел в комнате новую личность в облике сиделки Кеннеди. Несомненно, эта деловая, уверенная и способная молодая женщина привнесла элемент безопасности в мир их необузданных фантазий. Казалось, все вокруг проникалось исходившими от неё эманациями здравого смысла. Вплоть до этой минуты я окружал своими фантазиями больного так, что в конечном итоге все относящееся к нему, включая меня, переплелось и слилось воедино будто... Но вот она пришла, и он вновь принял надлежащие пропорции в качестве пациента, комната стала палатой для больного, а тени потеряли пугающие свойства. Единственным не поддающимся устранению, был необычный египетский запах. Можете поместить мумию в стеклянный футляр и герметично запечатать его, чтобы не проникал корродирующий воздух, но она по-прежнему будет испускать свой запах. Может показаться, что четыре или пять тысячелетий истощают действующие на обоняние свойства любого предмета, но опыт учит, что эти запахи живут и тайны их неизвестны нам. Сегодня они остаются такими же загадочными, как и в тот миг, когда люди, бальзамировавшие тело, укладывали его в натронную ванну.

Я вздрогнул, сидя на стуле. Меня унесли вдаль всепоглощающие мысли. Наверное, египетский запах подействовал на мои нервы, мою память — и на саму волю.

И вдруг мне пришла в голову мысль, напоминающая вдохновение. Если на меня подобным образом действовал запах, могло ли случиться, что больной, проживший полжизни или больше в этой атмосфере, под влиянием медленного, но постоянного процесса принимает в свой организм нечто, насыщающее его до такой степени, что это нечто превращается в какую-то неведомую силу — или власть — или же...

Я снова глубоко задумался. Это не годится. Мне нужно быть осторожным, чтобы не заснуть и освободиться от уводящих в транс

мыслей. Прошлой ночью я проспал лишь часа четыре и эту ночь должен также не сомкнуть глаз. Не объявляя о своём намерении, из страха, что это может добавить огорчения и смущения мисс Трелони, я спустился вниз по лестнице и вышел из дома. Вскоре я нашёл лавку аптекаря и покинул её с респиратором. Когда я вернулся, было десять часов и доктор уходил на всю ночь. Сиделка подошла с ним к двери комнаты больного, выслушивая последние наставления. Мисс Трелони неподвижно сидела возле постели. Неподалёку находился сержант Доу, вошедший после ухода доктора.

Когда к нам присоединилась сиделка Кеннеди, мы договорились, что она подежурит до двух, а за тем её сменит мисс Трелони. Таким образом, согласно инструкциям мистера Трелони, в этой комнате всегда будут мужчина и женщина, и каждый из нас будет покидать комнату чуть позже, чтобы новая смена наблюдателей не начинала дежурства, не узнав от кого-то обо всех происшествиях — если таковые были. Я лёг на диван в своей комнате, договорившись с одним из слуг, чтобы он разбудил меня около двенадцати. Через минуту-другую я заснул.

Проснувшись, я несколько секунд приходил в себя, вспоминая, кто я такой и где нахожусь. Впрочем, короткий сон пошёл мне на пользу, и я мог смотреть на окружающее под более практичным углом зрения, нежели раньше вечером. Умыв яйцо, освежённый, я вошёл в спальню больного. Я двигался очень тихо. Сиделка находилась возле постели, спокойная и бодрая, а детектив сидел в кресле на другом конце комнаты, в полутьме. Он не пошевелился, пока я не подошёл к нему, и затем глухо произнёс:

— Все в порядке, я не спал! — Излишне уверения, подумал я и сказал ему, что его дежурство закончено и он может идти спать, пока я не разбужу его в шесть. Казалось, он обрадовался и живо пошёл к выходу, но у двери обернулся и, снова подойдя ко мне, прошептал: — Я сплю чутко и буду держать под рукой свои пистолеты. Надеюсь, тяжесть в голове у меня исчезнет, когда я освобожусь от этого запаха мумии.

Так значит, он испытывал сонливость подобно мне!

Я спросил у сиделки, не нужно ли ей чего. Я заметил у неё на коленях флакон с нюхательной солью. Несомненно, и она ощущала на себе то же влияние, что и я. Она сказала, что ни в чем не нуждается,

но, если ей что-либо понадобится, — она тут же даст мне знать. Мне хотелось, чтобы она не заметила моего респиратора, поэтому я направился к стулу, находящемуся в тени, за её спиной. Здесь я спокойно надел его и устроился поудобнее.

Мне показалось, что я долгое время сидел, погруженный в мысли. Они кружились в моей голове хороводом, как и следовало ожидать после событий предыдущего дня и ночи. Я снова задумался о египетском запахе: помню, я наслаждался удовлетворением от того, что не чувствую его более. Респиратор делал своё дело.

По-видимому, исчезновение тревожащих мыслей успокоило мой мозг, и в результате телесного отдыха случилось так, что во сне или наяву ко мне пришло видение. Оно напоминало сон, но я вряд ли сумею объяснить его смысл.

Я по-прежнему находился в комнате и сидел на стуле. На мне был надет респиратор, и я знал, что дышу свободно. Сиделка располагалась на своём стуле, спиной ко мне. Она сидела неподвижно. Больной лежал неподвижно, словно мёртвый. Это напоминало скорее пантомиму, нежели реальность: все кругом было неподвижно и тихо, и это состояние длилось бесконечно. Откуда-то издалека доносились звуки города: частый стук колёс, крик загулявшего кутилы, дальнейшее эхо свистков и грохот поездов. Свет был крайне тусклым: его отблеск под лампой с зелёным колпаком едва ли рассеивал темноту. Зелёная шёлковая бахрома колпака напоминала цветом изумруд под лунным светом. Несмотря на темноту, комнату наполняли тени. Моему смятенному разуму представлялось, будто все реальные вещи стали тенями и тени эти двигались, появляясь в смутных силуэтах высоких окон. Тени обладали ощущениями. Мне даже показалось, что послышался звук, слабые мяуканье кошки — затем шорох штор и металлический звон, как при слабом прикосновении металла к металлу. Я сидел как зачарованный. Наконец, словно в кошмаре, я понял, что это сон и при входе в его пределы потерял всю свою волю. И вдруг я полностью пришёл в себя. У меня в ушах звенел крик. Внезапно комнату залил поток света. Послышались пистолетные выстрелы, один, другой, и в комнате повис белый туман из дыма. Когда зрение моё полностью восстановилось, мне самому впору было вскрикнуть от ужаса при виде того, что было передо мной.

Глава 4. Вторая попытка

Зрелище, представшее перед моими глазами, было ужасным сном внутри другого сна и обладало оттенком реальности. Комната оставалась прежней, но тени исчезли под ярким светом многих ламп, и каждая вещь приобрела чёткий и реальный облик.

У пустой кровати занимала кресло сиделка Кеннеди; она сидела выпрямившись, как и прежде. Сиделка поместила сзади себя подушку, чтобы спина её оставалась прямой, но её шея, казалось, принадлежала человеку, впавшему в каталепсический транс. Для всех посторонних влияний она была словно каменная статуя. На лице у неё не было ни страха, ни ужаса — ничего присущего женщине в подобном состоянии. В открытых глазах ни удивления, ни интереса. Она как бы превратилась в существо с застывшими эмоциями, тёплое, дышащее, но абсолютно безразличное к окружающему миру. Постельное бельё было разбросано, будто больного вытащили из-под простынь, не убрав их на место. Угол верхней простыни свешивался на пол, а вблизи него лежал один из бинтов, которыми доктор забинтовал раненую кисть. Ещё и ещё один лежали на полу чуть дальше, будто указывая место, где теперь лежал больной. Оно почти точно соответствовало тому, где его нашли предыдущей ночью, под огромным сейфом. Но произошло новое ужасное нападение, и была сделана попытка отрезать руку возле браслета, содержавшего крошечный ключик. Со стены был снят тяжёлый нож «кукри» — один из имеющих форму листа ножей, применявшийся для нападения горными племенами Индии. Примечательно, что в момент удара произошла заминка, потому что лишь кончик ножа, а не кромка лезвия, ударил в плоть. В результате была пронзена до кости наружная сторона руки, и из раны лилась кровь. Вдобавок оказалось порезанной или ужасно порванной прежняя рана на предплечье, и один из порезов, казалось, выплёскивал кровь с каждым толчком сердца. Сбоку от отца стояла на коленях мисс Трелони, и её белую ночную рубашку пачкала кровь, в лужице которой она стояла. Посредине комнаты сержант Доу, в рубашке, брюках и носках, с ошеломлённым видом, машинально перезаряжал свой револьвер. Глаза у него были красные и набрякшие,

он казался лишь наполовину проснувшимся и не совсем отдающим себе отчёт в том, что происходит. Несколько слуг с всевозможными светильниками в руках теснились в дверях.

Когда я поднялся со стула и шагнул вперёд, мисс Трелони подняла на меня глаза. Увидев меня, она пронзительно вскрикнула и вскочила на ноги, указывая на меня пальцем. Никогда не забуду это странное впечатление, создаваемое её белыми одеждами, испачканными в крови, стекавшей на её босые ноги. Полагаю, я всего лишь спал, и странное влияние, подействовавшее на мистера Трелони, сиделку Кеннеди, и в меньшей степени на сержанта Доу, не коснулось меня. Респиратор оказался полезен, хотя и не предотвратил трагедию, яркие последствия которой были передо мной. Теперь я понимаю — и мог понять даже тогда — испуг, усиленный происшедшим, который должна была вызвать моя внешность. Моё лицо все ещё прикрывал респиратор, прижатый к носу и рту, а волосы был и взъерошены во сне. Должно быть, внезапно шагнув в эту испуганную толпу, освещённый разнокалиберными светильниками, я представлял необычайное и устрашающее зрелище. К счастью, я понял это вовремя и успел предотвратить другую катастрофу, потому что полуневменяемый и действующий машинально детектив уже зарядил револьвер и поднял его, чтобы выстрелить в меня. Но я успел сорвать респиратор и криком предупредить его. Он действовал машинально: в красных полусонных глазах не было даже намёка на осознанное действие. Впрочем, опасность была отведена. Как ни странно, напряжение этой ситуации было снято довольно простым способом: миссис Грант, видя, что на юной хозяйке надета одна лишь ночная рубашка, отправилась за халатом и, принеся его, набросила ей на плечи. Этот простой поступок вернул всех нас в реальность. С долгим вздохом все как один занялись самым безотлагательным делом, а именно, остановкой кровотечения из руки раненого. Сама мысль об этом вызвало моё ликование, поскольку кровотечение означало, что мистер Трелони все ещё жив!

Урок прошлой ночи не был потерян даром: теперь многие знали, что делать в подобном случае, и через несколько секунд нетерпеливые руки принялись работать над турникетом. За доктором тотчас послали человека и несколько других слуг исчезли, чтобы привести в порядок свою внешность. Мы подняли мистера Трелони на диван, где

он лежал вчера, и, сделав для него все возможное, обратили наше внимание на сиделку. Во время всей этой суматохи она не шевельнулась, продолжая сидеть прямо и жёстко и сохраняя спокойное, естественное дыхание и безмятежную улыбку. Поскольку предпринимать что-либо с ней до прихода доктора было явно неразумно, мы принялись обдумывать положение в целом.

Тем временем миссис Грант увела с собой хозяйку и передела её. Когда Маргарет вернулась, она была немного спокойнее, хотя её не оставляла нервная дрожь и лицо её было белым как мел. Я держал турникет и видел, как взгляд её опустился на кисть отца, а затем обежал комнату, то и дело останавливаясь на каждом из присутствующих, но, казалось, не находил утешения. Для меня очевидным было, что она не знала, с чего начать и кому довериться, и, чтобы успокоить её, я сказал:

— Со мной уже все в порядке, я просто заснул.

Чуть задыхаясь, она тихо ответила:

— Просто вы заснули! Но мой отец оказался в опасности! А ведь я думала, вы настороже!

Я ощутил укол правды в её упреке, но мне очень хотелось помочь ей, и я продолжал:

— Просто заснул. Это весьма плохо, я знаю, но дело обстоит не так уж «просто». Не прими я определённых предосторожностей, я мог бы сейчас уподобиться нашей сиделке.

Девушка живо глянула на зловещую фигуру, сидевшую прямо и напоминающую раскрашенную статую, и лицо её смягчилось. С обычной своей вежливостью она извинилась:

— Простите меня! Я не хотела быть грубой, но я так расстроена и боюсь, что едва понимаю, что говорю. Ах, это ужасно! Каждую минуту я опасаясь новой беды, кошмаров и тайны.

Эти слова кольнули меня в самое сердце, и я обратился к ней, чтобы облегчить её горе:

— Не думайте обо мне! Я не заслуживаю этого. Я был на страже, но я заснул. Могу лишь сказать, что не хотел этого и пытался избежать, но сон охватил меня незаметно. Впрочем, все позади, и его не вернёшь. Быть может, когда-нибудь мы поймём эти события, но сейчас давайте попытаемся добраться хоть до какого-то объяснения случившегося. Расскажите мне все, что помните!

Пожалуй, усилие вспомнить несколько оживило девушку. Немного успокоившись, она заговорила:

— Я спала и внезапно проснулась из-за ужасного чувства, что отцу грозит большая и неминуемая опасность. Вскочив, я побежала в чем была в его комнату. Там была крошечная тьма, но, когда я открыла дверь, света оказалось достаточно, чтобы я увидела ночную рубашку отца и поняла, что он лежит возле сейфа, точно там же, где и в первую ужасную ночь. Затем я, кажется, на миг обезумела, — она смолкла и вздрогнула.

Мой взгляд поймал сержанта Доу, все ещё крутившего в руках револьвер. Не отрываясь от работы над турникетом, я спокойно заметил:

— А теперь расскажите нам, сержант Доу, куда вы стреляли?

Полисмен собрался с мыслями, и в этом ему помогла привычка подчиняться приказам. Оглядев оставшихся в комнате слуг он сказал с важностью, присущей представителю закона, обращающемуся к посторонним:

— Вам не кажется, сэр, что мы должны позволить слугам уйти? Тогда мы сможем лучше углубиться в дело.

Я одобрительно кивнул, слуги поняли намёк и удалились, хотя и неохотно. Когда последний из них закрыл за собой дверь, детектив продолжил:

— Пожалуй, лучше я расскажу вам о своих впечатлениях, сэр, чем просто перечислю мои действия. То есть, насколько я помню их. — В манере его появилось глубокое почтение, вероятно, возникшее из-за того, что собственное положение казалось ему довольно неловким.

— Я отправился спать полуодетым — как и сейчас, положив револьвер под подушку. Это было последнее, о чем я подумал. Не знаю, как долго я проспал. Я выключил электричество, и было довольно темно. Мне показалось, будто я слышу крик, но я не уверен в этом, потому что чувствовал тяжесть в голове, как бывает у человека, которого слишком быстро вызвали на службу после дополнительной работы. Но сейчас, конечно, было по-другому. Итак, первое, о чем я подумал, был револьвер. Вынув его, я бросился на площадку. Затем услышал вопль, или, скорее, зов о помощи, и вбежал в эту комнату. Она была темна, потому что лампа возле сиделки была потушена и

единственный свет падал с площадки, через открытую дверь. Мисс Трелони стояла на коленях возле отца и кричала. Мне показалось, будто что-то движется между мною и окном, и, поскольку я с трудом соображал и был полусонным, я выстрелил в это нечто. Оно немного продвинулось вправо и оказалось между окнами — я выстрелил снова. Затем вы поднялись с большого стула и подошли с этаким закутанным лицом. Мне показалось — ведь я с трудом соображал и был полусонным, поэтому, сэр, вы непременно примите это в расчёт — показалось, будто вы и есть это самое существо, в которое я стрелял. Так что я собрался выстрелить снова, когда вы сняли повязку.

Тут я спросил у сержанта, чувствуя себя при перекрёстном допросе как рыба в воде:

— Вы говорите, я был тем существом, в которое вы стреляли. Каким существом?

Сержант почесал голову, но не ответил.

— Продолжайте, сэр, — настаивал я. — Что это за существо и как оно выглядело?

Ответ был тихим:

— Не знаю, сэр. Мне показалось, будто там что-то было, но что это и на что оно похоже, я не имею ни малейшего понятия. Наверное, это случилось из-за моих мыслей о пистолете перед тем как заснуть и из-за того, что я пришёл сюда ничего не соображая и полусонный — факт, который вы, сэр, надеюсь, обязательно припомните в будущем. — Он цеплялся за этот образчик извинения, словно за спасательный круг.

Мне не хотелось сердить его; напротив, я желал иметь его среди союзников. К тому же со мной была тень собственного промаха, и поэтому я сказал ему как можно мягче:

— Совершенно верно, сержант! Ваш поступок был правильным, хотя принимая во внимание ваше полусонное состояние и возможное воздействие странного влияния, заставившего меня заснуть и свергнувшего сиделку в каталептический транс, следовало ожидать, что вы погодите и взвесите обстоятельства. Но позвольте мне, пока события свежи, взглянуть на то место, где вы стояли, и на то, где сидел я. Мы сможем проследить траекторию ваших пуль.

Перспектива действия и привычное профессиональное задание, казалось, немедленно взбудрили его, и, работая, он казался другим

человеком. Я попросил миссис Грант подержать турникет и, подойдя к нему, посмотрел в темноту, куда он указывал. Глядя, как он показывает мне место, где стоял тогда и с деловым видом вынимает револьвер из особого кармана, чтобы сподручнее было указывать, я не мог не отметить чёткую работу его ума. Стул, с которого я поднялся, по-прежнему стоял на месте. Я попросил его снова указать направление рукой, желая пройти по следу выстрела.

Сразу за моим стулом, чуть позади, стоял высокий инкрустированный шкафчик. Стекло дверца была разбита, и я спросил:

— Это было направлением вашего первого выстрела или второго?

Ответ был скор:

— Второго. Первый шёл вон туда!

Он повернулся чуть левее, поближе к стене, где стоял огромный сейф, и указал. Проследив направление его руки, я подошёл к низенькому столу, на котором покоилась среди прочих диковин мумия кошки, вызвавшая гнев Сильвио. Я взял свечу и с лёгкостью нашёл след пули. Она разбила стеклянную вазочку и «таццу»^[2] из чёрного базальта, изящно гравированную иероглифами, причём гравировальные линии были заполнены зеленоватым цементом и вся вещь была отполирована до равномерной поверхности. Сплюснутая о стену пуля лежала на столе.

Я подошёл к разбитому шкафчику. Очевидно, он служил для хранения ценных диковин, потому что в нем находились несколько огромных золотых скарабеев, зелёная яшма, аметист, лазурит, опал, гранит и сине-зелёный фарфор. К счастью, ни одна из этих вещей не была затронута. Пуля прошла через заднюю стенку шкафчика, но прочих повреждений, не считая разбитого стекла, не нанесла. Я не мог не подметить странное расположение вещей на полке шкафчика. Все скарабеи, кольца, амулеты и прочее были расположены в форме неровного овала вокруг изящно вырезанной золотой фигурки Бога с головой ястреба, коронованного листком и плюмажами. Пока что я не стал осматривать фигурку подробнее, поскольку моего внимания требовали более насущные дела, но я решил заняться тщательным осмотром всего, как только представится время. Эти древние диковины явно обладали тем же странным египетским запахом; через

разбитое стекло повеяло специями, смолой и битумом, причём сильнее, чем от других вещей, находящихся в комнате.

Все происшедшее, по сути, заняло лишь несколько минут. Я удивился, встретившись с лучами рассвета, пробившимися через тёмные жалюзи в местах, где они неплотно прилегали к оконным рамам. Когда я вернулся к дивану и взял турникет у миссис Грант, она подошла к окнам и подняла жалюзи.

Трудно было представить себе нечто более призрачное, нежели эта комната, когда в неё попал слабый свет раннего утра. Поскольку окна выходили на север, любой попадавший внутрь свет был серым, без розоватого оттенка, появляющегося на рассвете в восточной части неба. Электрические лампы казались тусклыми, но каждая тень обладала особой чёткостью и насыщенностью. От утренней свежести не было и следа, ничего не осталось и от нежности ночи. Все было резким, холодным и невыразимо унылым. Лицо бесчувственного человека на диване казалось призрачно жёлтым, а лицо сиделки приняло зелёный оттенок от колпака находившейся рядом лампы. Лишь лицо мисс Трелони казалось белым, и при виде её бледности у меня заболело сердце. Все выглядело так, будто ничто в этом Божьем мире никогда не сможет вернуть сюда краски жизни и счастье.

Для всех было облегчением, когда в комнате появился задыхающийся после бега доктор Винчестер. Он задал лишь один вопрос:

— Кто-нибудь может сказать мне, каким образом была получена эта рана?

Видя, как присутствующие качают головами под его взлядом, он смолк и принялся за свою хирургическую работу. На секунду он поднял глаза на сидевшую неподвижно сиделку, но тут же вновь склонился над работой, и хмурые морщинки прорезали его лоб. Он заговорил вновь лишь после того, как все артерии были перевязаны, а раны полностью забинтованы, не считая нескольких просьб о помощи в тех случаях, когда ему нужен был какой-то инструмент. Тщательно обработав раны мистера Трелони, он спросил у его дочери:

— Что случилось с сиделкой Кеннеди?

— Право же, не знаю. Я обнаружила её, войдя в комнату в половине третьего, сидящей точь-в-точь как сейчас. Мы не трогали её

и не меняли её положения. Она так и не просыпалась. Даже пистолетные выстрелы сержанта Доу не разбудили её.

— Пистолетные выстрелы? Так значит, вы обнаружили причину этого нового нападения?

Все молчали, и я решил ответить:

— Мы не обнаружили ничего. Я находился в комнате, дежуря вместе с сиделкой. Ещё в начале вечера мне показалось, будто запахи мумии действуют на меня усыпляюще, и поэтому я вышел и раздобыл респиратор. Я надел его, когда пришёл на дежурство, но он не спас меня от засыпания. Очнувшись, я увидел, что комната полна людьми: здесь были мисс Трелони, сержант Доу и слуги. Сиделка Кеннеди сидела на своём стуле в той же позе, что и раньше. Сержант Доу, совсем проснувшись и будучи оглушённым тем же запахом или влиянием, подействовавшим на нас, вообразил, что видит нечто движущееся в полутьме комнаты, и дважды выстрелил. Когда я поднялся со стула, с лицом, закрытым респиратором, он принял меня за причину суматохи. Естественно, он собрался было выстрелить снова, но, к счастью, я успел назвать себя. Мистер Трелони лежал возле сейфа точно так же, как был найден прошлой ночью, и из новой раны на его кисти вовсю струилась кровь. Мы подняли его на диван и сделали турникет. Фактически и абсолютно это все, что кто-либо из нас пока что знает. Мы ещё не дотрагивались до ножа, вы видите, что он лежит возле лужицы крови. Посмотрите! — Я подошёл и поднял его. — Кончик красен от высохшей крови.

Доктор Винчестер простоял неподвижно несколько минут, затем сказал:

— Так значит, происшествия нынешней ночи так же таинственны, как и те, что случились прошлой ночью?

— Верно! — ответил я.

Он помолчал, затем повернулся к мисс Трелони и добавил:

— Пожалуй, лучше перенести сиделку Кеннеди в другую комнату. Полагаю, ничто этому не воспрепятствует?

— Конечно! Пожалуйста, миссис Грант, подготовьте комнату сиделки Кеннеди и попросите двух человек прийти и внести её туда.

Миссис Грант немедленно покинула нас и, вернувшись через несколько минут, объявила:

— Комната готова, и люди уже здесь.

Согласно её распоряжениям, двое лакеев вошли в комнату и, подняв одеревенелое тело сиделки Кеннеди, вынесли её под присмотром доктора из комнаты. Мисс Трелони оставалась со мной в кабинете больного, а миссис Грант отправилась с доктором в комнату сиделки.

Когда мы остались одни, девушка подошла ко мне и, взяв мои руки в свои, сказала:

— Надеюсь, вы забудете о моих словах. Я не хотела обидеть вас и была очень расстроена.

Я не ответил, но поднял её руки к губам и поцеловал их. Целовать руки дамам можно по-разному. Мой способ предполагал глубокое почтение и уважение и был принят с достоинством, говорящим о благородном воспитании и заметным в малейшем её движении. Подойдя к дивану, я посмотрел на бесчувственного человека. За последние минуты рассвет заметно набрал силу и добавил ясности дневному свету. Глядя на холодное, застывшее лицо, напоминающее в бледном свете монумент из белого мрамора, я не мог не почувствовать, что за событиями последних двадцати шести часов кроется некая глубокая тайна. Эти кустистые брови прятали могучий замысел, а высокий, широкий лоб таил в себе законченную цепь размышлений, открыть которую могли бы помочь его широкий подбородок и массивная челюсть. Пока я стоял над ним и думал об этом, я почувствовал, как мысли мои разбегаются и на меня вновь опускается ощущение надвигающегося сна, как это случилось прошлой ночью. Я оказал сопротивление и твёрдо держался за настоящее. Этому способствовало то, что ко мне приблизилась мисс Трелони и, склонив лоб на моё плечо, тихо заплакала. Тут во мне проснулись все мужские добродетели, и это пошло мне на благо. Говорить что-либо не имело смысла: слова не были достойны мыслей. Но мы поняли друг друга, и она не отстранилась, когда я положил ей руку на плечо, словно защищая, как делал давным-давно с маленькой сестрой, чтобы утешить её в детских неприятностях, как это подобает старшему брату. То, что я взял на себя роль защитника, усилило мою решительность в достижении цели и, похоже, очистило мозг от праздных и смутных метаний мысли. Впрочем, роль защитника подсказала мне убрать руку с её плеча, когда у двери послышались шаги доктора.

Войдя в комнату, доктор Винчестер пристально посмотрел на больного, прежде чем заговорить. Брови его были нахмурены, а рот казался тонкой, жёсткой линией. Вскоре он сказал:

— Во сне, охватившем вашего отца и сиделку Кеннеди, есть общего. По-видимому, вызвавшее его влияние подействовало одинаково в обоих случаях. В случае с Кеннеди кома не столь выражена. Впрочем, мне кажется, что с ней мы сможем добиться успеха быстрее, нежели с этим больным, поскольку у нас не связаны руки. Я поместил её на сквозняке, и она уже выказывает признаки обычного обморока, хотя и весьма слабые, Одеревенение её членов уменьшилось, и кожа кажется более чувствительной — или, скорее, менее нечувствительной к боли.

— Но как случилось, — спросил я, — что несмотря на бесчувственное состояние мистера Трелони, его тело, как нам известно, совершенно не было одеревенелым?

— На это я не могу ответить. Проблема такова, что мы можем решить её в несколько часов, но может понадобиться и несколько дней. Но диагноз представит полезный урок нам и, возможно, многим из тех, кто придёт после нас, как знать! — добавил он с искренним жаром человека увлекающегося.

На протяжении утренних часов он постоянно «порхал» между двумя комнатами и с волнением наблюдал за обоими больными. Миссис Грант он приказал оставаться с сиделкой, а с раненым постоянно была мисс Трелони или я, чаще мы оба. Тем не менее, мы ухитрились помыться и переодеться, затем позавтракали, пока доктор с миссис Грант оставались с мистером Трелони.

Сержант Доу отправился в Скотленд-Ярд доложить о событиях прошлой ночи, а затем в ближайший участок для того, чтобы договориться о приходе его коллеги, Райта, назначенного старшим офицером Доланом. Когда он вернулся, я не мог не предположить, что ему здорово досталось за стрельбу в кабинете больного, а может быть, вообще за стрельбу без надлежащего повода. Его замечание несколько прояснило для меня этот вопрос.

— Хороший характер кое-чего стоит, сэръ, что бы там ни говорили. Гляньте! Я все ещё сохранил разрешение на пользование оружием.

День выдался долгим и напряжённым. К ночи сиделке Кеннеди стало настолько лучше, что одеревенелость полностью покинула её.

Она по-прежнему дышала спокойно и ровно, но застывшее выражение лица, хотя и достаточно спокойное, уступило место вялым векам и общему облику спящей. К вечеру доктор Винчестер привёл ещё двух сиделок, одна из которых должна была оставаться с Кеннеди, а другая разделить наблюдение с мисс Трелони, настоявшей на своём бодрствовании. Готовясь к дежурству, девушка проспала несколько часов днём. Мы устроили малый совет и договорились о порядке дежурств в комнате мистера Трелони. Миссис Грант должна была оставаться рядом с больным до двенадцати, после чего её сменит мисс Трелони. Новая сиделка должна была сидеть в комнате мисс Трелони и навещать кабинет больного каждые четверть часа. Доктор останется до двенадцати, а затем его сменю я. Тот или иной из детективов должен быть неподалёку от комнаты всю ночь и периодически заходить в неё, проверяя, все ли в порядке. Таким образом, сами наблюдатели подвергнутся наблюдению, и возможность повторения событий прошлой ночи, когда оба наблюдателя были выведены из строя, устранялась.

Когда зашло солнце, странное угрюмое волнение охватило всех нас и каждый по-своему приготовился к бодрствованию. Доктор Винчестер, очевидно, подумал о моем респираторе, потому что сказал мне, что сходит и разбудит такой же. В самом деле, эта идея настолько понравилась ему, что он убедил мисс Трелони следовать нашему примеру и также надеть его, когда придёт её очередь наблюдать.

И наступила ночь.

Глава 5. Дополнительные инструкции

Придя на дежурство в половине двенадцатого, я нашёл нашу «палату» в образцовом порядке. Новая сиделка, строгая, аккуратная и внимательная, сидела на том же стуле у постели, что и сиделка Кеннеди прошлой ночью. Чуть поодаль, между кроватью и сейфом сидел насторожённый и бодрый доктор Винчестер, странный и едва ли не комичный в закрывающем нос и рот респираторе. Стоя в дверном проёме и глядя на них, я услышал тихий звук и, оглянувшись, увидел нового детектива: он кивнул, приложил палец к губам и тихо удалился. Пока ещё никто из наблюдателей не поддался сну.

Я занял стул снаружи у двери. Пока что нужды рисковать, попадая под неуловимое влияние прошлой ночи, для меня не было. Разумеется, мысли мои вращались вокруг основных событий прошлого дня и ночи, и я то и дело приходил к странным заключениям, выводам и догадкам, хотя и не отдался, в отличие от прошлой ночи, непрерывной цепочке мыслей. Чувство реальности постоянно было со мной, и я ощущал себя часовым на страже. Раздумья — медленный процесс, и, когда погружаешься в него всерьёз, время летит очень быстро. Казалось, прошло совсем немного времени, как вдруг оставленная приоткрытой дверь распахнулась и из комнаты появился снимающий на ходу респиратор доктор Винчестер. То, что он проделал после этого, говорило о его проницательности. Он вывернул подкладку повязки и осторожно понюхал её.

— Я ухожу, — произнёс он, — и приду рано утром, разумеется, если за мной не пошлют раньше. Но сегодня все выглядит хорошо.

Следующим появился сержант Доу: он тихо вошёл в комнату и занял место, освобождённое доктором. Я по-прежнему оставался снаружи, но каждые несколько минут заглядывал в комнату. Это, скорее, было формальностью, поскольку в комнате было настолько темно, что проникавшего в неё из коридора тусклого света не доставало, чтобы что-то разглядеть.

Близко к полуночи из своей комнаты вышла мисс Трелони. Прежде чем войти к отцу, она отправилась в комнату, занятую сиделкой Кеннеди. Через пару минут она вышла, и мне показалось,

что она чуть повеселела. Она держала свой респиратор в руке, но перед тем, как надеть его, спросила меня, не случилось ли что-нибудь особенное с тех пор, как она легла спать. Я отвечал шёпотом, — нужды говорить ночью громко не было, — что все идёт хорошо. Тогда она надела респиратор, я последовал её примеру, и мы вошли в комнату. Детектив и сиделка поднялись, и мы заняли их места. Сержант Доу вышел последним и закрыл за собой дверь, как мы договаривались.

Некоторое время я сидел спокойно, но с сильно бьющимся сердцем. Комната была мрачной и тёмной. Единственный свет исходил от лампы, отбрасывая белый круг на потолок и окрашивая изумрудным оттенком нижние края колпака. Этот свет лишь подчёркивал чёрные силуэты теней, и они, казалось, обрели собственное дыхание, как было и прошлой ночью. Я не чувствовал ни малейшей сонливости, и тихо подходя раз в десять минут, чтобы взглянуть на больного, видел, что и мисс Трелони держится настороже. Каждые четверть часа то один, то другой полисмен заглядывал через приоткрытую дверь. И каждый раз мы с девушкой бормотали им через повязки «все в порядке» и дверь закрывалась.

Время шло, и, казалось, тени постепенно сгущались. Круг света по-прежнему оставался на потолке, но был уже не столь ярким, как вначале, а края колпака лампы напоминали скорее маорийский нефрит, нежели изумруд. Ночные звуки снаружи дома и звёздный свет, бледными лучами рисующий кромки оконных рам, лишь усиливали торжественность и таинственность окутанной чёрным покровом комнаты.

Мы слышали, как в коридоре отзвонили серебряным колокольчиком часы: они пробили дважды, и на меня нашло странное чувство. Судя по движению оглядывающейся мисс Трелони, новое ощущение не миновало и её. Детектив только что заглядывал, так что мы остались с нею вдвоём у бесчувственного больного на четверть часа.

Моё сердце сильно заколотилось, и тело окутал страх. Но не за себя; мой страх был безличен. Мне показалось, будто кто-то новый вошёл в комнату и его сильное присутствие ощущалось рядом. Что-то задело мою ногу. Я торопливо опустил руку и коснулся шелковистой шубки Сильвио. Со слабым, еле слышным рычанием он повернулся и

оцарапал меня. Я почувствовал на руке кровь и, тихо поднявшись, подошёл к постели больного. Мисс Трелони тоже была на ногах и смотрела оглядываясь, словно что-то находилось с ней рядом. Глаза её обезумели, и она тяжело дышала, будто от нехватки воздуха. Когда я коснулся её, казалось, она этого не почувствовала и лишь двигала руками перед собой, словно отгоняя что-то невидимое.

Нельзя было терять ни мгновения: схватив её на руки, я бросился к двери, распахнул её и шагнул в коридор с громким криком:

— Помогите! Помогите!

В тот же миг на сцене появились двое детективов, миссис Грант и сиделка. Следом за ними прибежали несколько слуг, женщин и мужчин. Я передал девушку миссис Грант и, бросившись назад, в комнату, первым делом протянул руку и включил свет. Сержант Доу и сиделка последовали за мной.

Мы успели как раз вовремя. Рядом с большим сейфом, как и в предыдущие две ночи, лежал мистер Трелони, вытянув левую, забинтованную руку. Сбоку от него находился египетский нож в форме листа, лежавший ранее среди диковин на полке разбитого шкафчика. Конец его торчал в паркетном полу, откуда был ранее убран испачканный кровью коврик.

Но в комнате ничего не было нарушено, ни единого признака кого-либо или чего-либо необычного. Мы с полисменом тщательно обыскали её, а тем временем сиделка и двое слуг снова уложили раненого на кровать. Мы так и не смогли найти какой-либо улики или следа. Вскоре мисс Трелони вернулась в комнату. Она была бледной, но собранной. Подойдя ко мне, она тихо сказала:

— Я почувствовала, что теряю сознание. Не знаю почему, но я так испугалась!

Ещё одно потрясение я испытал от крика девушки в тот миг, когда положил руку на постель, чтобы наклониться и повнимательнее приглядеться к её отцу.

— Вы ранены! Посмотрите! Ваша рука в крови. На простынях тоже кровь! — Посмотрев, я вспомнил, в чем тут дело, но не успел сказать и слова, как мисс Трелони поймала меня за руку и подняла её.

Увидев параллельные линии царапин, она снова вскричала:

— Это та же рана, что и у отца! — Затем осторожно, но быстро опустив мою руку, она сказала мне и сержанту Доу: — Идёмте в мою

комнату! Сильвио там, он в своей корзине.

Мы последовали за ней и обнаружили Сильвио сидящим в корзине. Он облизывал лапы. Сержант Доу сказал:

— Он и впрямь здесь, но почему он лижет лапы?

Маргарет со стоном наклонилась и взяла одну из его передних лап в ладонь, но коту не понравилось это, и он зарычал. Тут в комнату вошла миссис Грант. Увидев, что мы смотрим на кота, она сказала:

— Сиделка утверждает, что Сильвио спал на постели сиделки Кеннеди с того времени, как вы ушли в комнату вашего отца. Кот пришёл туда сразу после того, как вы вошли в комнату хозяина. Сиделка говорит, что Кеннеди стонет и бормочет во сне, словно ей приснился кошмар. Думаю, нам пора послать за доктором Винчестером.

— Пошлите за ним немедленно! — попросила мисс Трелони, и мы вернулись в комнату больного.

Мисс Трелони постояла, глядя на отца и нахмурив брови. Затем повернулась ко мне, словно решившись на что-то, и сказала:

— Вам не кажется, что нам следует посоветоваться насчёт отца? Конечно, я полностью доверяю доктору Винчестеру; похоже, этот молодой человек обладает острым умом. Но все же он молод. Нам нужен человек, посвятивший себя этой отрасли науки. У такого человека больше знаний и больше опыта, и именно эти качества помогут пролить свет на дело бедного отца. Как раз здесь доктор Винчестер, по-моему, находится в потёмках. Ах! Не знаю что и делать. Все это так ужасно!

Она немного всплакнула, и я старался утешить её.

Доктор Винчестер прибыл быстро. Первой его мыслью была забота о больном, но, обнаружив, что тот не получил новых ран, он посетил сиделку Кеннеди. Увидев её, доктор облегчённо вздохнул. Взяв полотенце, он окунул его кончик в холодную воду и легко провёл им по её лицу. Кожа порозовела, и спящая слегка пошевелилась. Он спокойно сказал новой сиделке, которую назвал сестра Дорис:

— С ней все в порядке. Она проснётся самое большее через несколько часов. Может быть, вначале у неё будет кружиться голова или с ней приключится истерика. В этом случае вы знаете, как за ней ухаживать.

— Да, сэ́р! — послушно ответила сестра До-рис, и мы вернулись в комнату хозяина.

Едва мы вошли, миссис Грант вместе с сиделкой вышли, и в комнате остались лишь доктор Винчестер, мисс Трелони и я. Когда дверь закрылась, доктор спросил меня, что случилось. Я рассказал ему обо всем подробно, стараясь не пропустить ни единой мелочи. Во время моего не слишком долгого повествования, он расспрашивал меня о том, кто при этом присутствовал и в каком порядке каждый из нас приходил в комнату. Он спросил и о других вещах, но они были не слишком важными и не удержались в моей памяти. По окончании нашего разговора он весьма решительно обратился к мисс Трелони:

— Полагаю, мисс Трелони, что нам следует устроить консультацию по этому делу.

Она ответила сразу же, несколько удивив его своими словами:

— Я рада, что вы пришли к такому выводу. Полностью согласна с вами. Кого вы предложите?

— А вы сами никого не выбрали? — спросил он. — Кого-нибудь, кто знает вашего отца? Он никого не консультировал?

— Мне об этом неизвестно. Но я надеюсь, вы выберете того, кого считаете лучшим. Моему дорогому отцу необходимо оказать всю мыслимую помощь, и я буду глубоко признательна вам за ваш выбор. Кто лучший специалист в Лондоне или где угодно в подобном деле?

— Если несколько хороших специалистов, но все они рассеяны по всему свету. Как ни странно, специалистами по мозгу рождаются, а не становятся, хотя для окончательного совершенствования в этой работе, необходим тяжёлый труд. Самый смелый исследователь на сегодняшний день — японец Чиуни, но он скорее хирургический экспериментатор, нежели практик. Кроме него есть Цаммерфест из Упсалы, Фенелон из Парижского университета и Морфесси из Неаполя. Разумеется, они лишь дополняют наших новых специалистов — Моррисона из Абердин и Ричардсона из Бирмингема. Но на первое место я бы поставил Фрере из Королевского колледжа. Он лучше всех названных сочетает теорию и практику. У него нет увлечений, и он обладает огромным опытом. Для всех нас, кто восхищается им, большая жалость, что столь стойкие нервы и проворные руки подвержены влиянию времени. Со своей стороны я предпочёл бы Фрере любому другому

— В таком случае, — решительно сказала мисс Трелони, — давайте пригласим доктора Фрере и сделаем это как можно раньше!

Казалось, с плеч доктора Винчестера упал груз, и он заговорил с лёгкостью и живостью, которых не выказывал прежде:

— Я отправляюсь у нему так рано, как только можно, и попрошу немедленно приехать сюда. — Затем он повернулся ко мне и добавил: — Позвольте-ка мне забинтовать вам руку.

— Просто царапина, — возразил я.

— Тем не менее её следует обработать. Царапина от любого животного может представлять опасность, лучше не рисковать.

Я подчинился, и он принялся перевязывать мою руку. С помощью увеличительного стекла он осмотрел несколько параллельных ран и сравнил их с отметинами когтей Сильвио на промокашке, которую извлёк из своей записной книжки. Затем он убрал бумагу, коротко заметив:

— Жаль, что Сильвио способен проскользнуть, куда ему не следует, и выскользнуть обратно.

Утро тянулось медленно. К десяти часам сиделке Кеннеди стало настолько лучше, что она смогла сесть и пробормотать несколько фраз. Но мысли её путались и она не смогла вспомнить ничего из случившегося прошлой ночью после того, как она заняла место у постели больного. Похоже, сейчас она не знала, что с ней произошло, да и не интересовалась происшедшим.

Около одиннадцати вернулся доктор Винчестер вместе с сэром Джеймсом Фрере. Почему-то я упал духом, увидев их в холле с верхней площадки; я знал, что мисс Трелони придётся вновь испытать боль, не скрывая перед очередным незнакомцем свою неосведомлённость том, что касалось образа жизни отца.

Сэр Джеймс Фрере был человеком, привлекающим к себе внимание, которому сопутствовало уважение. Он настолько точно разбирался в собственных желаниях, что немедленно отставлял в сторону все желания и замыслы персон менее значительных. Казалось, стоило ему блеснуть пронзительными глазами, сжать решительно губы или нахмурить огромные брови — и немедленное повиновение его желаниям обеспечено. Впрочем, когда мы были уже знакомы и он обещался с нами на короткой ноге, вся эта

таинственность куда-то испарилась. С надеждой я следил, как он входит в комнату больного вместе с доктором Винчестером.

Они оставались в комнате долго и один раз послали за новой сестрой Дорис, но та вернулась оттуда довольно быстро. Затем оба они вошли в комнату сиделки Кеннеди. Он отослал присматривающую за ней сиделку. Позже доктор Винчестер рассказал мне, что Кеннеди, несмотря на некомпетентность в последних событиях, дала полные и исчерпывающие ответы на все вопросы доктора Фрере, касающиеся её пациента до того момента, как она потеряла сознание. Затем доктора отправились в кабинет, где пробыли долго и принялись столь громко и непримиримо спорить, что я почувствовал себя неловко. Что касалось мисс Трелони, она была едва ли не в состоянии нервного срыва перед тем, как они вернулись. Бедная девушка! На её долю выдалось столько печальных волнений, что нервные силы её почти истощились.

Наконец они вышли — сэр Джеймс первым, с лицом суровым и загадочным как у сфинкса. Доктор Винчестер следовал по пятам, лицо его также было бледным, но бледностью, происходящей от волнения. Мне пришло в голову, что совсем недавно оно было красным. Сэр Джеймс предложил мисс Трелони пройти в кабинет и пригласил меня туда же. Когда мы вошли, сэр Джеймс повернулся ко мне и сказал:

— Доктор Винчестер объяснил мне, что вы друг мисс Трелони и уже довольно много знаете об этом деле. Возможно, ваше присутствие пойдёт нам на пользу. Я знаю вас как умного юриста, мистер Росс, хотя и не имел удовольствия с вами познакомиться. Доктор Винчестер уверяет меня, что некоторые события за рамками этого дела озадачили его и не только его и особенно интересуют вас, а следовательно, вам не помешает узнать все детали этого дела. Что касается меня, я не слишком верю в чудеса — не считая научных и могу сказать, что наёмным убийцам или грабителям не помешали бы элементарные уроки анатомии перед следующей попыткой, поскольку они проявили себя в этой работе полными невеждами. Если целью их было ограбление, они, похоже, провели его с изумительной беспомощностью. Впрочем, это не моё дело.

— Тут он принял большую понюшку табаку и, повернувшись к мисс Трелони, продолжал: — А теперь о больном. Оставляя в стороне

его болезни, мы можем лишь сказать на данный момент, что он страдает от сильного приступа каталепсии. Сейчас помочь ничем нельзя, за исключением поддержания его сил. В основном я одобряю лечение, предпринятое моим другом доктором Винчестером и уверен, что с любым незначительным изменением состояния больного он справился достойно. Случай интересен, крайне интересен, и, если последует нечто необычное, я счастлив буду приехать в любое время. Хочу обратить ваше внимание лишь на одно обстоятельство и отношу его прямо к вам, мисс Трелони, поскольку это на вашей ответственности. Доктор Винчестер сообщил мне, что вы не свободны в этом деле, но скованы инструкцией, данной вашим отцом на случай подобных событий. Я настоятельно советую, чтобы больного или переместили в другую комнату или удалили из его кабинета все эти мумии и прочие вещицы. Право же, не годится держать больного человека в подобном окружении, заставляя его дышать исходящим от этих предметов запахами. У вас уже есть доказательства того, как могут действовать подобные миазмы. Эта сиделка — кажется, Кеннеди? — все ещё не вышла из состояния каталепсии, и вы, мистер Росс, как мне сказали, испытали такое же воздействие. Вот что, — тут брови его насупились ещё больше, — будь я здесь главным, я настаивал бы на смене обстановки для больного — или же бросил бы это дело. Доктор Винчестер уже знает, что мои дальнейшие консультации можно получить лишь после выполнения этого условия. Итак, я верю, что вы поступите, как пристало хорошей дочери, и сделаете то, что поможет ему сохранить здоровье или разум, нежели последуете его причудам, будь они поддержаны неминуемыми страхами или же любым числом «ужасных» тайн. Рад сказать вам, что пока ещё не настал день, когда Британский музей поменяется функциями с больницей Св. Томаса. До свиданья, мисс Трелони. Искренне надеюсь вскоре увидеть вашего отца в добром здравии. Помните, если элементарные условия, предложенные мною, будут выполнены, я к вашим услугам в любое время дня и ночи. До свиданья, мистер Росс. Надеюсь, вы вскоре поставите меня в известность, доктор Винчестер.

Он удалился, и мы стояли молча, пока не затих грохот колёс его кареты. Первым заговорил доктор Винчестер:

— Думаю, в качестве врача сэр Джеймс совершенно прав. Сознаюсь, я готов был наброситься на него, когда он выставил своё условие, но в то же время, он прав, говоря о методах лечения. Он не понимает странных особенностей этого случая и узла, завязанного вокруг нас инструкциями мистера Трелони. Разумеется...

Его перебила мисс Трелони:

— Доктор Винчестер, не желаете ли тоже бросить это дело — или предпочтёте продолжать его на условиях вам известных?

— Бросить его! Я никогда не брошу его, пока в пациенте или в любом из нас продолжает теплиться жизнь!

Она промолчала, но протянула руку, к он тепло пожал её.

— Итак, — объявила она, — если сэр Джеймс — последователь секты Специалистов, я не желаю о нем слышать. Для начала, он знает не намного больше вас о состоянии моего отца, и, будь хоть на сотую часть заинтересован в этом, как вы, он не выставил бы подобных притязаний. Но, конечно, я слишком волнуюсь о бедном отце, и, если появится возможность выполнить некоторые из условий сэра Джеймса, я это сделаю. Сегодня я попрошу прийти сюда мистера Марвина и попытаюсь получить от него совет насчёт того, можно ли отступить от пожеланий отца. Если он полагает, что я могу действовать любым способом на свой страх и риск, то я не поколеблюсь сделать это.

Вскоре доктор Винчестер откланялся, а мисс Трелони написала письмо мистеру Марвину, сообщая ему о состоянии дел и прося повидать её и принести с собой какие-либо бумаги, способные пролить свет на данный предмет. Она отослала письмо с каретой, предназначенной, чтобы захватить сюда поверенного, и мы, набравшись терпения, принялись ждать.

Путь от Кенсингтон Пэлис Гарденс до Линкольн Инн Филдс не слишком далёк, но он кажется бесконечным, когда ожидаешь кого-то, кто им воспользуется. Впрочем, все покорно времени, и менее чем через час мистер Марвин был с нами.

Понимая нетерпение мисс Трелони и узнав достаточно о болезни её отца, он сказал ей:

— Когда вам угодно обсудить со мною детали, касающиеся желаний вашего отца?

— В любое время, — ответила она, очевидно не понимая его намёка.

— Почему бы не сейчас?

Он посмотрел на меня, как на конкурента, и выпалил:

— Мы не одни.

— Я нарочно пригласила сюда мистера Росса, — успокоила она. — Он уже столько знает, что я хочу, чтобы он узнал ещё больше.

Поверенный казался несколько смущённым... Те, кто знал его по выступлениям в суде, вряд ли поверили бы в это. Как бы то ни было, он с некоторым колебанием отвечал:

— Но, любезная юная леди, пожелания вашего отца! Конфиденциальность между отцом и ребёнком...

Мисс Трелони перебила его с выступившим на бледных щеках румянцем:

— Вы и впрямь полагаете, что это подходит к настоящим обстоятельствам, мистер Марвин? Отец никогда не говорил мне о своих делах, а теперь, в печальной крайности, я должна узнать о его пожеланиях от чужого мне джентльмена, о котором понятия не имела до того, как вскрыла письмо отца, написанное на случай такой крайности... Мистер Росс — новый друг, но я доверяю ему полностью и хочу, чтобы он присутствовал здесь. Разумеется, — добавила она, — лишь в том случае, если это не запрещено моим отцом. Ах! Простите меня, мистер Марвин, если я кажусь грубой, но я едва пережила ужасную беду и ещё не взяла себя в руки.

Она закрыла рукой глаза на несколько секунд, а мы оба, поглядев друг на друга, ждали и пытались казаться бесстрастными. Она продолжала, на этот раз твёрже:

— Прошу вас! Пожалуйста, не думайте, что я не благодарна вам за вашу доброту и за то, что вы быстро приехали. Я очень благодарна вам и полагаюсь на ваше решение. Если, по-вашему, так будет лучше, мы можем остаться одни.

Я поднялся, но мистер Марвин возражающе махнул рукой. Очевидно, ему понравилось её обращение, и он отвечал с сочувствием в голосе и манерах:

— Никоим образом! Никоим образом! Со стороны вашего отца нет ограничений, а я со своей стороны с радостью пойду вам навстречу, и, действительно, это может пойти на пользу. Из ваших

разъяснений о болезни мистера Трелони и прочих случайных происшествий следует, что возможность зловещего развития событий должна управляться непререкаемыми инструкциями вашего отца. Ибо, пожалуйста, поймите меня, его инструкции неоспоримы — никем. Они настолько жёстки, что он наделил меня «властью поверенного», позволяющей мне надзирать за выполнением их. Поверьте раз и навсегда, что все содержание письма устремлено к вам! Пока он жив, он должен оставаться в собственной комнате и ничто из его собственности не может быть перемещено ни в коем случае. Он даже предоставил список предметов, которые не следует двигать.

Мисс Трелони молчала. Она казалась опечаленной, и, полагая, что знаю причину этого, я спросил:

— Мы можем посмотреть этот список? Лицо девушки тотчас просветлело, но снова погрустнело при быстром ответе поверенного, — а он явно был готов к этому вопросу.

— Только не в случае, если я принуждён применить власть поверенного. Я захватил этот документ с собой. Вы поймёте, мистер Росс, — добавил он с деловой убедительностью, подмеченной мною раньше в его профессиональной работе, подавая документ, — как сильно он составлен и насколько исчерпывающе доверитель высказывает свои пожелания, исключая любые уловки. Таковы его собственные слова, не считая некоторых формальностей, и я заверяю вас, что редко видел более надёжный документ. Даже я не имею права позволить малейшее послабление его инструкциям без явного нарушения доверия. А это, сами понимаете, невозможно. — Очевидно, последние слова он добавил, чтобы предотвратить взывания к его сочувствию. Впрочем, ему не понравилась жёсткость собственных слов, и он добавил: — Надеюсь, мисс Трелони, что вы поймёте моё искреннее и однозначное желание сделать все, что могу, в пределах своей власти, для облегчения вашей беды. Но в поступках вашего отца были собственные цели, которые он не раскрывал мне. Настолько я могу видеть, в его наставлениях нет ни единого необдуманного слова. Та идея, что была у него в голове, — идея всей его жизни; он изучал её со всех сторон и готов был защищать по всем пунктам.

— Боюсь, я опечалил вас, и искренне переживаю, поскольку вижу, что вам и так уже слишком многое довелось перенести. Но выбора у меня нет. Если хотите посоветоваться со мной по любому поводу, я обещаю прийти, не задерживаясь ни на минуту в любой час дня и ночи. Вот мой частный адрес, — с этими словами он зачеркнул в своей записной книжке, — а под ним адрес клуба, где меня обычно можно найти по вечерам. — Оторвав листок, он подал ей. Затем пожал нам обоим руки и удалился.

Едва закрылась дверь в холле, как постучалась и вошла миссис Грант. На лице её читалось такое горе, что мисс Трелони поднялась со смертельно бледным лицом и спросила:

— В чем дело, миссис Грант? Случилось ещё что-нибудь?

— С горечью сообщаю, мисс, что все слуги, за исключением двух, уведомили меня, что желают покинуть дом сегодня. Они уже обговорили это дело между собой, и теперь дворецкий высказался за всех. Он говорит, что, хотя им очень жаль терять жалованье, но они готовы даже выплатить неустойку, лишь бы уйти сегодня же.

— Какую причину они называют?

— Никакой, мисс. Говорят о том, что им очень жаль, но больше сказать им нечего. Я спросила Джейн, горничную с верхнего этажа, которая держится особняком, и она по секрету сказала мне, что они вбили в свои глупые головы, будто дом населяют привидения!

Следовало посмеяться, но мы этого не сделали. Я не мог смеяться, глядя в лицо мисс Трелони. Боль и ужас на нем не сменились внезапной паникой; прозвучало лишь подтверждение уже укрепившейся мысли. Ну а мне показалось, будто мой мозг обрёл голос. Но голос не полный, поскольку за ним таилась более тёмная и глубокая мысль, пока ещё не прозвучавшая.

Глава 6. Подозрения

Первой пришла в себя мисс Трелони. С высокомерием и гордостью в осанке она сказала:

— Прекрасно, миссис Грант, пусть они уходят! Заплатите им сегодня месячное жалование. До сих пор они были очень хорошим и слугами, и случай с их уходом не прост. Нельзя ожидать большой преданности от тех, кого обуревают страхи. Те, кто остаётся, будут получать двойную оплату, и прошу вас прислать их ко мне, как только потребуется.

Миссис Грант нахохлилась, подавляя негодование: натура экономки не переносила подобного великодушия к слугам, сговорившимся подать уведомления.

— Они не заслуживают этого, мисс. Подумать только, уходят от такой хорошей хозяйки. Я в жизни не видела, чтобы со слугами кто-либо был столь добрым, как вы. Им здесь было все равно как у короля при дворе. А едва беда на порог — и полюбуйтесь, как они поступают. Это наглость, вот как я это называю!

Мисс Трелони приласкала её, успокаивая задетое чувство достоинства экономки и вскоре та удалилась, уже не испытывая прежней враждебности к «неблагодарным». Вскоре она вернулась совершенно в другом настроении, чтобы осведомиться, не угодно ли хозяйке нанять полный штат новых слуг.

— Вы же знаете, мэм, — продолжала она, — как только в людской поселяется страх, избавиться от него почти невозможно. Слуги придут, но быстро уйдут, и их ничем не удержишь. Они просто не останутся и, даже отработывая месяц после увольнения, устроят вам такую жизнь, что вы ежечасно будете жалеть об их присутствии. Уж насколько плохи эти шлюхи-женщины, но мужчины ещё хуже!

В голосе и манерах мисс Трелони не было ни волнения, ни негодования:

— Полагаю, миссис Грант, лучше постараться обойтись теми, что остались. Пока мой дорогой отец болеет, гостей у нас не предвидится, так что ухаживать нужно лишь за нами троими. Если желающих остаться недостаёт, я бы наняла ещё нескольких для помощи в работе.

По-моему, несложно будет отыскать нескольких горничных, хотя бы из тех, кого вы знаете. И пожалуйста, имейте в виду, что вновь нанятые, показав себя надёжными в работе, должны получать одинаковое жалованье с теми, кто остался. Разумеется, хотя я никоим образом не ставлю вас в один ряд с ними, правило двойной оплаты распространяется и на вас.

С этими словами она протянула изящную руку, и экономка подняла её к губам и поцеловала в свободной манере, как пристало старшей женщине по отношению к младшей.

Я не мог не восхититься великодушием девушки по отношению к слугам и мысленно подтвердил мнение экономки, высказанное ею, когда она покидала комнату:

— Неудивительно, что дом напоминает королевский, когда хозяйка его — принцесса!

«Принцесса!» Так оно и было. Эта мысль показалась мне точной и напомнила сцену бала на Белгравия-сквер, где я впервые увидел её в потоке света. Королевская фигура! Высокая, стройная, гибко покачивающаяся лилия или лотос в облегающем тончайшем платье из чёрной ткани, пронизанной золотом. Украшением в её волосах служил старинный египетский талисман — крошечный хрустальный диск, обрамлённый вырезанными из лазурита плюмажами. На её кисти был широкий браслет античной работы в форме трех разведённых крыльев из резного золота, с перьями из самоцветов. Несмотря на её любезное ко мне отношение после того, как нас познакомила хозяйка, в то время я робел перед нею. Лишь позже, на речном пикнике, когда я понял её милую и нежную душу, моя робость перешла в нечто иное.

Несколько минут она сидела, делая пометки на бумагах, а затем отодвинула их послала за преданными слугами. Мне показалось, что на время разговора лучше оставить их одних, и я вышел. Вернувшись, я заметил следы слез у неё на глазах.

Следующая сцена, в которой я принял участие, оказалась несравненно более волнующей и болезненной. Поздно днём в кабинет, где я находился, пришёл сержант Доу. Осторожно закрыв за собой дверь и внимательно оглядев комнату, он подошёл поближе.

— В чем дело? — спросил я. — Кажется, вы хотите поговорить со мной наедине?

— Совершенно верно, сэр! Могу я рассчитывать на полную конфиденциальность?

— Несомненно. Во всем, что идёт на пользу мисс Трелони и, разумеется, её отцу, вы можете быть абсолютно откровенны. Полагаю, мы оба желаем приложить все силы на их благо.

Он помедлил, затем ответил:

— Как вам известно, у меня свой долг, и думаю, вы знаете меня достаточно, чтобы предположить, что я его выполню. Я полисмен, детектив и мой долг — найти факты в любом деле, которое мне поручено, никого не боясь и никого не покрывая. Я предпочту поговорить с вами наедине без ссылок на долг тому или иному, кроме моего долга Скотленд-Ярду.

— Ну конечно, конечно! — машинально подтвердил я, и сердце моё почему-то ёкнуло. — Будьте откровенны, я обещаю вам всю конфиденциальность.

— Спасибо, сэр. Полагаю, то, что я скажу, не должно быть сообщено никому. Даже мисс Трелони или же мистеру Трелони, когда он поправится.

— Разумеется, коль вы ставите это условием! — воскликнул я чуть суше.

Уловив перемену в моем голосе, он сказал извиняющимся тоном:

— Простите, сэр, но я нарушаю мой долг, говоря с вами на эту тему. Впрочем, я знаю вас давно и чувствую, что могу доверять вам. Не вашему слову, сэр, — в нем я уверен, — но вашему благоразумию!

Я поклонился: «Продолжайте!» — и он не заставил себя ждать;

— Я обдумывал это дело, сэр, до тех пор, пока у меня голова кругом не пошла, но пока что не могу найти для него простой разгадки. Несмотря на нападения, по-видимому, никто не входил в дом; и тем более, не выходил. На какой вывод это вас наталкивает?

— Что кто-то или что-то уже было в доме, — ответил я, не сдержав улыбки.

— Я думаю так же, — произнёс он с облегчением вздыхая. — Прекрасно! Но кто это может быть?

— «Кто-то или что-то», как я уже сказал.

— Пусть будет «кто-то», мистер Росс! Конечно, этот кот мог исцарапать или укусить, но нипочём не стянул бы старого джентльмена с постели и не пытался бы снять с его руки браслет с

золотым ключом. Такие вещи хороши для книжек, где детективы-любители знают все ещё до того, как это случилось, и затем подгоняют факты под свои теории, но в Скотленд-Ярде не все идиоты, и обычно мы докапываемся до людей, деяния которых составляют основу совершенных преступлений.

— Пусть это будут «люди», ради Бога, сержант.

— Мы говорили о «ком-то», сэр.

— Верно. Пусть будет кто-то!

— Не удивило ли вас, сэр, что во всех трех случаях, когда разбой был совершён или предпринят, некая персона оказывалась на месте первой и поднимала тревогу?

— Погодите! Мисс Трелони, кажется, подняла тревогу в первом случае. Во втором я присутствовал сам и крепко заснул, как и сиделка Кеннеди. Когда я очнулся, в комнате находилось несколько человек и вы были одним из них. По-моему, на этот раз перед вами также была мисс Трелони. Во время последнего нападения я был в комнате, когда мисс Трелони упала в обморок. Я вынес её из комнаты и вернулся. Возвратившись, я был первым, и кажется, вы вошли следом.

Сержант Доу после небольшого раздумья ответил:

— Она присутствовала или была первой в комнате во всех случаях, а ранения были нанесены в первом и во втором!

Как юрист, я не мог пройти мимо вывода. И лучшим мне показалось встретить его на полпути. Я всегда находил, что лучший способ в борьбе с выводом — это высказанное вместо него заключение.

— Вы хотите сказать, что в единственном случае с глубоким ранением мисс Трелони была первой, обнаружившей это, и отсюда следует вывод, что сделала это она либо как-то была связана с нападением?

— Я не смею выразиться с подобной ясностью, но к этому меня склоняют мои сомнения.

Сержант Доу был храбрым человеком, и не боящимся делать заключения на основе фактов. Мы оба помолчали. У меня начали сгущаться опасения. Я ничуть не сомневался в девушке и её действиях, но опасался, что они могут быть понятны превратно. Здесь явно присутствовала тайна, и, если не найти разгадки, тень подозрений будет брошена на кого-то одного. В подобных случаях

большинство склонно идти по линии наименьшего сопротивления, и случись так, что найдутся доказательства чьей-то выгоды от смерти мистера Трелони, если таковая случится, то очень сложно будет доказать свою невиновность перед лицом подозрительных фактов. Я инстинктивно выбрал для себя почтительную манеру как самую благоразумную в защите, пока нападение со стороны обвинителя ещё не развёрнуто. Сейчас не годилось оспаривать какие-либо теории, выдвинутые детективом. Лучше всего я мог помочь девушке, выслушав его и попытавшись понять. Но когда придёт время развеять эти теории в пух и прах, я выступлю с боевым задором и во всеоружии.

— Но вы, несомненно, выполните свой долг, — произнёс я, — и без страха. Что вы намерены предпринять?

— Пока ещё не знаю, сэр. Как видите, даже для подозрений ещё не время. Скажи мне любой, что эта милая леди замешана в этом деле и я посчитал бы его дураком, но я вынужден следовать собственным выводам. Я хорошо знаю, что зачастую виновными признают самых неподходящих людей, когда весь суд (кроме прокурора, знающего факты, и судьи, приучившегося ждать) готов поклясться в их невиновности. Я ни за что на свете не согласился бы повредить этой юной леди, тем более зная о тяжести, выпавшей на её долю. И можете быть уверены, я не сделаю ни единого намёка, способного послужить уликой против неё. Вот почему я говорю с вами наедине, как мужчина с мужчиной. Вы специалист по доказательствам, это ваша профессия. Моя профессия ограничивается подозрениями и тем, что мы называем своими доказательствами, — по сути, это не что иное, как улики. Вы знаете мисс Трелони лучше меня, и, хотя я разгуливаю по дому, где хочу, у меня нет возможности лучше узнать о жизни этой леди, о её средствах и вообще обо всем, что могло бы объяснить её действия. Попытайся я узнать это от неё, и она тут же заподозрит меня. И тогда, в случае, если она виновата, вся надежда на капитальные улики пропадёт, потому что она с лёгкостью уничтожит их. Но если она невиновна (а я надеюсь на это), то обвинять её было бы неоправданной жестокостью. Я излагаю это дело со своей стороны, сэр, и, если позволил при этом себе лишнее, великодушно извиняюсь.

— Вы абсолютно корректны, Доу, — тепло сказал я, потому что мужество, честность и рассудительность этого человека внушали

уважение. — Я рад, что вы были со мной откровенны. Мы оба хотим найти правду, но в деле этом очень много странностей, и поэтому, чтобы выяснить истину, необходимо прилагать совместные усилия, независимо от наших взглядов и жизненных установок!

Сержант одобрительно посмотрел на меня и продолжал:

— На мой взгляд, заподозрив кого-либо, следует по крупицам собирать доказательства или же приходиться к заключениям, способным убедить вас и настроить «за» я «против». И тогда мы придём к выводу, а возможно, отбросим все другие версии, оставляя лишь самую подозрительную из всех нами рассмотренных. После этого нам нужно...

В эту минуту дверь открылась, и вошла мисс Трелони. Едва увидев нас, она подалась назад со словами:

— Ах, простите! Я не знала, что вы здесь и заняты.

Я поднялся, когда она собралась выйти.

— Пожалуйста, войдите, — позвал я. — Мы с сержантом Доу просто разговаривали.

Она помедлила, и тут в комнате появилась экономка, объявив о приходе доктора Винчестера, желающего видеть хозяйку.

Повинуясь взгляду мисс Трелони, я покинул комнату следом за ней.

Осмотрев больного, доктор сказал нам, что видимых перемен не обнаружил. Он добавил, что тем не менее предпочтёт остаться в доме в эту ночь. Мисс Трелони казалась довольна этим и приказала экономке приготовить для него комнату. Позже, когда мы остались с ним наедине, он вдруг сказал:

— Я договорился о своём пребывании здесь, потому что хотел поговорить с вами, и, поскольку я хочу, чтобы это было сугубо между нам и, по-моему, лучше всего будет сделать это за сигарами попозже вечером, когда мисс Трелони дежурит у отца.

Мы по-прежнему придерживались с мисс Трелони очерёдности ночного наблюдения за больным. Вместе мы должны были наблюдать за ним под утро, и меня волновало то, что детектив также собирался вести наблюдения втайне и в одиночку и быть при этом особенно настороже.

День прошёл без событий. Мисс Трелони спала днём и после обеда отправилась сменить сиделку. Миссис Грант оставалась с нею, а

сержант Доу дежурил в коридоре. Мы с доктором Винчестером пили кофе в библиотеке. Когда мы закурили наши сигары, он спокойно начал:

— Итак, мы одни и можем начать конфиденциальный разговор. Разумеется, мы связаны «обетом молчания» по поводу происходящих событий?

— Совершенно верно! — подтвердил я, и сердце моё ёкнуло при мысли об утреннем разговоре с сержантом и тех гнетущих страхах, которые остались после него в моем сознании.

Доктор продолжал:

— Этот случай вполне способен повлиять на разум всех принимающих в нем участие. Чем больше я над ним думаю, тем больше схожу с ума, чувствуя, как обе постоянно укрепляющиеся версии тянут нас в противные стороны.

— И что это за версии?

Он глянул на меня пронизательно, прежде чем ответить. В подобные минуты взгляд доктора Винчестера становился обескураживающим. Он мог бы подействовать на меня, будь у меня какая-то личная заинтересованность в этом деле, не считая участия в мисс Трелони. Но сейчас я выдержал его не дрогнув. Теперь я был поверенным в этом деле — с одной стороны «амикус куриа»^[3], а с другой — представитель защиты. Сама мысль в голове у этого умного человека двух равносильных и противоположных версий была достаточно утешительна, чтобы ослабить моё волнение по поводу вероятности нового нападения. Доктор заговорил, и лицо его, вначале непроницаемо улыбавшееся, приобрело выражение жёсткой угрюмости:

— Две версии: факт и фантазия! В первой заключена вся суть дела-нападения, попытки грабежа и убийства, подстроенная катаlepsия, указывающая либо на преступный гипнотизм, либо на простой образчик яда, неведомый пока нашей токсикологии. По второй версии действует «влияние», не определённое ни в одной из известных мне книг — не считая страниц романов. Никогда ещё не поражала меня столь сильно истина гамлетовских слов:

И в небе и в земле сокрыто больше...

Чем снится вашей мудрости Горацио.

Для начала возьмём сторону «факта». Перед нами человек в окружении домочадцев; в его доме множество слуг из различных классов, что исключает возможность организованного заговора из людской. Он богат, образован, умен. Судя по его физиономии, он несомненно обладает железной волей и определёнными стремлениями. Его дочь (единственная, насколько мне известно) юная, бойкая и умная девушка, спит в комнате, смежной с его кабинетом. Кажется, для каких-либо нападений или неприятностей извне нет ни разумных поводов, ни возможностей. И все же нападение происходит, зверское и безжалостное, совершенное посреди ночи Оно быстро обнаружено — настолько быстро, что обычно в криминальных делах это происходит не случайно, а с обдуманым намерением. Нападающего или нападающих нарочно спугнули до окончания их работы, в чем бы их цель ни заключалась. Но тем не менее нет следов их побега: ни улики, ни шума, ничего. Нет даже открытой двери или окна. Ничего указывающего на того, кто это сделал, или на то, что дело вообще сделано, — за исключением жертвы и её ближайшего окружения.

На следующую ночь — новое нападение, хотя дом полон бодрствующими людьми, среди которых наблюдают за комнатой и соседними помещениями офицер-детектив, опытная сиделка, верный друг и собственная дочь жертвы. Сиделку поражает катаlepsия, а наблюдающего друга (защищённого респиратором) — глубокий сон. Детектив тоже настолько подвержен ступору, что стреляет из своего пистолета в комнате больного и даже не может вспомнить, в кого он стрелял. Похоже, ваш респиратор — единственное, что относится к стороне «факта». То, что вы не потеряли головы, как прочие, — эффект, зависящий от времени, проведённого в комнате, — указывает на вероятность того, что оказывающий вредное влияние медиум не обладает гипнотической силой. Но опять-таки есть факт, противоречащий данному. Мисс Трелони, пробывшая в комнате дольше вашего (поскольку она то и дело заходила и выходила из комнаты и сидела там подолгу во время своих дежурств), по-видимому, не подверглась странному воздействию. Следовательно, «влияние» не поражает всех подряд — если не предположить,

конечно, что хозяйка почему-либо не подвержена' ему. Если окажется так, что виновато некое загадочное «дыхание», исходящее из многих египетских вещиц, то дело проясняется, но тогда мы столкнёмся с тем фактом, что мистер Трелони большую часть времени — по сути, полжизни — провёл в этой комнате и больше всех был подвержен ему. Какого типа влияние могло вызвать все эти противоречивые последствия? Нет! Чем больше я думаю об этой дилемме, тем больше запутываюсь! В самом деле, если предположить, что физическое нападение на мистера Трелони совершил некто, проживающий в доме и попадающий в круг подозреваемых, выборочность воздействия остаётся тайной. Погрузить человека в каталепсию нелегко. Насколько известно сейчас науке, подобную цель нельзя осуществить усилием воли. Сердцевиной этого дела остаётся мисс Трелони, очевидно, не подверженная ни одному из влияний или разновидностей одного и того же влияния. Она проходит через все испытания нетронутой, не считая одного лёгкого полубморка.

Крайне странно!

Упав духом, я слушал доктора. Хотя он ничем не выказал недоверия, доводы его весьма беспокоили меня. Они не были столь же прямыми, как подозрения детектива, но также отделяли мисс Трелони от прочих, а быть одной, когда дело касается тайны, все равно что быть подозреваемой, если не сразу, то в конечном итоге. Я предпочёл промолчать. В подобном случае молчание — золото, и нынешнее молчание позволит мне меньше объяснять или брать назад свои слова впоследствии. Поэтому я тайно радовался, что доктор, высказывая свои доводы, не требует ответа от меня — по крайней мере, сейчас. Похоже, доктор Винчестер и не ожидал его, так что, почувствовав это, я обрадовался, хотя и сам не знал почему.

Обхватив ладонью подбородок, он немного помолчал, задумчиво уставясь в пространство и сведя брови. Сигара повисла в его пальцах, очевидно, он забыл про неё. Затем он продолжал ровным голосом, словно подхватывая мысль там, где оставил её:

— Другой «рог» дилеммы касается совершенно иной области и вступая в неё, мы должны оставить в стороне все, что имеет отношение к науке или эксперименту. Сознаюсь, многое в ней меня привлекает, хотя каждая новая мысль настолько захватывает своей романтикой, что приходится одёргивать себя и строго глядеть фактам

в лицо. Иногда я спрашиваю себя, не действуют ли временами это влияние или эманация в комнате больного и на меня, как подействовало на прочих, — к примеру, на детектива. Конечно, в случае, если это было неким химическим веществом, например, наркотиком в парообразной форме, его воздействие могло быть проникающим. Но что могло вызвать подобный эффект в этой комнате? Я знаю, она полна запахов мумии и это не удивительно, коли в ней полно реликтов гробниц, не говоря уже о настоящей мумии, на которую бросается Сильвио. Кстати, завтра я собираюсь подвергнуть его испытанию; я напал на след мумии-кошки и собираюсь завладеть ею завтра утром. Когда я принесу её сюда, мы узнаем, насколько правдив тот факт, что расовый инстинкт способен пережить тысячелетнее пребывание в могиле. Впрочем, вернёмся к делу... Сами по себе запахи мумии возникают от присутствия субстанций или их соединений, найденных египетскими жрецами, которые были образованными и учёными людьми своего времени. На протяжении веков опытным путём они обнаружили, что эти субстанции прекращают природный процесс разложения. Для такого результата пользовались мощными веществами и возможно, мы имеем дело с этими редкими веществами или их соединениями, свойства и воздействие которых неясны в нашу более позднюю и прозаическую эпоху. Интересно, есть ли подобные знания или хотя бы намёки на них у мисс Трелони? Единственное, в чем я твёрдо уверен: худшую атмосферу для комнаты больного трудно вообразить, и я восхищаюсь мужеством сэра Джеймса Фрере, отказавшегося в этих условиях лечить больного. Инструкции, данные мистером Трелони своей дочери, и то, что, судя по вашим словам, он тщательно защитил их через своего поверенного, показывают, что Трелони что-то подозревал и почти ожидал каких-то событий... Как интересно было бы узнать об этом хоть что-нибудь! Наверняка в его бумагах может содержаться какой-то намёк... Это сложная задача, но она должна быть решена. Его настоящее состояние не может длиться вечно, и если что-то произойдёт, будет расследование. В этом случае придётся рассмотреть все аспекты до мелочей... По сути, полицейское заключение покажет неоднократную попытку нападения. Поскольку явных улик нет, необходимо будет заняться поводом.

Он смолк. Последние его слова прозвучали совсем тихо. В них чувствовалась безнадежность. Сейчас я был уверен, что настал мой черёд выяснить, нет ли у него определённого подозрения, и, словно подчиняясь мысленному приказу, я спросил:

— Вы подозреваете кого-нибудь?

Похоже, мой вопрос больше испугал его, нежели удивил. Он взглянул на меня:

— Подозреваю кого-нибудь? Это уж как угодно. Конечно, я подозреваю наличие влияния, но пока что моё подозрение этим ограничено. Позже, если подтвердятся мои выводы или предположения, а подозрения станут более конкретными, но сейчас.

Он вдруг замолчал и посмотрел на дверь: послышался слабый звук, и ручка повернулась. Мне показалось, будто сердце моё остановилось в предчувствии зловещей, неопределённой опасности. В тот же миг я вспомнил об утреннем вторжении во время моего разговора с детективом.

Дверь открылась, и в комнату вошла мисс Трелони.

Увидев нас, она подалась назад, и глубокий румянец залил её лицо. Несколько секунд длилось молчание: в подобной ситуации несколько секунд могут увеличиваться в геометрической прогрессии. Наконец мисс Трелони заговорила, и напряжение, в котором мы с доктором находились (я это легко заметил), ослабело:

— Ах, простите меня, я не знала, что вы заняты. Я искала вас, доктор, чтобы спросить, не могу ли я отправиться спать, зная, что вы будете здесь. Я чувствую такую ужасную усталость, что боюсь нервного расстройства, и сегодня явно ни на что не пригожусь.

Доктор Винчестер сердечно ответил:

— Отправляйтесь в постель немедленно и выспитесь как следует! Ей-богу, вам это необходимо, и я весьма рад, что вы сами это предложили, потому что, увидев вас этим вечером, предположил, что вы вскоре попадёте ко мне в пациенты.

Она с облегчением вздохнула, и усталость, казалось, сошла с её лица. Никогда не забуду глубину и искренность её больших, прекрасных глаз и взгляд, устремлённый ко мне вместе со словами:

— Вы тоже будете охранять отца вместе с доктором, не так ли? Я так о нем волнуюсь, что каждая секунда приносит мне новые опасения. Но я совершенно выбилась из сил и без хорошего сна могу

сойти с ума. На нынешнюю ночь я переменю комнату. Боюсь, если останусь вблизи комнаты отца, каждый звук стократно умножит мой страх. Но разумеется, вы разбудите меня, будь на то причина. Я буду в спальне, рядом с будуаром возле холла. Эти комнаты я занимала, впервые приехав жить к отцу, и тогда не беспокоилась о... Там хорошо спится, и, может быть, я забудусь на несколько часов. Утром я встану бодрой. Спокойной ночи!

Когда я закрыл за ней дверь и вернулся к маленькому столу, за которым мы сидели, доктор Винчестер сказал:

— Бедная девушка измотана до последней степени. Я рад, что она наконец выспится. Это вдохнёт в неё жизнь, и утром она будет как новенькая. Её нервная система на грани срыва. Вы заметили, как ужасно она волнуется и как покраснела, войдя сюда и застав нас за разговором? Казалось бы, к чему ей беспокоиться о подобных мелочах в собственном доме и с приглашёнными ею гостями?

Я собрался было рассказать ему в качестве её оправдания о повторении ситуации, в которой она застала нас с детективом днём, но вспомнил о строгой конфиденциальности того разговора и промолчал.

Мы поднялись, чтобы отправиться в комнату больного, и вышли в тускло освещённый коридор. По дороге я не мог избавиться от бесконечных мыслей (они не оставляли меня ещё много дней) о странном совпадении: ведь она перебила нас два раза, едва мы затронули тему подозрений.

Определённо, здесь была странная паутина случайностей, в ячейки которой все мы вовлечены.

Глава 7. Пропажа у путешественника

Следующая ночь прошла спокойно. Зная, что мисс Трелони не была настороже, мы с доктором Винчестером удвоили внимание. Миссис Грант дежурила вместе с сиделками, и каждые четверть часа наведывались детективы. Больной всю ночь пребывал в трансе. Выглядел он здоровым, дышал легко, как ребёнок, его грудь равномерно вздымалась и опускалась. Но он ни разу не пошевелился, если бы не дыхание, его можно было бы принять за мраморного. На нас с доктором были респираторы, но в ту невыносимо жаркую ночь они нам очень досаждали. Между полночью и тремя часам и ночи я был охвачен тревогой, и снова возникло то неприятное ощущение, которое за последние несколько ночей стало для меня привычным; но, увидев серую зарю, пробирающуюся через края затемнений, я испытал неожиданное облегчение. В прохладном, обнадёживающем рассвете, когда восток начал постепенно бледнеть, задышалось свободнее; такое же облегчение, сменившееся суевольностью, чувствовалось во всем доме. В течение жаркой ночи мои уши, напрягавшиеся при каждом звуке, уже почти болели от этого, как будто бы мой мозг или другие органы чувств находились с ними в болезненной связи. Каждый вздох сиделки или шорох её платья, каждый шаг ноги в мягкой туфле, когда вокруг ходили полицейские, каждый момент пребывания настороже прибавлял, казалось, новый импульс чувству самосохранения. Все в доме, должно быть, испытывали то же самое: то и дело я слышал беспокойные шаги наверху, а внизу то и дело открывали окна. Однако с наступлением утра все это прекратилось, и дом, казалось, умиротворился. Доктор Винчестер пошёл домой после того, как сиделка Дорис сменила миссис Грант. Мне казалось, что он был слегка разочарован из-за того, что за всю эту долгую ночь бодрствования не случилось ничего необычного.

В восемь часов к нам присоединилась мисс Трелони, и я был поражён, увидев, какую пользу ей принёс сон. Она просто лучилась здоровьем, точно так же, как тогда, когда я впервые увидел её на пикнике. На её щеках, которые казались поразительно белыми по сравнению с чёрными бровями и алыми губами, возник какой-то

намёк на румянец. Когда она освежила свои силы, ей, казалось, стала присуща нежность, превосходившая даже ту, которую она поначалу выказала по отношению к своему больному отцу. Меня не могли не тронуть её любящие прикосновения, когда она поправляла его подушки и расчёсывала ему волосы, убирая их со лба.

Я и сам был утомлён от того, что бодрствовал всю ночь, и теперь, когда Маргарет была на страже, сразу же ощутил всю усталость бессонной ночи и отправился спать.

Я хорошо выспался и после завтрака собирался пойти на Джермин-стрит, но у двери в холл заметил какого-то назойливого человека. Из слуг тогда дежурил некий Моррис, которого раньше считали «чудаковатым», но после побега остальных слуг повысили в звании до дворецкого. Незнакомец говорил очень громко, так что понять его проблему было нетрудно. Слуга с полным уважением отнёсся и к его словам, и к поведению, но ни на шаг не отходил от больших двойных дверей, так что гостю никак невозможно было войти. Первые же слова, которые произнёс посетитель, вполне объяснили ситуацию:

— Это все очень хорошо, но я должен видеть мистера Трелони! Что толку с того, что вы говорите мне, что я не могу, если я говорю вам, что я должен. Вы все время откладываете! Я пришёл в девять часов; вы сказали, что он ещё не встал, что ему нездоровится и его нельзя тревожить. Я пришёл в двенадцать, и вы снова мне сказали, что он ещё не вставал. Я тогда спросил, что мисс Трелони ещё не вставала. Сейчас три часа, и вы снова мне говорите, что он в постели и ещё не проснулся. Где мисс Трелони? «Она занята и её нельзя беспокоить!» Что же, кто-то же должен её побеспокоить! Я здесь по особому делу, касающемуся мистера Трелони, и я приехал из таких мест, где слуги всегда начинают с «нет». Я уже три года жду у дверей зданий и шатров, где начинает казаться, что легче достучаться в могилу, и где вы уже думаете, что люди внутри не живее, чем мумии. Я говорю вам, что с меня этого хватит. Когда я прихожу в дом человека, на которого работал, и нахожу его дверь закрытой, а слуги встречают меня точно такими же словами, этого я не понимаю. Разве мистер Трелони отдал вам распоряжение, что меня не следует впускать и он не станет со мной встречаться, когда я приду?

Он прервался и возбуждённо вытер лоб. Слуга отвечал ему очень вежливо.

— Мне очень жаль, сэр, если, выполняя свои обязанности, я каким-то образом задел вас. Но у меня есть приказы, и я должен им подчиняться. Если вы пожелаете оставить записку, я передам её мисс Трелони; если же оставите адрес, она сможет связаться с вами, — ответ прозвучал таким добросердечно, но не более того.

— Приятель, к вам лично я ничего не имею, и мне жаль, если я потревожил ваши чувства. Мне нужно быть справедливым, даже когда я зол. Но кто угодно разозлится, оказавшись в таком положении. Время не ждёт. Нельзя терять ни часа — ни минуты! И все же я торчу здесь, уже шесть часов обивая порог и все это время зная, что ваш хозяин рассердится в сто раз больше, когда узнает, как бесцельно пропало столько времени. Его можно разбудить хоть тысячу раз, чтобы он смог поговорить со мной прямо сейчас, и пока ещё не поздно. Бог ты мой, это просто ужасно после всего того, через что я прошёл, — видеть, как твои труды пропадают в последнюю секунду: когда ты уже у самой двери, тебя отпихивает тупой лакей! Хоть у кого-нибудь в этом доме есть здравый смысл или хоть авторитет, если здравым смыслом он не обладает? Я очень быстро смогу его убедить, что вашего хозяина надо будить, даже если он спит, как Семь Красавиц...

В искренности этого человека нельзя было усомниться, так же как и в том, что дело срочное, по крайней мере, с его точки зрения.

Я выступил вперёд.

— Моррис, — сказал я, — вам бы следовало известить мисс Трелони, что этот джентльмен хотел бы увидеться именно с ней. Если она занята, попросите миссис Грант передать ей.

— Очень хорошо, сэр, — с облегчением ответил он и исчез.

Я провёл незнакомца в небольшую гостиную. По дороге он меня спросил:

— Вы секретарь?

— Нет! Я друг мисс Трелони. Меня зовут Росс.

— Огромное вам спасибо, мистер Росс, за вашу доброту! — сказал он. — Меня зовут Корбек. Я дал бы вам свою карточку, но в тех местах, откуда я приехал, визитных карточек нет. А если бы они у меня и были, то, я полагаю, прошлой ночью они тоже бы исчезли...

Он внезапно остановился, как бы поняв, что сказал слишком много. Мы оба молчали; пока мы ждали, я его рассматривал. Невысокий, плотный человек, загорелый до цвета кофе; вероятно склонный к полноте, но сейчас крайне исхудавший. Глубокие морщины на него лице и шее происходили не от времени и солнца; они безошибочно указывали на то, что мышцы ввалились и кожа потеряла свою упругость. Шея представляла собой сложную сеть рубцов и морщин, как бы иссушенная жаром пустыни. Такой цвет кожи можно было заработать, побывав на Среднем Востоке, в тропиках или в пустыне, но в каждом случае оттенок загара был свой. Эти оттенки различались, и однажды их увидев, можно было легко заметить смуглое свечение в одном случае, яркий красно-коричневый цвет в другом, а в третьем — тёмный въевшийся ожог, ставший постоянным оттенком. У мистера Корбека была массивная голова, с косматой тёмной красно-коричневой гривой волос, но лысая с висков. Он обладал красивым, высоким и широким лбом, с чётко обозначенными лобными пазухами, если использовать термины физиогномики. Их квадратный вид свидетельствовал о логическом мышлении, а полнота под глазами — о склонности к языкам. Короткий широкий нос, выдающийся вперёд подбородок и мощная челюсть говорили об энергичности и решительности.

«Весьма подходящий для пустыни тип», — думал я, глядя на него.

Мисс Трелони пришла очень быстро. Увидев её, мистер Корбек, казалось, был удивлён. Его раздражение и возбуждение ещё не прошли, так что такое вторичное и чисто внутреннее ощущение, как удивление, могло бы и не проявиться. Но, когда она заговорила, он уже не отводил от неё глаз, и я напомнил себе, что надо побыстрее найти возможность исследовать причину его удивления. Она начала с извинений, чем быстро свела на нет его возмущение:

— Конечно, если бы отец хорошо себя чувствовал и я не дежурила бы в комнате больного, когда вы приходили в первый раз, вас не заставили бы ждать. Теперь не будете ли вы так любезны сказать, что у вас за срочная причина? — Взглянув на меня, он заколебался, но мисс Трелони сразу же добавила: — У меня нет никаких секретов от мистера Росса. Я ему полностью доверяю, и он помогает мне в моих несчастьях. Думаю, что вы не совсем понимаете, в каком состоянии находится мой отец. Уже три дня он не

просыпается и не приходит в сознание; я очень встревожена. К несчастью, я очень мало знаю как об отце, так и о его жизни. Я стала жить с ним только год назад и не имею представления о его занятиях. Я даже не знаю, кто вы и какое у вас может быть дело к нему, — она говорила это с лёгкой, извиняющейся улыбкой, в то же время изящной, как бы вежливо выражая абсурдность своего незнания.

Секунд пятнадцать он внимательно смотрел на неё, затем заговорил, сразу же приступив к делу, будто бы он принял решение и к нему вернулась прежняя уверенность.

— Меня зовут Юджин Корбек. Я Магистр Гуманитарных Наук, Доктор Юриспруденции и Магистр Хирургии в Кембридже; Доктор Литературы в Оксфорде; Доктор Естественных Наук и Доктор Филологии в Лондонском университете; Доктор Философии в Берлине; Доктор Восточных языков в Париже. У меня есть и другие степени, титулы и прочее, но не стоит вас тревожить их перечислением. Перечисленные мною степени говорят вам о том, что я достаточно «оперён» дипломами, чтобы влететь даже в комнату, где лежит больной. В молодости — в соответствии со своим и интересами и желаниями, но во вред для своего кармана — я заинтересовался египтологией. Меня, должно быть, укусил какой-то ядовитый скарабей, потому что мне плохо после этого пришлось. Я разыскивал захоронения и ухитрялся как-то жить и учился такому, чего нельзя прочесть в книгах. Я был на мели, когда встретил вашего отца, который проводил кое-какие собственные исследования. И с тех пор я понял, что у меня оставалось не так уж много неудовлетворённых желаний. Он был настоящим мастером в этой науке, свихнувшийся египтолог и мечтать не станет о лучшем шефе!

Гость говорил с чувством; я был рад видеть, что мисс Трелони порозовела от удовольствия, слушая, как восхваляют её отца. Однако же я не мог не думать, что мистер Корбек в какой-то мере теряет время впустую. Я предположил, что он хочет разведать обстановку и посмотреть, до каких пределов ему следует доверяться двум незнакомым людям. Я видел, что по мере того, как он говорил, его уверенность росла. Размышляя об этом позже и вспоминая, что он говорил, я понял, что тот объём информации, который он нам представил, говорил о растущим доверии к нам.

— Несколько раз я возглавлял для вашего отца экспедиции в Египет и всегда был в восторге от того, что работаю с ним. Многие из своих сокровищ, — а у него есть некоторые редкости, скажу я вам, — он получил с моей помощью, или из моих экспедиций, или путём приобретения, или... или иначе. Ваш отец, мисс Трелони, обладает редкостными познаниями. Иногда он принимает решение разыскать какую-либо вещь, о существовании которой, — если она вообще ещё существует, — ему стало известно, и он может проехать ради этого весь мир, пока её не добудет. Этим я сейчас занимался.

Он резко остановился, как будто бы рот его захлопнулся при помощи резинки. Мы ждали. Он продолжал с какой-то новой для него степенью осторожности, как бы стремясь предупредить любые наши вопросы.

— Я не имею возможность упоминать о своём поручении — где я был, с какой целью и так далее. Подобные вопросы я могу обсуждать только с мистером Трелони. Я обязан хранить абсолютную тайну.

Он сделал паузу, затем на его лице отразилось замешательство. Внезапно он спросил

— Вы уверены, мисс Трелони, что ваш отец не в состоянии со мной сегодня увидеться?

В свою очередь удивление выразилось на её лице. Но оно сразу же исчезло. Встав, она сказала голосом, в котором присутствовало как достоинство, так и любезность.

— Идите и смотрите сами!

Она пошла к комнате отца; он последовал за ней, а я шёл сзади.

Мистер Корбек вошёл в комнату больного, как будто бы был знаком с нею. По подсознательному поведению людей всегда можно безошибочно определить, когда они находятся в новой для них обстановке. Даже стремясь поскорее увидеть своего могущественного друга, он взглядом окинул комнату, как будто она ему знакома. Затем сосредоточил своё внимание на постели. Я внимательно за ним наблюдал, потому что чувствовал, что от этого человека в значительной степени зависит возможность решения вопроса, которым мы занимались.

Не то чтобы я ему не доверял. Этот человек обладал кристальной честностью, и именно этого качества нам следовало опасаться. Его действиям была присуща смелая простота, но если бы он счёл своей

обязанностью хранить тайну, он держался бы до последнего. У нас на руках был случай по меньшей мере необычный, следовательно, рамки сохранения тайны можно трактовать более либерально. Невежество для нас означало беспомощность. Если бы мы узнали что-нибудь из прошлого, нам стали бы понятны условия, предшествовавшие нападению, и, возможно, мы смогли бы каким— то образом помочь пациенту выздороветь.

Мои мысли снова начинали кружиться: резко собравшись, я стал смотреть. На загорелом, обветренном лице отражалось бесконечное сожаление, когда он смотрел на своего друга, лежавшего так беспомощно. Суровое выражение лица мистера Трелони не разглаживалось и во сне; но из-за этого он выглядел ещё более беспомощным. Было бы неудивительно в таких условиях увидеть слабое или обычное выражение лица; но этот решительный, могучий человек, охваченный непроницаемым сном, выражал собой всю патетику великого поражения. Для нас его вид стал уже привычным, но я видел, что мисс Трелони, как и я снова ощутила это в присутствии незнакомца. Лицо мистера Корбека стало жестоким. Всякая жалость исчезла, вместо неё возник жёсткий мрачный взгляд, обещавший горе тому, кто оказался причиной этого мощного поражения. Затем его выражения стало решительным, вулканическая энергия человека нацелилась на какую-то определённую цель. Он обернулся к нам; когда его глаза остановились на сиделке Кеннеди, брови его слегка поднялись. Заметив этот взгляд, она вопросительно посмотрела на мисс Трелони, которая ответила ей тоже взглядом. Сиделка тихо вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Мистер Корбек посмотрел сначала на меня, с естественным импульсом мужчины говорить скорее с женщиной чем с женщиной; затем, вспомнив о приличиях, обратился к мисс Трелони и сказал:

— Расскажите мне об этом. Как и когда это началось! — мисс Трелони взглянула на меня, и я рассказал ему обо всем, что знал. Пока я рассказывал, он сидел неподвижно, но его бронзовое лицо незаметно приобретало стальное выражение. Когда же под конец я рассказал ему о визите мистера Марвина и о власти поверенного, его взгляд просветлел. Заметив его интерес к этому вопросу, я остановился на деталях договора, он сказал:

— Отлично! Теперь я знаю, что я должен делать!

Сердце у меня упало. Эта фраза, произнесённая в такое время, казалось, закрыла дверь моим надеждам на догадку.

— Что вы имеете в виду? — спросил я, ощущая слабость своего вопроса.

Его ответ усилил мои страхи:

— Трелони знает, чего хочет. Во всем он делал, у него была определённая цель, и мы не должны вмешиваться. Он, очевидно, ожидал, что-то должно произойти, и обезопасился со всех сторон.

— Не со всех! — энергично возразил я. — Где-нибудь, очевидно, было слабое место, иначе он не лежал бы здесь просто так! — Спокойствие мистера Корбека меня удивило. Я ожидал, что он сочтёт мою реплику серьёзным аргументом, но она его не тронула — по крайней мере не так, как я думал. Что-то похожее на улыбку промелькнуло на его смуглом лице, когда он отвечал:

— Это ещё не конец! Трелони не зря обезопасил себя. Несомненно, он предусмотрел и это тоже или такую возможность, во всяком случае.

— Вы знаете, чего он ждал или с какой стороны? — спросила мисс Трелони. Ответ последовал незамедлительно.

— Нет! Не знаю ни того, ни другого. Могу предположить... — он резко остановился.

— Что предположить? — возбуждение в голосе девушки было невыразимое. Стальное выражение снова возникло у него на лице, но когда он ответил, его голос звучал и вежливо и нежно.

— Поверьте, я сделал бы все возможное, чтобы успокоить вас. Но здесь у меня обязательства более высокие.

— Какие обязательства?

— Молчания! — и его рот захлопнулся как капкан.

Некоторое время никто не произносил ни слова. Мы все думали настолько интенсивно, что тишина была нам помощницей, даже незначительные звуки снаружи мешали. Первой тишину нарушила мисс Трелони. Я видел, как в её взгляде появилась надежда, но перед тем, как заговорить, она взяла себя в руки.

— Каково же было то срочное дело, по которому вы хотели меня видеть, зная, что отец... не может с вами встретиться? — пауза показала точность её мыслей.

Мистер Корбек мгновенно переменялся так, что это показалось почти смешным. Его удивление, сменившее железное спокойствие, было похоже на пантомиму. Но вся юмористичность ситуации пропала, сменившись трагической серьёзностью, когда он вспомнил об этом.

— Бог ты мой! — воскликнул он и, подняв руку со стула, на котором она лежала, хлопнул по нему с яростью, которая и сама бы по себе могла бы привлечь внимание. Сдвинув брови, он продолжал. — Совсем забыл! Какая потеря! И именно сейчас! Прямо в момент успеха! Он лежит здесь беспомощный, а я должен держать язык за зубами! Не могу двинуть ни рукой, ни ногой, не зная его желаний!

— В чем же дело? Пожалуйста, скажите нам! Я так тревожусь о своём дорогом отце! Неужели новая беда? Надеюсь, нет? Я так тревожусь и в такой горе! Не могли бы вы сказать хоть что-нибудь, что могло бы уменьшить эту ужасную тревогу и неуверенность?

Он поднялся и встал во весь рост.

— Увы! Не могу не иметь права вам что-то говорить. Это его тайна — Он указал на кровать. — И тем не менее... тем не менее я пришёл сюда за его советом. А он лежит здесь беспомощный... И время летит! Может быть, скоро будет слишком поздно!

— Что же это? Что же это — перебила его мисс» Трелони в страсти своей горечи, с болезненной гримасой на лице. — Ох, говорите! Скажите что-нибудь! Такая беда, такой ужас, эта таинственность убивает меня!

Мистер Корбек с усилием взял себе в руки.

— Я не могу говорить с вами о деталях, но у меня огромная потеря. Моя работа, на которую у меня ушло три года, привела к успеху. Я нашёл все, что искал — и более того, я успешно довёз их сюда. Сокровища, сами по себе бесценны, но вдвойне драгоценные для него, по чьему желанию и указаниям я их искал. Я прибыл в Лондон только вчера вечером, и когда я проснулся сегодня утром, обнаружил, что мой драгоценный груз украден. Украден каким-то таинственным образом. Ни одна душа в Лондоне не знала о моем приезде. Никто кроме меня, не знал, что было в моей потёртой сумке. В моей комнате только один выход, дверь была заперта на замок и защёлку. Комната находится на пятом этаже, так что никто не мог влезть через окно. Кроме того, я сам закрыл окно и запер его на

защёлку, потому что стремился обезопасить себя со всех сторон. Утром оказалось, что к защёлке никто не прикасался... И тем не менее моя сумка была пуста. Светильников там не оказалось!.. Ну вот, проболтался. Я поехал в Египет, чтобы отыскать набор античных светильников, которые хотел выследить мистер Трелони. С невероятным трудом, пройдя через множество опасностей, я их выследил. Я успешно довёз их... А теперь! — он отвернулся в огорчении. Даже для его железной природы это ощущение потери казалось невыносимым.

Мисс Трелони, подойдя к нему, положила свою руку на его. Я смотрел на неё в изумлении. Вся страсть и боль, которые, казалось, так её трогали, превратились в решимость. Она выпрямилась, глаза её горели, все её существо излучало энергию. Было очевидно, что она на удивление сильная женщина, что её сила придёт ей на помощь, когда потребуется.

— Мы должны действовать немедленно! Желание моего отца должно быть выполнено, если мы сможем это сделать. Мистер Росс, вы юрист. У нас в доме человек, которого вы считаете лучшим сыщиком Лондона. Мы несомненно сможем что-нибудь сделать. Мы можем начать прямо сейчас!

Её энтузиазм заразил и мистера Корбека.

— Отлично! Вы достойны своего отца! — только и сказал он. Но его восхищение её энергией выразилось в том, что он оживлённо схватил её за руку. Я двинулся к двери, собираясь пригласить сержанта Доу, и, уловив её одобрительный взгляд, я понял, что Маргарет — мисс Трелони — поняла меня. Я был уже у двери, когда мистер Корбек окликнул меня.

— Минуту, — сказал он, — пока мы не ввели в ситуацию новое лицо. Вы должны себе уяснить, что он не должен знать того, что вы знаете сейчас, что эти светильники — предмет длительного, трудного и опасного поиска. Все, что я могу ему сказать, и все, что он должен узнать из любого другого источника, это то что украдена моя собственность. Я должен буду описать лампы, особенно одну из них, сделанную из золота, и я боюсь, что вор, не подозревая о её исторической ценности, расплавит её, чтобы скрыть следы. Я с удовольствием бы заплатил в десять, двадцать, в тысячу раз больше, чем стоит это золото, лишь бы светильник не оказался

расплавленным. Я расскажу детективу только самое необходимое. Так что, пожалуйста, позвольте мне отвечать на все его вопросы, если, конечно, я не попрошу вас ответить.

Мы кивнули. Но затем у меня возникла одна идея, и я сказал:

— Кстати, если необходимо держать язык за зубами, лучше обратиться к частному детективу. Если что-то станет известно Скотленд-Ярду, держать язык за зубами будет не в нашей власти и сохранение тайны станет невозможным. Я по пути прошу сержанта Доу. Если я промолчу, это будет означать, что он возьмёт на себя эту задачу и будет держать язык за зубами.

Мистер Корбек сразу же ответил.

— Тайна — это главное. Единственное, чего я боюсь, это того, что светильники, все три или не все, будут уничтожены сразу же.

К моему крайнему удивлению мисс Трелони мгновенно отреагировала на это, сказав тихим, но решительным голосом:

— Они не будут уничтожены, ни один из них!

Мистер Корбек чуть не улыбнулся от изумления.

— Откуда же вы можете это знать? — спросил он.

Её ответ был ещё менее вразумительным:

— Не знаю, откуда я это знаю; но знаю, что знаю. Я чувствую это в себе; как будто бы это какое-то убеждение, которое было со мной всю мою жизнь.

Глава 8. Светильники нашлись

Сержант Доу сначала немного усомнился, но наконец согласился дать частную консультацию по делу, о котором ему расскажут. Он добавил, что мне следует помнить, что он может только дать совет; но если потребуются конкретные действия, то ему, может быть, придётся обратиться к начальству. Я оставил его в кабинете и привёл к нему мисс Трелони и мистера Корбека. Не успели мы выйти из комнаты, как сиделка Кеннеди заняла своё место у кровати.

Я не мог не восхититься осторожной и хладнокровной точностью, с которой путешественник рассказал о своём деле. С виду он не скрывал ничего, но тем не менее почти не обрисовал пропавшие предметы. Он не стал особо распространяться о тайне этого дела; он, казалось, смотрел на это дело как на обычную кражу в отеле. Зная, что его единственной целью было найти эти предметы до того, как они будут испорчены, я видел то редкостное интеллектуальное умение, с которым он говорил по существу дела и держал при себе все остальное как ни в чем не бывало. «Воистину, — подумал я, — этот человек научился многому на восточных базарах, и, с помощью западного интеллекта обошёл в этом своих учителей!» Он чётко обрисовал своё дело детективу, который, немного подумав, спросил:

— Горшок или весы?

— Что это значит? — спросил мистер Корбек напряжённо.

— Это старое выражение Бирмингемских воров. Я думал, что в наши времена жаргона это всем известно. В старые времена, в Бруме, где было множество небольших производств по обработке металлов, мастера по обработке золота и серебра покупали металлы почти у любого прохожего. А так как в небольших количествах металлы можно было купить недорого, если не спрашивать откуда они взялись, то стало обычаем задавать только один вопрос — нужен ли товар в плавном виде, и в этом случае покупатель называл цены, а горшок для плавки всегда стоял на огне. Если же, по выбору покупателя, товар нужно было сохранить в той форме, в которой он был, тогда его взвешивали и он шёл по стандартной цене лома металлов.

Этим делом занимаются и до сих пор, и не только в Бруме. Когда мы разыскиваем часы, мы часто проверяем эти производства, но из кучи отбросов невозможно выбрать колёсики и пружинки, и то, что нам нужно мы находим редко. В данном случае многое зависит от того, хороший ли это вор — так называют человека, который знает свою работу. Первокласный мошенник поймёт, когда вещь дороже содержащегося в ней металла, и в этом случае он будет иметь дело с человеком, который может отправить её ещё дальше — в Америку или Францию, например. Кстати, кроме вас, кто-нибудь мог бы идентифицировать эти светильники?

— Кроме меня — никто.

— Существуют ли другие, похожие на них?

— Я о таких не слышал, — ответил мистер Корбек, — хотя и могут существовать такие, которые похожи на них во многих особенностях.

Детектив, помолчав, спросил:

— А смог бы какой-нибудь другой знающий человек — из Британского музея, например, или торговец антиквариатом, или коллекционер, как мистер Трелони, — оценить их стоимость — их художественную ценность?

— Конечно! Кто угодно с головой на плечах с первого взгляда поймёт, что это ценные вещи.

Лицо детектива просветлело.

— Тогда ещё есть шанс. Если дверь и окно были заперты, то эти вещи не мог ли быть украдены случайно, горничной или чистильщиком сапог. Кто бы это ни был, он нацеливался именно на них, и не расстанется с добычей, не заполучив за них достойную цену. Хорошо здесь по крайней мере то, что мы можем все делать тихо. Нет необходимости сообщать в Скотленд-Ярд, если вы этого не пожелаете, мы можем провести расследование частным образом. Если вы хотите, чтобы это дело держалось в тайне, как вы поначалу сказали, то это наш шанс.

После паузы мистер Корбек спросил:

— У вас есть какие-либо предположения насчёт того, как была совершена эта кража?

Полицейский улыбнулся улыбкой знающего и опытного человека.

— Без всяких сомнений, очень просто, сэр. Все эти таинственные преступления в конце концов оказываются простыми. Преступник знает свою работу и все эти фокусы; он постоянно наготове, ожидая удобный случай. Более того, он по опыту знает, каковы могут быть эти удобные случаи и как они обычно возникают. Жертва соблюдает осторожность, но она не знает всех трюков и ловушек, которые могут быть для неё подготовлены, и сделав ту или иную малейшую ошибку, она попадает в ловушку. Когда мы узнаем все об этом деле, вы поразитесь, что не заметили этого!

Мистер Корбек, казалось, слегка обиделся; он с жаром заговорил:

— Послушайте, мой добрый друг, в этом деле все не так просто — кроме того, что вещи были украдены. Окно было закрыто, камин заложено кирпичом. В комнату вела только одна дверь, которую я запер на замок и задвижку. Форточки там нет, я слышал об отдельных кражах через форточку. Ночью из комнаты я не выходил. Перед тем как лечь спать, я все осмотрел и осмотрел ещё раз, когда проснулся. Если вы можете найти здесь признаки простой кражи, то вы умный человек. Только это я и могу сказать — достаточно умный, чтобы просто пойти и забрать мои вещи. Мисс Трелони, успокоительно коснувшись его руки, тихо сказала:

— Не огорчайтесь понапрасну. Я уверена, что они отыщутся.

Сержант Доу повернулся к ней так резко, что я живо вспомнил о его подозрениях насчёт неё, и спросил:

— Могу ли я спросить, мисс, на чем основывается ваше мнение?

Я боялся услышать её ответ, обращённый к человеку, уже готовому взять её на подозрение, но все равно этот ответ отдался во мне новой болью и потрясением:

— Я не могу сказать вам, откуда я это знаю. Но я в этом уверена!

Детектив молчаливо смотрел на неё некоторое время, затем бросил быстрый взгляд на меня. Затем он ещё немного поговорил с мистером Корбеком, выясняя его передвижения, детали отеля и комнаты и способы идентификации украденных предметов. Затем он пошёл, чтобы начать расследование, в то время как мистер Корбек настаивал на важности сохранения тайны, чтобы вор, почуввав опасность, не уничтожил бы светильники. Мистер Корбек пообещал, что после того, как устроит некоторые свои дела, вернётся рано утром и остановится в доме.

Весь день мисс Трелони была в лучшем расположении духа и выглядела лучше, чем раньше, несмотря на новое огорчение из-за кражи, которая в конце концов должна была неизбежно привести к разочарованию её отца.

Большую часть дня мы провели, разглядывая антикварные редкости мистера Трелони. Со слов мистера Корбека я уже стал иметь некоторое представление о масштабах его исследований Египта, и в этом свете все вокруг меня начало приобретать новый интерес, который постоянно рос; оставшееся ещё безразличие сменялось восхищением. Этот дом казался настоящим складом античного искусства. В дополнение к редкостям, большим и маленьким, находившихся в комнате мистера Трелони, было множество других, начиная от огромных саркофагов до скарабеев всевозможных видов; огромный зал, площадка лестницы, кабинет и даже будуар ломались от античных редкостей, которые вызвали бы зависть у любого коллекционера.

С самого начала меня сопровождала мисс Трелони, она с растущим интересом рассматривала все вокруг. Просмотрев несколько шкафов с изысканными амулетами, она наивно заметила:

— Вы не поверите, но я в последнее время едва ли смотрела на эти вещи. Только после того, как отец заболел, у меня появился к ним хоть какой-то интерес. Но теперь они завлекают меня все больше и больше. Интересно, не проявляется ли это кровь коллекционера, которая течёт в моих жилах. Если так, то странно, что я раньше этого не ощущала. Конечно, я видела большинство из самых заметных экспонатов и несколько раз их осматривала, но я их принимала как за что-то само собой разумеющееся, как будто бы они всегда были здесь. Я замечала, что так же люди относятся к семейным портретам: семья воспринимает их как нечто само собой разумеющееся. Это будет чудесно, если мы с вами будем все это рассматривать вместе.

Я был рад слышать такие слова, а её последнее предложение привело меня в восторг. Мы вместе ходили по разным помещениям и коридорам, восхищаясь чудесными вещами. Там было поразительное количество предметов, так что нам приходилось их просматривать только мельком, но потом мы решили, что нам следует осматривать их постепенно, день за днём, и изучать более подробно. В зале располагалось что-то типа большой рамы с цветочным орнаментом по

стали, которую, по словам Маргарет, её отец использовал для подъёма тяжёлых каменных крышек саркофагов. Сама рама была не слишком тяжёлой, так что её можно было легко передвигать. С её помощью мы по очереди поднимали крышки и рассматривали бесконечные ряды иероглифических картин, вырезанных на большинстве из них. Несмотря на своё признание в невежестве, Маргарет знала о них достаточно много; этот год, который она прожила вместе с отцом, оказался бессознательным повседневным уроком. Она обладала замечательным, ясным умом и хорошей памятью, так что её познания, накапливавшиеся понемногу, разрослись до такой степени, что многие учёные могли бы ей позавидовать.

И тем не менее все это было таким наивным, бессознательным, таким девическим и простым. Ей была присуща такая свежесть во взглядах и мнениях и так мало она думала о себе, что в её компании я на время забыл обо всех бедах и тайнах, охвативших этот дом, и я снова почувствовал себя юным...

Из саркофагов самыми интересными были, без сомнения, те три, что находились в комнате мистера Трелони. Два — из тёмного камня, один — из порфира, а другой из чего-то похожего на бурый железняк. На них были вырезаны иероглифы. Но третий поразительно отличался от них. Он был сделан из какого-то жёлто-коричневого материала с преобладающей игрой цвета, как у мексиканского оникса, на который он во многом был похож, но его естественный рисунок был выражен меньше. Там и сям виднелись места, почти прозрачные. И нижнюю часть и крышку покрывали сотни, а, может быть, и тысячи мелких иероглифов, идущих, казалось, бесконечными рядами. Сзади, спереди, с боков, на краях, внизу — везде были эти изящные картинки синего цвета, чётко и свежо выделявшиеся на жёлтом камне. Он был длинным, футов девять, и, возможно, ярд в ширину. Края были волнистыми, так что прямые линии не резали глаз. Даже углы были так изящно изогнуты, что на них было приятно смотреть.

— Поистине, — сказал я, — он, должно быть, предназначался для гиганта!

— Или для великанши! — заметила Маргарет.

Этот саркофаг стоял вблизи одного из окон. От всех других саркофагов он отличался одной деталью. Все другие саркофаги в доме, из какого бы материала они ни были сделаны — гранита, порфира,

железняк, базальта, сланца или дерева, внутри были простыми по форме. У некоторых внутренняя поверхность была чистой, у других её — целиком или отчасти — покрывали иероглифы. Но ни в одном не было ни выступов, ни неровной поверхности. Их можно было использовать в качестве ванн; и действительно, они были во многом похожи на каменные или мраморные ванны римлян, которые я когда-то видел. Однако внутри этого было приподнятое пространство в виде человеческой фигуры. Я спросил Маргарет, может ли она это каким-то образом объяснить. В ответ она сказала:

— Отец не хотел об этом говорить. Это сразу привлекло моё внимание; но когда я его об этом спросила, он сказал: «Когда-нибудь я расскажу тебе об этом, малышка — если доживу! Но не сейчас! Эта история ещё не рассказана так, как я надеюсь рассказать её тебе! Когда-нибудь, и, возможно, скоро, я узнаю все, и тогда мы вместе этим займёмся. Ты увидишь, что это весьма интересная история — сначала и до конца!» Только один раз после этого я ему заметила — и, боюсь, слегка легкомысленно: — «Не рассказана ли ещё та история о саркофаге, отец?» Он покачал головой, посмотрел на меня очень серьёзно и ответил: «Ещё нет, малышка, но это будет — если доживу!» Это его повторение насчёт его жизни меня очень испугало; я больше не решалась об этом говорить.

Почему-то рассказ Маргарет привёл меня в возбуждение. Не знаю точно, как и почему, но это было похоже на какой-то проблеск надежды. Мне кажется, бывают моменты, когда мышление сразу принимает что-то на веру, хотя невозможно проследить ни течение мыслей, ни связи между мыслями. До сих пор мы пребывали в полном неведении в отношении мистера Трелони и того странного нападения, которому он подвергся, поэтому все, что могло навести нас на какой-либо след, даже самый слабый и неопределённый, приобретало оттенок уверенности и определённости. Здесь мы имели дело с двумя моментами. Во-первых, мистер Трелони связывал с этим определённым предметом какие-то сомнения насчёт своей жизни. Во-вторых, в связи с этим он чего-то ждал или у него были какие-то намерения, о которых он не рассказывал даже своей дочери, пока все не разъяснится до конца. Опять же, нужно иметь в виду, что этот саркофаг отличался от других. Что означало это странное возвышение? Я ничего не стал говорить мисс Трелони, опасаясь, что я

её или испугаю или подам надежду; но я решил, что как только будет возможность, я займусь исследованием этой проблемы.

Рядом с саркофагом стоял низкий столик из зеленого камня, похожего на гелиотроп или красный железняк! Ножки были сделаны в виде лап шакала, и вокруг каждой из них обвивалась змея, искусно выполненная из чистого золота. На столике стояла странная и очень красивая коробка или ларец необычной формы. Она была похожа на маленький гроб, если не считать того, что длинные боковые стороны были сведены в точку, вместо того, чтобы быть обрезанными, как в верхней, горизонтальной части. Таким образом, получался неправильный пятиугольник — две плоскости каждой из боковых сторон, один торец и верх и низ. Пятигранник этот был сделан из цельного куска камня; такого камня я никогда ещё не видел. В основании он был интенсивно зеленого цвета — цвета изумруда, без блеска, конечно. Камень был невообразимо твёрд и обладал тонкой текстурой и казался драгоценным камнем. По мере движения вверх камень светлел с неосязаемым на глаз изменением цвета, и наверху становился нежно-жёлтым. Это не было похоже ни на что из того, что я когда-либо видел, и ни один камень или самоцвет не напоминал этот. Я подумал, что это какой-то уникальный загадочный самоцвет, или матрица какого-либо драгоценного камня. Он весь, кроме нескольких мест, был испещрён мельчайшими иероглифами, искусно выполненными тем же сине-зелёным цементом, или пигментом, как и на саркофаге. В длину он был примерно два с половиной фута; вдвое меньше в ширину и почти фут в высоту. Пробелы располагались неравномерно, начинаясь сверху и сбегая к заострённому концу. Эти места казались более прозрачными, чем все остальное. Я попытался поднять крышку, чтобы посмотреть, не могли ли они быть полупросвечивающими, но она держалась прочно. Крышка была так плотно пригнана, что вся этот ларец казался единым целым с вынутой таинственным образом серединой. На боках и краях виднелись какие-то странные протуберанцы, выполненные так же искусно, как и все остальное. В них были непонятного вида отверстия или пустоты, отличавшиеся друг от друга в каждом случае; они, как и все остальное, были покрыты иероглифическими фигурами, тонко выгравированными и заполненными тем же сине-зелёным цементом.

С другой стороны от огромного саркофага стоял другой небольшой столик из гипса, с искусно выгравированными на нем символическими фигурами богов и знаками зодиака. На этом столике помещалась шкатулка размером примерно в квадратный фут, сделанная из пластин горного хрусталя, вставленных в оправу из полосового красного золота, красиво гравированная иероглифами, расцвеченными сине-зелёным цветом, очень похожим по оттенку на цвета саркофага и ларца. Это произведение искусства в целом было вполне современным.

Но если шкатулка и была современной, то, что было внутри, таковым не являлось. В ней, на подушке из тонкой, как шёлк, золотой ткани со странным оттенком старого золота, покоилась рука мумии, поразительная по совершенству. Рука женщины, тонкая и длинная, с тонкими, сужающимися к кончикам пальцами, и почти такая же совершенная, как и в то время, когда её бальзамировали тысячи лет назад. При бальзамировании она ничуть не потеряла своей красоты, даже запястье, казалось, сохранило гибкость, лёжа на подушке в изящном изгибе. Кожа была цвета старой слоновой кости, смуглая нежная кожа наводила на мысль о жаре, но затенённой жаре. Поразительная особенность этой руки заключалась в том, что у неё было целых семь пальцев — два средних и два указательных. Верхний край запястья был неровным, как будто бы рука отвалилась, и словно запятнан чем-то красно-коричневым. Рядом с рукой на подушке лежал небольшой скарабей, искусно выполненный из изумрудов.

— Это ещё одна из тайн отца. Когда я его спросила, что это, он сказал: «Вероятно, самое ценное из всего, что у меня есть, если не считать ещё одной вещи». Когда я спросила, что это за вещь, он отказался говорить и запретил мне упоминать обо всем, что касалось этих предметов. «Я расскажу тебе, — сказал он, — расскажу все и об этом тоже, когда придёт время — если доживу!».

Опять «если доживу». Эти три предмета — саркофаг, шкатулка и рука, казалось, объединились в триаду тайн!

В этот момент мисс Трелони пришлось заняться каким-то делом по дому. Я стал осматривать другие диковины, находившиеся в комнате, но без неё они потеряли для меня всякое очарование. Позже в этот день меня послали в будуар, где она говорила с миссис Грант о том, куда разместить мистера Корбека. Они сомневались, отвести ли

ему комнату вблизи комнаты мистера Трелони, или в отдалении, и решили, что об этом стоило бы спросить меня. Я пришёл к выводу, что ему вряд ли стоит находиться слишком близко; во всяком случае, при необходимости его легко можно переселить и поближе. Когда миссис Грант ушла, я спросил мисс Трелони, как получилось, что мебель в этой комнате — в будуаре, где мы находились, так сильно отличалась от других комнат дома.

— Предусмотрительность отца! — ответила она. — Когда я приехала впервые, он подумал — и вполне справедливо, — что меня могут напугать все эти символы смерти и погребений повсюду. Поэтому комнату, в которой мы находимся, и ту, что рядом, где я спала сегодня, обставил красивыми вещами. Видите, какие они все приятные. Этот шкафчик принадлежал Наполеону Великому.

— В этих комнатах, значит, совсем нет ничего египетского? — спросил я, скорее для того, чтобы выказать интерес к тому, что она говорила, чем с другими целями, так как по мебели это и так было ясно видно. — Какой приятный шкафчик! Могу я на него посмотреть!

— Конечно! Буду очень рада! — ответила она с улыбкой. — Отец говорил, что его отделка совершенна, как внутри, так и снаружи.

Я подошёл к шкафчику и внимательно его осмотрел. Он был сделан из тюльпанного дерева с инкрустацией и отделан позолоченной бронзой. Я начал было вытаскивать один из ящиков, глубокий, чтобы рассмотреть внутреннюю отделку, но внутри что-то покатилося и загремело; раздался звон металла о металл.

— Ого! — заметил я. — Там что-то есть. Я тогда лучше не буду открывать.

— Насколько я знаю, там ничего нет, — сказала она. — Может быть, горничная положила туда что-то и забыла об этом. Все равно, открывайте!

Я вытянул ящик; мы с мисс Трелони в изумлении отступили. Перед нашими глазами лежало несколько древних египетских светильников различных размеров и необычно разнообразных форм.

Склонившись над ними, мы стали их рассматривать. Моё сердце билось, как паровой молот; и по движению груди Маргарет я видел, что она тоже необычайно возбуждена.

Пока мы на них смотрели, опасаясь к ним прикоснуться и боясь даже о чем-нибудь думать, у входной двери раздался звонок и в холл

сразу же вошли мистер Корбек и сержант Доу. Дверь будуара открылась, и, увидев нас, мистер Корбек подбежал к нам, — за ним несколько медленнее следовал детектив. Со сдерживаемой радостью мистер Корбек заявил:

— Возрадуйтесь со мной, моя дорогая мисс Трелони, мой багаж прибыл и там все на месте. — Затем он помрачнел и добавил: — Если не считать светильников. Светильников, которые стоили в тысячу раз больше всего остального... — он остановился, поражённый необычной бледностью её лица. Затем его глаза, следуя нашему взгляду, остановились на груде ламп в ящике. Издав вопль удивления и радости, он, склонившись, прикоснулся к ним.

— Мои светильники! Мои светильники! С ними все в порядке! В порядке! Но как, Бога ради, ради всех Богов, как они здесь очутились?

Мы молчали. Детектив громко вздохнул. Я взглянул на него, и, он, посмотрев на меня, перевёл взгляд на мисс Трелони, стоявшую к нему спиной.

В его глазах виднелась та же самая подозрительность, когда он говорил мне, что она всякий раз первой обнаруживала своего отца после нападений.

Глава 9. Недостаток знаний

Мистер Корбек почти обезумел от радости, что светильники нашлись. Он брал их по одному и нежно рассматривал, как будто был в них влюблён. От восторга и возбуждения он дышал так громко, что это скорее походило на кошачье мяуканье. Сержант Доу тихо заговорил, и его голос прозвучал в тишине как негармоничный звук в музыке.

— Вы вполне уверены, что это те светильники, которые были у вас и украдены?

— Несомненно! — голос мистера Корбека звучал возмущённо. — Конечно, я уверен! Другого такого комплекта светильников нет нигде мире!

— Насколько вам это известно! — детектив говорил спокойно, но с такой настойчивостью, что казалось, для этого у него есть какой-то повод, поэтому я молча ждал. Он продолжал. — В Британском музее, несомненно, могут быть такие, или эти были и раньше у мистера Трелони. Нет ничего нового под солнцем, как вам известно, мистер Корбек, даже в Египте. Эти могут быть оригиналами, а у вас, возможно, были копии. Есть ли какие-либо особые признаки, по которым вы можете определить, что они ваши?

Мистер Корбек на этот раз не на шутку рассердился. Забыв о своей сдержанности, он излил своё возмущение потоком почти несообразных, но выразительных, отрывочных фраз:

— Определить! Копии! Британский музей! Проклятье! Может быть, такой набор есть в Скотленд-Ярде, чтобы преподавать идиотам-полицейским египтологию! Знаю ли я их? Я три месяца нёс их сквозь пустыню, спрятав на себе, и ночь за ночью проводил без сна, сторожа их! Когда я часами рассматривал их через лупу, пока у меня глаза не начинали болеть, пока каждая мельчайшая царапина, вмятина или пятно не стали мне знакомыми, как карта капитану! Посмотрите, молодой человек, взгляните! — Он расставил светильники в ряд на шкафчике. — Вы когда-нибудь видели набор светильников подобной формы, или хотя бы одной из этих форм? Посмотрите на преобладающие в них фигуры! Вы когда-нибудь видели такой полный

набор — даже в Скотленд-Ярде, даже на Бау-стрит? Смотрите! По одной на каждом, семь форм Хатхора. Посмотрите на эту фигуру Ка, Принцессы Двух Египтов, стоящую между Ра и Озирисом на Лодке Мёртвых, с Глазом Сна, держащимся на ножках и склонившимся перед ней. Вы такое найдёте в Скотленд-Ярде или на Бау-стрит? Или, может быть, ваши исследования в музеях Гизы, или Фитцуильяма, или Парижа, или Лейдена, или Берлина, говорят вам о том, что этот эпизод часто встречается в иероглифике, и что это не более, чем копия. Может быть, вы сможете мне сказать, что означает эта фигура Птаха-Секера-Аузара, держащего Тета, завёрнутого в Скипетр Папируса? Вы такое видели раньше, хотя бы в Британском музее, или в Гизе, или в Скотленд-Ярде?

Внезапно он прервался и продолжал уже совершенно другим тоном:

— Послушайте! Мне кажется, что толстолобый идиот — это я сам! Я прошу у вас прощения, приятель, за свою грубость. Я просто потерял контроль над собой, когда услышал ваше предположение о том, что я не знаю этих светильников. Но вы не сердитесь, а?

Детектив добродушно ответил:

— Нет, сэр, только не я. Мне нравится смотреть, как люди сердятся, когда я имею с ним дело, тогда я понимаю, на чьей они стороне. Когда люди сердятся, тогда вы и узнаете от них правду. Я держусь спокойно, это моя профессия! Вы знаете, за эти две минуты вы рассказали мне об этих светильниках больше, чем тогда, когда описывали их, чтобы я мог их опознать.

Мистер Корбек крикнул, он был недоволен тем, что выдал себя. Сразу же повернувшись ко мне, он спросил самым естественным тоном:

— Теперь скажите мне, как вам удалось их вернуть?

Я был так поражён, что ответил не думая:

— Мы их не возвращали! Путешественник открыто расхохотался.

— Что вы этим хотите сказать, черт побери? — спросил он. — Вы их не возвращали! Да вот они здесь, у вас перед глазами! Мы вас застали за тем, что вы их разглядывали, когда мы вошли.

К этому времени я справился со своим изумлением и находился уже в своём уме.

— В этом-то все и дело, — сказал я. — Мы случайно на них наткнулись, именно в тот момент!

Мистер Корбек, отстранившись, внимательно смотрел на нас с мисс Трелони, переводя глаза с одного на другого, он спросил:

— Вы хотите мне сказать, что никто их сюда не приносил, что вы нашли их в этом ящике? То есть, иначе говоря, их никто не возвращал?

— Думаю, что кто-то все же должен был их сюда принести; они не могли здесь очутиться сами по себе. Но кто это был, когда и как это произошло, мы не знаем. Нам нужно будет это расследовать и узнать, не знает ли кто-нибудь из слуг об этом деле.

Некоторое время мы все стояли молча. Молчание было довольно долгим. Первым заговорил детектив, который внезапно произнёс:

— Черт меня побери! Извините, мисс, — после чего он захлопнул рот.

Мы вызывали слуг по одному и спрашивали их, не знают ли они чего-нибудь о предметах, положенных в шкафчик будуара, но никто из них не смог пролить свет на эту проблему. Мы не говорили им, что это были за предметы и не показывали их.

Мистер Корбек, упаковав светильники в вату, поместил их в жестяную коробку, которую, могу здесь кстати заметить, отнесли в комнату детективов, и один из людей всю ночь стоял рядом с ней на страже с револьвером. На следующий день принесли небольшой сейф и мы поместили светильники в него. Сейф отпирался двумя различными ключами. Один из них я держал при себе, а другой положил в свой ящик в подвалах банка. Мы все были полны решимости избежать повторной потери светильников.

Примерно после того, как мы нашли лампы, появился доктор Винчестер. С ним была большая коробка, и, когда её открыли, там оказалась мумия кошки. С разрешения мисс Трелони я отнёс её в будуар и туда же принесли Сильвио. К нашему всеобщему удивлению, — кроме, разве что, доктора Винчестера — он ничуть не возмутился, он вообще никак на это не отреагировал. Он стоял на столе рядом с коробкой и громко мурлыкал. Затем, следуя нашему плану, доктор отнёс его в комнату мистера Трелони, и мы все пошли за ним. Доктор Винчестер был в возбуждении, мисс Трелони тревожилась. Я тоже волновался, так как начал понимать, в чем

состоит идея доктора Детектив держался с холодным и спокойным высокомерием, но мистер Корбек, бывший сам по себе энтузиастом, был полон оживлённого возбуждения.

Как только доктор Винчестер вошёл в комнату, Сильвио замяукал и стал выворачиваться и, выпрыгнув из его рук, побежал к мумии кошки и стал яростно царапать футляр. Мисс Трелони с трудом унесла его, но, оказавшись вне комнаты, он успокоился. Когда она возвратилась, послышалось множество реплик:

— Я так и думал! — от доктора.

— Что это может значить? — от мисс Трелони.

— Это очень странно! — от мистера Корбека.

— Странно! Но это ничего не доказывает! — от детектива.

— Я отказываюсь от комментариев! — от меня, так как я подумал, что надо хоть что-то сказать.

Затем, по общему согласию, эту тему оставили на некоторое время.

Вечером у себя в комнате я делал некоторые заметки о том, что произошло, когда раздался стук в дверь. По моей просьбе пришёл сержант Доу, тщательно закрыв за собой дверь.

— Ну, сержант, — сказал я, — садитесь. В чем дело?

— Я хотел поговорить с вами, сэр, об этих светильниках. — Я кивнул и подождал, он продолжал. — Вы знаете, что комната, в которой их нашли, напрямую соединяется с той, где мисс Трелони спала прошлой ночью?

— Да.

— Ночью где-то в той части дома открылась и снова закрылось окно. Я слышал это, обошёл вокруг, но ничего не заметил.

— Да, я знаю это! — воскликнул я. — Я сам слышал, как открывалось окно.

— Не думаете ли вы, что в этом есть что-то странное, сэр?

— Странное! — сказал я. — Странное! Это самая поразительная, сводящая с ума вещь, которую я когда-либо встречал. Это все настолько странно, что никто ничему не удивляется, и все просто ждут, что же произойдёт дальше. Но что вы подразумеваете под «странным»?

Детектив помолчал, подбирая слова, затем нерешительно заговорил:

— Видите ли, я не из таких, кто верит в магию и все такое. Я всегда смотрю на факты, и в конце концов оказывается, что у всего есть причина. Этот новый джентльмен говорит, что вещи были украдены из его комнаты в отеле. Судя по некоторым его словам, я понял, что светильники принадлежат на самом деле мистеру Трелони. Его дочь, хозяйка дома, оставив комнату, которую она обычно занимает, спит в ту ночь на первом этаже. Ночью было слышно, как открывается и закрывается окно. Когда мы, весь день старавшиеся найти ключ к разгадке этой кражи, возвращаемся в дом, мы находим украденные вещи в комнате, находящейся рядом с той, в которой она спала!

Он остановился. У меня возникло то же самое чувство боли и страха, которое я испытал, когда он говорил со мной раньше. К проблеме, однако же, надо было встать лицом к лицу. Этого требовали наши с отношения с Маргарет, и мои чувства к ней, которые, как я теперь прекрасно осознавал, означали глубокую любовь и привязанность. Я сказал по возможности спокойно, зная, что острые глаза сыщика нацелены на меня.

— И какой же здесь вывод?

Он ответил с холодной дерзостью убеждённости:

— Для меня вывод в том, что кражи не было вообще. Кто-то принёс эти вещи в дом и передал их кому-то через окно на первом этаже. Их положили в шкафчик так, чтобы они были найдены в подходящее время!

Почему-то я почувствовал облегчение; это предположение само по себе было слишком чудовищным. Мне не хотелось, однако, подавать вида, поэтому я ответил по возможности серьёзно:

— И кто же, вы думаете, принёс их сюда?

— Этот вопрос остаётся открытым. Возможно, сам мистер Корбек; доверять это дело какому-то третьему лицу было бы слишком рискованно.

— Тогда естественным продолжением ваших выводов явится то, что мистер Корбек лгун и надувала и что у него есть тайные дела с мисс Трелони, имеющие целью обмануть кого-либо в истории с этими светильниками.

— Ваши слова достаточно резки, мистер Росс. Они так прямо выражены, что точно определяют место человека, и тогда насчёт него

возникают новые сомнения. Но мне приходится следовать здравому смыслу. Может быть, второе лицо, здесь замешанное, это мисс Трелони. Если бы одна деталь, которая навела меня на размышления, так что я засомневался в её отношении, я бы и не стал предполагать, что она здесь замешана. Но насчёт Корбека я уверен. Кто бы там ни был замешан, но он-то уж точно! Эти вещи не могли быть взяты без его попустительства — если он говорит правду. Если же нет — что же! В любом случае он лжец. Я стал возражать против того, чтобы оставлять его в доме, где хранится такое множество ценных вещей, но это даст нам с напарником возможность за ним наблюдать. И за всем прочим мы будем смотреть тоже, скажу я вам. Он сейчас в моей комнате, сторожит эти светильники, но и Джонни Райт тоже там. Я приду до того, как он уйдёт, так что вряд ли кто-нибудь ещё сможет вломиться в дом. Это все, мистер Росс, разумеется, только между нами.

— Само собой! Вы можете быть уверены в моем молчании! — сказал я, и он ушёл следить за египтологом.

Все мои болезненные переживания, казалось, приходили попарно, так что повторилось то же, что и вчера, через некоторое время у меня с частным визитом появился доктор Винчестер, который произвёл свой вечерний осмотр пациента и собирался идти домой. Заняв предложенное ему кресло, он сразу же заговорил:

— Вот тоже странное дело. Мисс Трелони только что рассказала мне об украденных светильниках и о том, как их нашли в шкафчике Наполеона. Это, по-видимому, ещё более усугубляет тайну, но тем не менее, как вы понимаете, для меня это облегчение. Я уже исчерпал все естественные и человеческие объяснения этого дела и начал верить в вероятности сверхъестественные и сверхчеловеческие. Здесь происходят такие странные вещи, что если я только не сойду с ума, то думаю, что нам уже недалеко до разгадки. Интересно, не мог бы я задать несколько вопросов мистеру Корбеку — мне нужна его помощь, но хотелось бы чтобы не было дальнейших осложнений и проблем. Он, по-видимому, необычайно много знает о Египте и обо всем, что с ним связано. Может быть, он согласится перевести небольшой отрывок иероглифического текста. Для него это детская игра. Как вы думаете?

Я немного подумал. Мы нуждались в каждой крупнице информации. Что касается меня, то я полностью доверял им обоим, и любое сравнение мнений и взаимопомощь могли бы дать хорошие результаты, вряд ли это могло принести нам вред.

— Я обязательно его об этом попрошу. Он кажется таким сведущим в египтологии, и, я думаю, он хороший парень и энтузиаст. Кстати, когда вы будете говорить с другими, вам следует быть осторожным, пользуясь полученной от него информацией, в зависимости от того, с кем вы говорите.

— Конечно! — ответил он. — Я и вообще не собираюсь никому об этом говорить, кроме вас. Нам нужно помнить, что когда мистер Трелони выздоровеет, ему может не понравиться то, что мы суём нос в его дела.

— Послушайте! — заметил я. — Почему бы вам не остаться на некоторое время: я попрошу его зайти к нам и выкурить с нами трубку. Мы все сможем обсудить.

Он согласился, так что я сходил за мистером Корбеком и привёл его с собой. Мне кажется, детективы были рады, что он уходит. По дороге он заметил:

— Мне совсем не нравится оставлять здесь светильники, под охраной только этих людей. Слишком они драгоценны, чтобы оставлять их под надзором полиции!

Из чего следовало, что сержант Доу вне подозрений. Мистер Корбек и доктор Винчестер, быстро взглянув друг на друга, сразу же перешли на дружеские отношения. Путешественник выразил готовность оказать посильную помощь, если, добавил он, это не будет что-то такое, о чем он не имеет возможности нам рассказать.

— Мне бы хотелось, чтобы вы перевели небольшой иероглифический текст.

— Пожалуйста, с большим удовольствием, насколько смогу. Потому что, должен вам сказать, иероглифическое письмо ещё не полностью расшифровано, но мы идём к цели! Мы идём к цели! Что это за надпись?

— Их две, — ответил доктор. — Я принесу одну из них.

Он вышел и через минуту вернулся с мумией кошки, которую раньше показывал Сильвио. Учёный взял её и после кратковременного осмотра сказал:

— Здесь нет ничего особенного. Это воззвание к Баст, Правительнице Бубастиса, с просьбой дать богатые хлеба и молоко Полям Элизии. Внутри, может быть, написано ещё что-нибудь, и, если вы пожелаете её развернуть, я сделаю, что смогу. Не думаю, однако, что здесь может быть что-то особенное. По тому, как завёрнута мумия я могу сделать вывод, что она происходит из Дельты и относится к позднему периоду, когда подобное мумифицирование было дешёвым и широко распространённым. Где же другая надпись?

— Надпись на мумии кошки в комнате мистера Трелони.

Лицо мистера Корбека вытянулось.

— Нет! — сказал он. — Я не могу этого сделать! Ввиду всех происходящих событий я просто обязан соблюдать тайну в отношении вещей, находящихся в комнате мистера Трелони.

Мы с доктором Винчестером заговорили одновременно Я произнёс только слова: «Шах и мат!», из чего, я думаю, он мог вывести, что мне известно о его идеях и намерениях больше, чем я давал ему понять. Он, в свою очередь, пробормотал:

— Обязан соблюдать тайну?

Мистер Корбек ответил на вызов:

— Не поймите меня не правильно! Я не связан какими-то определёнными рамками, но я обязан уважать и ценить доверие мистера Трелони: которое он мне оказывает в значительной степени. У него есть определённые цели по отношению ко многим предметам в этой комнате, и мне, его доверенному лицу и другу, не подобает говорить об этих целях. Мистер Трелони, как вы знаете, учёный, великий учёный. Он работает многие годы, стремясь достигнуть определённой цели. Ради этого он не жалеет ни труда, ни средств, пренебрегает опасностями, не думает о себе. Он на пути к открытию, которое поставит его среди самых великих исследователей и первооткрывателей нашего времени. А теперь, именно в тот момент, когда каждый час может принести ему успех, он недвижно лежит!

Он остановился, переполненный эмоциями. Через некоторое время он успокоился и продолжил:

— Опять же, не поймите меня неправильно и ещё в одном вопросе, Я сказал, что мистер Трелони доверял мне во многом; но я это говорил не для того, чтобы вы пришли к мысли, что я осведомлён обо всех его планах или целях. Я знаю период, который он изучал, и

определённое историческое лицо, жизнь которого он исследовал, и чьи записи он расшифровывал одну за другой с бесконечным терпением. Но, кроме этого, я не знаю ничего. Я уверен в том, что у него есть какая-то цель, к которой он придёт по завершении этой работы. В чем она состоит, я могу только догадываться, но сказать вам ничего не могу. Помните, пожалуйста, джентльмены, что я добровольно согласился не претендовать на полное доверие. И этот договор я соблюдаю, поэтому должен просить всех своих друзей делать так же.

Он говорил с большим достоинством, и с каждой минутой у нас с доктором Винчестером росло уважение к нему. Мы поняли, что он ещё не все сказал, поэтому ждали в тишине, пока он не продолжил:

— Я сказал достаточно много, хотя хорошо знаю, что даже такой лёгкий намёк, который вы можете найти в моих словах, мог бы провалить всю его работу. Но я уверен, что вы оба хотите ему помочь, ему и его дочери, — добавил он, глядя мне прямо между глаз, — хотите сделать все, что в ваших силах, честно и бескорыстно. Он лежит неподвижно, и это настолько таинственно, что я не могу не думать, что это в какой-то мере результат его собственной работы. Нам всем теперь ясно, что он чего-то не рассчитал. Бог знает! Мне хотелось бы сделать все, что смогу, использовать все мои знания. Я прибыл в Англию, воодушевлённый мыслью, что выполнил поручение, которое он мне доверил. Я раздобыл то, что он называл последними предметами, которые ему надо было разыскать, и я был уверен, что теперь он сможет начать тот эксперимент, на который он мне часто намекал. Это просто ужасно, что именно сейчас с ним стряслась такая беда. Доктор Винчестер, вы врач, и если ваше лицо выражает то, что вы есть на самом деле, то вы умный и смелый врач. Нет ли способа, при помощи которого вы могли бы вывести этого человека из этого неестественного ступора?

После паузы доктор заговорил медленно и осторожно:

— Насколько мне известно, общепринятых средств для этого не существует. Вероятно, могут существовать средства необычные. Но бессмысленно пытаться их найти, если не будет соблюдено одно условие.

— Какое?

— Знание. Я не имею ни малейшего представления о Египте, о его языке, письменности, истории, тайнах, медицине, ядах, оккультных силах — обо всем, что составляет тайну этой таинственной земли. Эта болезнь, или это состояние, или назовите как угодно то, от чего страдает мистер Трелони, каким-то образом связаны с Египтом. Я сразу же это заподозрил, но потом моё подозрение переросло в уверенность, хотя и бездоказательную. То, что вы рассказали, подтверждает моё предположение и заставляет сделать вывод, что доказательство надо найти. Я думаю, вы не вполне осведомлены о том, что происходило в этом доме, начиная с ночи, когда произошло нападение — когда нашли тело мистера Трелони. Теперь я считаю, что нам следует вам довериться. Если мистер Росс не станет возражать, я попрошу его все вам рассказать. Он лучше меня умеет излагать факты. Он умеет говорить кратко и сделает самый краткий пересказ того, что он видел своими глазами и слышал от свидетелей, которых он опросил, не сходя с места, — участников или зрителей того, что произошло. Когда вы узнаете все, то, полагаю, вам придётся решать, каким образом вы сможете лучше помочь мистеру Трелони в осуществлении его целей — продолжая хранить молчание или заговорив.

Кивком я выразил своё одобрение. Мистер Корбек, вскочив по своей импульсивной манере, протянул руку каждому из нас.

— Договорились! — сказал он. — Вы оказываете мне честь, доверяясь мне; и я в свою очередь обещаю, что если сочту, что сам мистер Трелони пожелал бы, чтобы я в его интересах заговорил, то я буду говорить совершенно свободно.

Поэтому я ему рассказал, как можно точнее обо всем, что произошло с тех пор, как я проснулся от стука в дверь на улице Джермин. Единственное, что я оставил при себе, — это мои чувства к мисс Трелони, и следующие из этого незначительные детали, а также мои разговоры с сержантом Доу, которые сами по себе носили частный порядок, и в любом случае должны были оставаться приватными. Мистер Корбек слушал, затаив дыхание. Иногда он вскакивал и возбуждённо шагал по комнате, затем внезапно брал себя в руки и снова садился. Иногда он порывался что-то сказать, но сдерживался. Мне кажется, что этот рассказ помог даже мне самому, так как я яснее стал смотреть на вещи. Происшествия большие и

маленькие, в соответствии с их отношением к этому делу, расположились в определённом порядке. Рассказ стал последовательным, если не считать того, что причина происшедшего нам была неизвестна и казалась ещё более таинственной, чем раньше. Но отдельные факты, сомнения, подозрения, предположения превратились в одно убедительное целое, и в этом было достоинство всего рассказа, собранного из отдельных событий.

Мистер Корбек не стал заниматься выяснением деталей его не смущали условности, он заговорил твёрдо и решительно, как настоящий мужчина:

— Это меняет дело. Сейчас действует некая сила, требующая особого обращения. Если мы будем блуждать в потёмках, то начнём путаться друг у друга под ногами, и, мешая друг другу, потеряем то направление, в котором мог бы двигаться каждый из нас, в поисках рационального зёрна. Мне кажется, первое, что нам необходимо сделать, — это вывести мистера Трелони из неестественного сна. То, что его можно разбудить, очевидно, судя по тому, как выздоровела сиделка, хотя никому неизвестно, какой дополнительный вред ему мог быть причинен за то время, что он жил в этой комнате. Нам, однако, придётся идти на риск. Он все же там жил, и каким бы ни было воздействие, оно сейчас проявляется; и завтра, вероятно, перед нами встанет задача, которая потребует всех наших сил. Вы, доктор, хотите спать; полагаю, что утром у вас, есть дела. Что же касается вас, мистер Росс, то, как я понимаю, что вам сегодня ночью надо дежурить в комнате больного. Я дам вам книгу, которая поможет провести время. Пойду и поищу её в библиотеке. Я знаю, где она находилась, когда я был здесь в прошлый раз, и не думаю, что мистер Трелони её брал. Он уже давным-давно знает все, что в ней написано, что касалось или касается его интересов. Но вам необходимо или, по крайней мере, полезно понять некоторые вещи, о которых я сообщу позже. Вы сможете рассказать доктору Винчестеру обо всем, что могло бы ему помочь. Потому что, как я понимаю, наша работа скоро даст плоды. Каждый из нас будет заниматься отдельной областью, и у каждого из нас на выполнение своей задачи потребуется время и сообразительность. Вам необязательно читать всю книгу. Только то, что вас заинтересует, с точки зрения нашей проблемы, конечно, так как книга вся очень интересна — это описание путешествия по

стране, когда она была совершенно неизвестна. Прочтите предисловие и две-три главы, которые я вам помечу.

Он тепло пожал руку доктору Винчестеру, который встал, чтобы уйти, и направился в библиотеку.

Пока он искал книгу, я сидел в одиночестве и думал. Мир вокруг меня представлялся безгранично большим. Единственный островок, который меня интересовал, казался крошечным светлым пятном среди огромного пространства. Вокруг него были тьма и неведомые опасности, надвигающиеся со всех сторон. А центральная фигура нашего маленького оазиса была милой и красивой. Её можно было любить; ради неё можно было работать, и за неё можно было и умереть...!

Мистер Корбек вернулся с книгой совсем скоро — он нашёл её сразу же, на том же месте, где видел её три года назад. Заложив бумажными обрывками несколько мест, которые я должен был прочитать, он вручил её мне со словами:

— Это то, что чрезвычайно заинтересовало и увлекло мистера Трелони и меня, когда я это прочитал. И я не сомневаюсь; что для вас это будет интересным вступлением к особому исследованию — каким бы ни был его конец. Если, конечно, кто-нибудь из нас здесь вообще увидит этот конец.

Задержавшись у двери, он добавил:

— Я хочу взять обратно свои слова насчёт детектива. Он отличный парень. То, что вы мне рассказали, выставляет его в новом свете, Я сегодня спокойно пойду спать, оставив светильники под его охраной!

Когда он ушёл, я надел респиратор, взял книгу и отправился выполнять свои обязанности в комнату больного!

Глава 10. Долина Мага

Положив книгу на маленький столик, на котором стояла лампа с экраном, я отодвинул экран в сторону. Таким образом я мог читать книгу и, поднимая взгляд, видеть кровать, и сиделку, и дверь. Я не сказал бы, что условия были хорошими, или хотя бы такими, которые могли бы предоставить возможность сосредоточения, необходимого для серьёзного изучения предмета. Однако я приспособился насколько смог. С первого же взгляда на книгу можно было сказать, что она потребует пристального внимания. Книга была написана на датском языке и издана в Амстердаме в 1650 году. Кто-то сделал её буквальной перевод, подписывая английские слова под соответствующими датскими, так что даже перевод читать было трудно из-за грамматических различий между этими двумя языками. Нужно было прыгать по словам вперёд и назад. К тому же было непросто расшифровать странный почерк двухсотлетней давности. Однако через некоторое время я обнаружил, что вполне понимаю фразу на английском языке, но построенную по конструкциям датского языка, и, как только я привык к почерку, моя задача стала значительно легче.

Поначалу меня отвлекала обстановка комнаты, а также тревожила та мысль, что мисс Трелони может неожиданно вернуться и застать меня за чтением. Потому что перед тем, как доктор Винчестер ушёл домой, между собой мы договорились, что не будем посвящать её в детали предстоящего расследования. Мы решили, что женское мышление может испытать шок перед лицом очевидной тайны, и кроме того она являясь дочерью мистера Трелони, может оказаться в трудном положении, если станет способствовать нарушению его приказов, или даже просто будет знать об этом. Но когда я вспомнил, что она должна занять этот пост в два часа ночи, я успокоился. У меня ещё было почти целых три часа. Сиделка Кеннеди, терпеливая и бодрствующая, сидела на стуле у кровати. На площадке лестницы тикали часы, тика ли и все другие часы в доме, жизнь города выражалась гулом снаружи, превращавшимся в рёв, когда восточный ветер доносил сюда мешанину звуков. Но все равно преобладала тиши. Свет на страницах книги и успокаивающее зеленое свечение бахромы

абажура усиливали полутьму в комнате, когда я поднимал глаза. С каждой прочитанной строчкой эта полутьма казалась все глубже, так что мои глаза возвращались к книге, свет казался ослепительным. Я, однако, не прекращал свою работу, и со временем углубился в предмет достаточно для того, чтобы заинтересоваться им.

Книга была написана Николасом Ван Хайн Хоорнским. В предисловии автор сообщал, как он, привлечённый работой Джона Гривза под названием «Пирамидография», сам посетил Египет и настолько заинтересовался его чудесами, что посвятил несколько лет жизни тому, что путешествовал по необычным местам и исследовал руины многих храмов и захоронений. Он познакомился с множеством рассказов о том как строились пирамиды, некоторые из них он записал. Их я читать не стал, и сразу перешёл к помеченным страницам.

Однако как только я начал их читать, во мне стало расти ощущение какого-то тревожного воздействия. Один или два раза я поднимал глаза, чтобы посмотреть, не ушла ли сиделка со своего места, так как у меня было такое ощущение, что кто-то находится рядом со мной. Сиделка Кеннеди была на месте, спокойная и бодрствующая, как всегда, и я снова возвращался к чтению.

Речь шла о том, как исследователь, перейдя за несколько дней горы, расположенные к востоку от Асвана, дошёл до определённого места. Я привожу его слова, только изложив подстрочник на современном английском языке:

«К вечеру мы пришли ко входу в узкую глубокую долину, простиравшуюся на восток и на запад. Мне хотелось пройти её, потому что солнце, почти зашедшее за горизонт, высвечивало широкий проход за сужавшимися скалами. Но феллахи решительно отказались входить в долину в такое время, ссылаясь на то, что ночь может застать нас прежде, чем мы достигнем другого конца долины. Поначалу они никак не объясняли свой страх. До сих пор они шли куда угодно в любое время, без колебаний. Однако, когда я на них нажал, они сообщили, что это место называется „Долиной Мага“, и ночью там никто не может появляться. Я попросил их рассказать о Маге, но они отказались, утверждая, что у

него нет имени, и они ничего не знают. На следующее утро, однако, когда солнце взошло и засияло над долиной, их страхи каким-то образом исчезли. Тогда они мне рассказали, что в древности — „миллионы миллионов лет назад“, по их словам, — здесь был похоронен великий Маг, Король или Королева, они не знали точно. Они не знали его имени, настаивая на том, что имени не было и что каждый, кто произнесёт его, сойдёт на нет в жизни, так что к смерти от него ничего не останется для того, чтобы снова воскреснуть в Другом Мире. Проходя долину, они сбились в кучу и поспешно шли впереди меня. Никто не осмеливался отставать. Они объяснили это тем, что у него Мага длинные руки, и что идти последним опасно. Это меня не очень обрадовало, так как я был обязан занимать почётное последнее место. В самом узком месте долины, с южной стороны, возвышалась огромная скала с отвесной стеной, гладкой и ровной поверхностью. На ней были высечены некоторые кабалистические знаки и фигуры людей и животных, рыб, земноводных и птиц, изображение солнца и звёзд и множество причудливых символов. Некоторые из этих последних представляли собой отдельные конечности или черты лица, например руки и ноги, пальцы, глаза, носы, уши, и губы. Таинственные символы, которые озадачат Ангела-Регистратора в Судный День. Скала была обращена точно на север. В ней было что-то странное, что-то настолько отличное от других скал с высеченными рисунками, что я объявил остановку и целый день рассматривал скалу в подзорную трубу. Мои египтяне были очень напуганы и использовали всевозможные предлоги, чтобы побудить меня продолжать путь. Я оставался на месте, пока день не стал склоняться к вечеру; мне не удалось найти никакого входа в какую бы то ни было гробницу, так как я подозревал, что именно в этом и состояло предназначение скалы. К этому времени люди чуть не взбунтовались, и мне пришлось уйти из долины, так как я не хотел, чтобы моя свита покинула меня. Но про себя я принял решение найти погребение и исследовать его. С этой целью

я пошёл дальше в горы, где встретился с арабским шейхом, который пожелал пойти со мной. Арабов не связывают суеверные страхи египтян; шейх Абу Сома и его последователи хотели принять участие в исследованиях.

Когда я с этими бедуинами вернулся в долину и попытался взобраться по скале, мне это не удалось, так как она была очень гладкой. Камень, и так уже плоский и гладкий от природы, был доведён до совершенства людьми. Было видно, что раньше в скале были ступеньки, так как следы пилы, резца и молотка остались там, где ступеньки были спилены или отбиты.

Поскольку мне не удалось найти вход снизу, то по причине отсутствия лестниц мне пришлось совершить замысловатое путешествие к её вершине. Оттуда меня спустили на верёвках и я исследовал ту часть поверхности скалы, где рассчитывал найти вход. Я обнаружил, что вход там был, закрытый, однако, огромной каменной плитой. Она была врезана в скалу более чем в ста футах от земли в двух третях высоты скалы. Иероглифические и кабалистические символы, выбитые в скале, были расположены так, чтобы скрыть плиту. Вырезы были глубокими, и они шли по скале, через порталы входа и саму плиту которая представляла собой дверь. Она была вставлена с такой поразительной точностью, что никакой инструмент по камню, из тех, что я взял с собой, не входил в зазоры. Я, однако, напрягал все силы, и, совершив множество ударов, пробил путь к захоронению, поскольку им оно и оказалось. Каменная дверь провалилась внутрь, и я прошёл по ней в склеп, заметив по пути длинную железную цепь, свешивавшуюся со скобы и сложенную бухтой рядом с дверью. Гробница оказалась завершённой, она была сделана по проекту самых лучших египетских захоронений, с камерой и шахтой, ведущей в коридор, заканчивающийся помещением для мумии. Там была таблица с картинками, которые, казалось, представляли собой какие-то записи, высеченные чудесным цветом в чудесном камне: значение их теперь было полностью утеряно.

Все стены камеры и проход покрывали странные письмена, выполненные в той же самой жуткой манере, что и на внешней стороне скалы. Огромный каменный гроб, или саркофаг, в глубокой камере был весь покрыт чудесными знаками. Главе арабов и его двоим спутникам, которые отважились отправиться со мной и которым, очевидно, были привычны подобные мрачные исследования, удалось снять крышку с саркофага, не разбив её. Они удивились — подобная добыча, сказали они, вряд ли стоила таких усилий. И действительно, осторожными их нельзя было назвать, ни так небрежно обращались с предметами, что могли повредить даже сам саркофаг, если бы он не был таким крепким и толстым. Саркофаг был сделан великолепно, из редкостного камня, мне неизвестного. Я очень жалел о том, что его нельзя было унести с собой. Но время и условия путешествия по пустыне делали это невозможным — я мог взять только мелкие предметы, которые можно было нести на себе.

В саркофаге было тело, очевидно, женщины, обернутое множеством хлопчатобумажных бинтов, как это обычно бывает у мумий. По некоторым вышивкам на тканях я определил, что умершая, по-видимому, была высокопоставленной особой. Одна рука мумии лежала на груди и не была обернута. У мумий, которых я видел прежде, ноги и руки были запеленуты, а поверх обернутого тела лежали деревянные конечности, оформленные и раскрашенные так, чтобы они походили на руки и ноги.

Но эту руку было странно видеть, так как она была настоящей рукой женщины, похороненной здесь; рука, лежащая поверх погребенных покрывал, была из плоти, хотя в процессе бальзамирования стала похожей на мраморную и приобрела матово-белый оттенок, напоминавший слоновую кость, которая долго лежала на воздухе. Кожа и ногти были целыми и неповрежденными, как будто бы тело просто положили на одну ночь. Я прикоснулся к этой руке и пошевелил ее, и она оказалась немного гибкой, как живая, хотя и одеревеневшая от того, что ею давно не пользовались,

как руки факиров, которых я видел в Индии. Еще одно чудо состояло в том, что на этой руке было не меньше семи пальцев, все тонкие, длинные и очень красивые. По правде говоря, меня передернуло и мурашки побежали по телу оттого, что я коснулся руки, пролежавшей без движения столько тысячелетий и все еще похожую на живую плоть. Под ладонью, как бы под ее защитой, лежал огромный драгоценный камень — рубин необычной величины, потому что рубины обычно бывают мелкими. Этот камень был чудесного цвета, как кровь, освещенная солнцем. Но главное чудо заключалось не в размере или цвете, хотя и они свидетельствовали, как я говорил, о необычности камня, а в том, что источником света, исходящего из него, были семь звезд, каждая о семи лучах, насколько ясных, как будто бы эти звезды на самом деле находились в камне. Когда рука была поднята, вид этого камня поразил меня подобно мгновенному параличу. Я стоял, уставясь на него, как и те, что были со мной, как будто бы это была сказочная голова Медузы Горгоны со змеями в волосах, вид которой превращал в камень всех, кто на нее смотрел. Ощущение было таким сильным, что мне захотелось уйти оттуда. То же самое ощутили и остальные; поэтому, взяв этот редкостный камень и несколько амулетов, необычно и искусно сделанных из драгоценных камней, я поспешил уйти. Мне внезапно пришло в голову, что я нахожусь в безлюдном месте, со странными людьми, которые пришли сюда со мной только потому, что не являлись чрезмерно Щепетильными. Мы были в тайном склепе мертвеца, в сотне футов над землей, где никто меня не найдет, если мне причинят зло, да никто и искать не будет. Но про себя я решил прийти сюда снова, и в менее опасном окружении. Более того, меня охватило стремление искать еще, так как, изучая облачения, я заметил в этой замечательной могиле множество необычных вещей, включая шкатулку странной формы, сделанную из какого-то неведомого камня, в которой, как я думаю, содержались другие драгоценные камни, так как она покоилась внутри большого саркофага. В склепе был также

еще один украшенный ларец, более простой формы, но редких пропорций, сделанный из бурого железняка. Крышка его была только слегка зацементирована чем-то вроде смолы, как бы для того, чтобы внутрь не проникал воздух. Бывшие со мной арабы так настаивали на том, чтобы мы его открыли, — судя по его толщине, они решили, что там могут быть еще драгоценности, — что я согласился. Но их надежды не оправдались. Внутри близко друг к другу помещались четыре вазы, тонко выделанные и покрытые различными украшениями. Одна из них представляла голову человека, другая собаки, третья шакала и четвертая — ястреба. Я и раньше знал, что такие чаши использовались для хранения внутренностей и прочих органов мумифицированного мертвеца, но когда мы их открыли — это было легко, так как они были запечатаны тонким, хотя и ненарушенным, слоем воска — мы нашли в них только масло. Бедуины, разлив большую часть масла, совали туда руки, надеясь, что там могли быть скрыты сокровища. Но их поиски были безрезультатными. Косые взгляды арабов предупредили меня об опасности. Поэтому, чтобы поторопить их, я постарался возбудить у них суеверные страхи, которые, очевидно, действовали и на этих грубых людей. Глава бедуинов поднялся из камеры и дал знак тем, что были наверху, поднимать нас, и я, не желая оставаться с людьми, которым не доверял, последовал за ним немедленно. Остальные подошли не сразу, боюсь, что они снова по собственной воле перевернули весь склеп. Однако я не стал об этом говорить, чтобы не сделать себе не хуже. Наконец они пришли. Один из них, тот, который поднимался первым, оступился, когда достиг верха, и упал вниз. Он погиб мгновенно. Следующий добрался благополучно. Дальше шел шейх, за ним моя очередь. Перед уходом я, как смог, втащил на место каменную плиту, закрывавшую вход в могилу. Мне хотелось сохранить ее по возможности для себя, если суждено сюда вернуться.

Когда мы стояли на холме над скалой, так приятно было видеть горячее, яркое и славное солнце после тьмы и

странной тайны могилы. Я радовался даже тому, что араб, упавший со скалы и лежавший внизу мёртвым, лежал на солнечном свете, а не в той мрачной пещере, откуда мы вышли. Я собирался уже со своими спутниками идти искать его, чтобы как-то похоронить, но шейх позаботился об этом, послав двух человек, в то время как мы продолжали свой путь.

Когда мы расположились на ночлег, вернулся только один из них и сказал, что лев убил его спутника после того, как они похоронили мертвеца глубоко в песке вне долины и навалили сверху много больших камней, чтобы шакалы и другие плотоядные животные не смогли его раскопать.

Позже я заметил, как в свете костра, вокруг которого сидели или лежали люди, он показывает своим приятелям что-то белое, что они рассматривали с почтением и благоговением. Тихо подобравшись к нему, я увидел, что это было не что иное, как белая рука мумии, которая защищала Камень в большом саркофаге. Я слышал, как бедуин рассказывает, что нашёл её на теле того, который упал со скалы. Ошибки здесь не могло быть, так как на ней было семь пальцев, которые я заметил тогда. Этот человек, должно быть, оторвал её, когда мы с шейхом были заняты другим делом, и, судя по благоговению остальных, я не сомневался, что он надеялся использовать её в качестве амулета или талисмана. Но если этот талисман и обладал какими-то силами, они были предназначены не для него, кто похитил его у мёртвой, так как после кражи последовала смерть похитителя. Этот амулет уже обладал чем-то мученическим, потому что запястье мёртвой руки было запятнано красным, как будто бы его опустили в свежую кровь.

В ту ночь я опасался, как бы мне не причинили зла, ибо если рука умершей воспринималась как талисман, то какой же ценностью с этой точки зрения обладал редкостный Камень, который она охраняла! И хотя только шейх знал о нем, мои сомнения из-за этого были, вероятно, ещё больше, потому что в любой момент я мог в его власти. Поэтому я

старался бодрствовать, решив при первой же возможности уйти от этих людей и добраться до дома, отправившись сначала к берегам Нила, затем на лодке вниз по течению до Александрии с другими провожатыми, которые не знали, что за необычные вещи я вёз с собой.

В конце концов меня стал охватывать сон, и я почувствовал, что не могу ему сопротивляться. Опасаясь, что бедуин может обыскать меня спящего и найти Звёздный Рубин, — он видел, как я клал его в карман моего платья вместе с другими, я незаметно достал камень и сжал его в кулаке. Он, казалось, светился в отблесках костра и сиянии звёзд — так как луны не было — с равной силой; и я заметил, что с обратной стороны на нем были вырезаны глубокими штрихами некоторые знаки, которые я видел в гробнице. Когда я погружался в сон, Звёздный Рубин с тайными знаками был зажат у меня в руке.

Разбуженный светом солнечного утра, я сел и огляделся. Костёр был потушен, и лагерь безлюден, если не считать фигуры, распростёршейся неподалёку от меня. Приблизившись, я узнал шейха, который лежал на спине. Лицо его было почти чёрным, а открытые глаза с ужасом смотрели в небо, как будто бы он увидел что-то страшное. Он, очевидно, был задушен, так как на его горле я обнаружил красные следы от пальцев. Все они были рядом, кроме отметки от большого пальца, как будто бы все они были сделаны одной рукой. Их было семь. Я пришёл в трепет, когда вспомнил о руке мумии с семью пальцами.

В огромной пустыне, под открытым небом существование колдовства не вызывало сомнений!

К моему удивлению, когда я наклонился над убитым, кулак моей правой руки, который до этого сжимался с ощущением, инстинктивным даже во сне, — удерживать то, что в нем было, — раскрылся. Рубин выпал и ударил мертвеца по рту. Из рта мертвеца сразу же хлынула волна крови, в который красный камень на мгновение затерялся. Я перевернул умершего, чтобы найти рубин, и обнаружил, что его правая рука была согнута под ним, как будто бы он на

неё упал; в ней он сжимал огромный острый нож, — арабы носят такие на поясе. Может быть, он собирался меня убить, и в этот момент его настигло возмездие от человека или от Бога, или от Богов Древности, я не знаю. Когда я нашёл свой рубин, который сиял, как живая звезда, я не стал задерживаться и поскорее покинул это место. Я шёл по жаркой пустыне в одиночестве, пока, по благословению Божьему, не наткнулся на расположившееся у колодца, арабское племя, которое меня приютило. Я был с ними, пока они не отправили меня в путь.

Я не знаю, что стало с рукой мумии, а также с теми, у кого она была. Какие трудности, или подозрения, или несчастья, или алчность несла она с собой, я не знаю, но какая-то причина должна быть, так как те, у кого она была, исчезли вместе с ней. Несомненно, какое-либо племя пустыни использует её как талисман силы.

При первой же возможности я исследовал Звёздный Рубин, так как хотел понять, что на нем было вырезано. Символы на нем — их значения, однако, я понять не мог — были следующие...»

Дважды, пока я читал этот захватывающий рассказ, мне показалось, что я увидел полосы тени, идущие по странице, причём странность самого предмета заставила меня принять это за тень от руки. В первый раз я решил, что эта иллюзия возникает из-за бахромы зеленого шелкового абажура на лампе, но во второй раз я поднял глаза и мой взгляд остановился на руке мумии, лежащей в другом конце комнаты; свет звёзд, пробивавшийся из-под края занавески, падал на неё. Неудивительно, что я связал её с таким рассказом: к мои глаза говорили мне, что здесь, в этой комнате, рядом со мной действительно находится рука, о которой писал путешественник Ван Хайн. Я перевёл взгляд на кровать; мне приятно было думать, что сиделка все ещё спокойно сидит здесь и бодрствует. В такое время, в таком окружении и читая подобные истории хорошо иметь поддержку в виде присутствия другого живого существа.

Я сидел, глядя на книгу перед собой, и столько странных мыслей овладело мной, что голова закружилась. Свет, падающий на белые

пальцы, стал оказывать на меня гипнотическое воздействие. Все мысли, резко остановились, мир и время на мгновение стали неподвижными.

На книге лежала настоящая рука! Что в ней было такого, что могло так на меня воздействовать? Я узнал руку, которую увидел на книге, — я любил её. Мне было радостно видеть руку Маргарет Трелони — и касаться её; и тем не менее в тот момент, после всех других чудесных вещей, она меня как-то странно тронула. Но это длилось только мгновение, и прошло ещё до того, как её голос достиг меня.

— Что вас так тревожит? Зачем вы уставились на книгу? Мне показалось, что на вас опять что-то нашло!

Я подскочил.

— Я читал, — сказал я, — старую книгу из библиотеки. — Сказав это, я закрыл её и сунул её подмышку. — Пойду отнесу её на место, так как понимаю, что ваш отец желает, чтобы все лежало на своих местах, особенно книги. — Я специально уводил её в сторону, так как не хотел, чтобы она знала, что я читаю и подумал, что лучше не возбуждать её любопытство, оставив книгу на столе. Я ушёл, но не в библиотеку: я оставил книгу у себя в комнате, чтобы иметь её под рукой днём, когда высплусь. Когда я вернулся, сиделка Кеннеди собиралась идти спать, так что мы стали дежурить с мисс Трелони. Мне не нужны были никакие книги, когда она была со мной. Мы сидели рядышком и шёпотом болтали, а время летело. С удивлением я заметил, что края занавесок вместо серого осветились жёлтым светом. То, о чем мы беседовали, не имело никакого отношения к больному, если не считать того, что все, что касается его дочери, должно иметь к нему полноценное отношение. Но мы не говорили ни о Египте, ни о мумиях, ни о мертвецах, или пещерах, или плаварях бедуинов. В светлеющей комнате я вполне мог заметить, что на руке Маргарет было не семь пальцев, а пять, — её рука лежала в моей руке.

Утром появился доктор Винчестер, который, осмотрев пациента, пришёл ко мне, когда я сидел в столовой, едва прикоснувшись к пище — завтраку или ужину, не знаю, как это назвать — перед тем, как лечь спать. В это же время пришёл мистер Корбек, так что мы возобновили нашу беседу с того момента, на котором остановились вчера вечером. Я сообщил мистеру Корбеку о том, что прочитал главу

о том, как нашли склеп, и что доктору Винчестеру, по моему мнению, тоже следовало бы её прочитать. Доктор сказал, что, если можно, он взял бы эту книгу с собой, утром ему надо было ехать в Иисуич, так что он мог бы почитать её в поезде. Он сказал, что вернёт её, когда приедет снова вечером. Я пошёл в свою комнату, чтобы принести книгу, но нигде не мог её найти. Я точно помнил, что оставил её на столике у кровати, когда поднялся наверх после прихода мисс Трелони в комнату больного. Это было очень странно, так как книга — это не такая вещь, которую могли бы взять слуги. Мне пришлось вернуться и объяснить, что я не смог найти её.

Когда доктор Винчестер ушёл, мистер Корбек, который, казалось, знал работу этого голландца наизусть, обсудил со мной ряд проблем. Я сказал ему, что мне пришлось прерваться, когда менялись сиделки, и что я дошёл до описания того, какие знаки были вырезаны на рубине. Он улыбнулся и сказал-

— Насчёт этого вам не следует огорчаться. Ни во времена Ван Хайна, ни на два столетия позже никому не было известно, что означает эта надпись. Истинное значение иероглифов было найдено только после работ Янга и Шампольона; Берга, Лепсиуса, Розелини и Сальволини; Мариетты Бей, Уоллиса Бэджа и Флиндерса Петри, а также других учёных.

Позже я объясню вам, что это значит в данном случае, если мистер Трелони сам вам не объяснит, или если он мне этого не запретит. Я думаю, вам лучше было бы узнать, что последовало за рассказом Ван Хайна, потому что после описания камня и отчёта о том, как он привёз его в Голландию и путешествие завершилось, история не кончается. Кончается настолько, насколько это касается книги. Но главное в этой книге то, что она заставила думать других — думать и действовать. Среди них были мистер Трелони и я. Мистер Трелони хорошо разбирается в восточных языках, но он не знает северных. Что же касается меня, то у меня способности к языкам; во время учёбы в Лейдене, я изучил голландский настолько, что мог легко пользоваться библиотекой. В то самое время, когда мистер Трелони, собирая свою коллекцию работ по Египту, заказал по книготорговому каталогу эту книгу с рукописным переводом, и изучал её, я читал такую же книгу в Лейдене, на языке оригинала. Нас обоих поразило описание одинокого склепа, пробитого так высоко в

скале, что любопытствующие не могли до него, добраться, так как все ступени, ведущие к нему, были тщательно уничтожены, а поверхность самой скалы выровнена и украшена, как описывал Ван Хайн. Так как за годы, прошедшие со времён Ван Хайна, знания о Египетских редкостях и письменах значительно расширились, нас обоих поразило, что в отношении этой могилы, которая, должно быть, стоила невероятных денег, сооружённой в таком необычном месте, — не оказалось никаких записей или изображений, указывающих на то, кто в ней лежит. Более того, само название этого места, «Долина Мага» привлекло нас в наш прозаический век. Когда мистер Трелони искал в помощь себе других египтологов, мы познакомились и решили найти эту таинственную долину. Во время подготовки к путешествию, так как для него требовалось многое и этим мистер Трелони занимался сам, я поехал в Голландию, чтобы попытаться найти хоть какие-то следы, подтверждавшие рассказ Ван Хайна. Я поехал прямо в Хоорн и терпеливо стал разыскивать дом путешественника или его наследников, если таковые были. Нет нужды утруждать вас деталями моих поисков и находок. Хоорн не очень изменился со времён Ван Хайна, если не считать того, что потерял своё значение как торговый город. Пригороды остались такими же, какими были тогда; в таком сонном месте одно-два столетия ничего не значат. Я нашёл дом, и обнаружил, что никого из наследников в живых не осталось. Я просматривал записи, но все они сводились к одному — смерть и уничтожение. Затем я стал узнавать, что стало с его сокровищами; так как было очевидно, что какой путешественник должен был обладать величайшими ценностями. Я проследил многие из них до музеев Лейдена, Утрехта и Амстердама, и некоторые до частных коллекций. Наконец, в магазине старого часовщика и ювелира в Хоорне я обнаружил то, что он считал своим главным сокровищем: огромный рубин, вырезанный в виде скарабея, с семью звёздами, с выгравированными на нем иероглифами. Старик не знал иероглифической письменности, а открытия филологии за последние годы не дошли ещё до его сонного, старомодного мирка. Он ничего не знал о Ван Хайне, кроме того, что такой человек существовал, и что его в течение двух столетий почитали в городе как великого путешественника. Он ценил этот камень только с точки зрения его редкости и считал, что гравировка его портит, и хотя поначалу он не

хотел расставаться с таким уникальным камнем, его удалось убедить только силой денег. Мой кошелек был полон, поскольку я делал покупки для мистера Трелони, который, как вы, я полагаю, знаете, необычайно богат. Вскоре я уже был на пути в Лондон, со Звёздным Рубином и с безграничной радостью и воодушевлением. Потому что у нас было доказательство чудесного рассказа Ван Хайна.

Камень был уложен в безопасное место в большом сейфе мистера Трелони, а мы с большими надеждами отправились в путешествие.

Мистеру Трелони не хотелось оставлять свою молодую жену, которую он нежно любил, но она, любившая его не меньше, понимала, как сильно он стремится продолжить свои поиски. Поэтому, скрывая про себя, — как делают все хорошие женщины, — свои тревоги, которые в её случае были особого рода, она призвала его следовать своему влечению.

Глава 11. Гробница дочери фараона

Надежды мистера Трелони были ничуть не меньше моих. Он не такой непостоянный, как я, подверженный взлётам и падениям надежды и отчаяния; ему присуща целеустремлённость, которая преобразует надежду в веру. Иногда я боялся, что таких камней может быть два, или что приключения Ван Хайна могли быть выдумкой путешественника, основанной на редкости, приобретённой в Александрии или Каире, Лондоне или Амстердаме. Но мистер Трелони никогда не колебался в своей вере. Нам встречалось много такого, что отвлекало наши мысли от веры и неверия. Это было вскоре после Аравийского Паши, а Египет — место небезопасное для путешественников, особенно если они англичане. Но мистер Трелони — бесстрашный человек, а временами мне казалось, что и я не трус. Мы вместе собрали группу арабов, которых один или другой из нас знал в прежние времена, во время предыдущих поездок в пустыню, и которым мы могли доверять; точнее, мы им не настолько не доверяли, как Другим. Нас было достаточно много, чтобы защититься от случайных мародёрствующих банд, и мы взяли с собой достаточно боеприпасов. Заручились согласием и пассивным содействием властей, все ещё дружелюбно настроенных к Британии, и вряд ли мне стоит добавлять, что основную роль сыграло благосостояние мистера Трелони. Добравшись до Асвана и наняв у местного шейха несколько арабов, дали необходимый «бакшиш» и отправились в пустыню.

После долгих блужданий и осмотра ответвления в бесконечной череде холмов, к вечеру мы наконец подошли именно к такой долине, какую описывал Ван Хайн. Долина с высокими, крутыми скалами, сужавшаяся к середине и расширявшаяся к востоку и западу. Днём мы уже стояли перед скалой, на которой высоко над землёй было заметно отверстие и иероглифические фигуры, которые явно предназначались для того, чтобы замаскировать его.

Но знаки, которые озадачивали Ван Хайна и людей его времени, не были загадкой для нас. Целая плеяда учёных, посвятивших работе всю свою жизнь, прорвалась в таинственную темницу египетского языка. На отёсанной поверхности скалы мы, изучившие эти тайны,

смогли прочесть то, что фивейские жрецы написали там почти пять тысячелетий назад.

В том, что внешние надписи были созданы жрецами, причём враждебно настроенными, сомнений не было. Текст на скале, написанный иероглифами, гласил:

«Сюда Боги приходят не по всякому призыву.
„Безымянная“ оскорбила Их и навеки будет в одиночестве.
Не приближайся, иначе тебя испепелит их месть!».

Это предупреждение, должно быть, обладало невообразимой силой в те времена, когда оно было написано, и тысячи лет после этого, даже когда язык, на котором оно было написано, превратился в мёртвую тайну для людей этой земли. Традиция подобного ужаса длится дольше, чем сама причина. Даже использованные символы добавляли значения тому, что было сказано. «Навеки» в иероглифике выражается как «миллионы лет». Этот символ был повторён девять раз, в трех группах по три, и после каждой группы шли символы Верхнего Мира, Нижнего Мира и Неба. Так что для этой Одинокой не могло быть воскресения в Мире Солнечного Света, ни в мире Мёртвых ни — для души — в области Богов.

Ни мистер Трелони, ни я не осмелились рассказать нашим людям, что это значило. Потому что хотя они и не верили ни в Богов, чьей карой грозила эта надпись, но все же они были настолько суеверными, что, вероятно, бросили бы и убежали, если бы знали, о чем здесь речь.

Однако нас хранило как их невежество, так и наша сдержанность. Мы расположились лагерем неподалёку, но все же за выступом скалы, немного дальше по долине, чтобы эта надпись не была у них постоянно перед глазами. Потому что даже традиционное название этого места — «Долина Мага» — пугало их, а через них и нас. При помощи привезённых с собой досок мы соорудили лестницу, шедшую по поверхности скалы. На балке, укрепленной на выступе скалы наверху, мы устроили блок и в результате мы нашли большую каменную плиту, представляющую собой дверь — она была неуклюже поставлена на место и укреплена несколькими камнями. Плита крепко удерживалась собственным весом. Чтобы войти, нам пришлось

втолкнуть её внутрь и пройти по ней. Мы нашли большую цепь, которую описывал Ван Хайн, укреплённую в скале. Было, однако, множество свидетельств того, если судить по повреждениям на огромной каменной двери, которая вращалась на железных петлях вверх и вниз, что поначалу здесь делались значительные приготовления к тому, чтобы эту дверь можно было закрывать и запирать изнутри.

Мы с мистером Трелони прошли в склеп вдвоём. У нас было множество фонарей; мы укрепляли их по мере того, как продвигались вперёд. Сначала нам хотелось сделать общий осмотр, а затем исследовать все детально. Увиденное привело нас в восторг и этот склеп вызывал восхищение. Он казался самым красивым, великолепным по сравнению со всем тем, что мы видели до этого. Искусно сделанные скульптуры и рисунки свидетельствовали, что могилу готовили при жизни той, для кого она предназначалась. Начертания иероглифических картинок были прекрасны, их раскраска великолепной, и в этой высоко расположенной пещере, возвышавшейся над сыростью разливов Нила, все было таким свежим, как и тогда, когда художники только что отложили свои палитры. Нам бросилась в глаза одна вещь. Хотя надписи на внешней скале были работой жрецов, выравнивание её поверхности, по-видимому, входило в первоначальный проект строителя усыпальницы. Символика картин и резьбы внутри говорила о том же. В первой пещере, частично естественной и частично вырубленной, располагался портик с массивными, семигранными колоннами, чего мы не встречали в других усыпальницах. На архитраве была вырублена скульптурная группа — Лодка Луны, в которой находилась Хатхор, с головой коровы, с диском и плюмажем, и собакоголовый Хапи, Бог Севера. Харпокрот правил лодку к северу, представленному Полярной звездой в окружении Большой Медведицы, в которой те звезды, которые мы называем «ковшом» были сделаны больше, чем все другие, и заполнены золотом, так что в свете фонарей сверкали особенно ярко. Пройдя через портик, мы нашли два помещения, характерные для архитектуры египетских захоронений, — Верхнюю Камеру и Нижнюю Камеру, они были полностью завершены и украшены, как это заметил и Ван Хайн, хотя в его времена названия, которыми обозначили эти отделы древние египтяне, не были известными.

Стела, находившаяся внизу на западной стене, была настолько примечательной, что мы её детально исследовали даже до того, как идти искать мумию, являвшуюся целью наших поисков. Эта стела представляла собой большую плиту из лазуриту, всю испещрённую мелкими и очень красивыми иероглифическими фигурами. После гравировки они заполнялись каким-то необычайно тонким цементом чистого алого цвета.

Надпись начиналась так:

«Тера, Правительница Египта, дочь Антефа, Монарха Севера и Юга», «Дочь Солнца», «Царица Диадем».

Дальше полностью излагалась история её жизни и правления. Знаки царственного происхождения изображались с истинно женским количеством украшений. Соединённые Короны Верхнего и Нижнего Египта были вырезаны с особенно изысканной точностью. Для нас обоих было новостью, когда мы обнаружили, что Хеджет и Дешер — Белая и Красная короны Верхнего и Нижнего Египта — расположены на стеле правительницы; как правило в Древнем Египте любую из этих корон мог носить только фараон, хотя иногда их можно обнаружить и на богине. Позднее мы нашли этому объяснение, о котором я расскажу подробнее.

Такая надпись сама по себе была настолько поразительна, что привлекла бы внимание всех без исключения, где бы то ни было, во все времена, но вы даже представить себе не можете, какое воздействие она оказала на нас. Хотя мы были не первыми кто её видел, но мы были первыми из тех, кто мог смотреть и понимать, первыми с тех пор, как эта плита была установлена в этой пещере почти пять тысяч лет назад. Послание мёртвой было предназначено прочесть именно нам. Это было послание той, которая воевала против Богов Древности и заявила, что может подчинять их себе, в то время как только жрецы считали себя единственным и, кто был способен вызывать у Богов страх или завоёвывать их благосклонность.

Стены Верхней Камеры колодца и Камеры с саркофагом были густо покрыты надписями, окрашенными синегато-зелёным пигментом, кроме надписей на стеле. Если смотреть на них сбоку, то

глазу видны только зеленые грани цвета старой выцветшей индийской бирюзы.

Мы спустились в колодец с помощью принесённых с собой приспособлений. Трелони пошёл первым. Колодец был глубоким, более семидесяти футов, но его никогда не засыпали. Внизу проход шёл под уклон к Камере саркофага, он был длиннее, чем обычно, и не был замурован.

Внутри мы нашли огромный саркофаг из жёлтого камня. Но мне нет необходимости его описывать, вы видели его в комнате мистера Трелони. Его крышка лежала на земле, она не была зацементирована. Как это и описывал Ван Хайн. Нет нужды говорить, с каким возбуждением мы заглянули внутрь. Однако мы не испытали ничего, кроме разочарования. Я не мог не думать о том, что глазам голландского путешественника предстала другая картина, когда он увидел эту белую руку, лежавшую, как живая, на облачениях мумии. Правда, часть руки была на месте, белая, как слоновая кость.

Но мы испытали трепет, которого не испытывал Ван Хайн! Запястье было покрыто сухой кровью! Как будто бы тело кровоточило после смерти! Кровь капала и вниз и покрыла коричневые облачения как бы пятнами ржавчины. Так что рассказ подтверждался полностью. С подобным подтверждением правдивости рассказчика мы не могли подвергать сомнению и другие вещи, о которых он рассказывал, как, например, кровь на запястье кисти мумии, или отметки от семи пальцев на горле задушенного шейха.

Я не буду утруждать вас деталями всего, что мы увидели и постепенно узнали, прочитав письма на стеле, расшифровав иероглифические картинки на стенах.

Правительница Тера происходила из Одиннадцатой, или Фивейской, Династии фараонов, правившей между 2900 и 2500 годами до нашей эры. Она стала царицей, будучи единственным ребёнком своего отца, Антефа. Тера несомненно обладала необычайным характером и способностями. Когда умер её отец, она была ещё молодой девушкой, и её молодость подтолкнула на решительные действия амбициозных жрецов, которые благодаря своему богатству, и знаниям, достигли тогда огромной власти над всем Египтом. К тому времени они уже тайно подготовились к смелому и давно желанному шагу — отобрать власть у фараона и

передать её жрецам. Но Антеф, предвидя такие шаги, обеспечил своей дочери поддержку армии. Он также учил её управлять государством и даже посвятил в тайны самих жрецов. Он использовал сторонников одного культа против другого; каждый надеялся на выигрыш для себя путём влияния на фараона или на какие-либо блага в будущем путём влияния на его дочь. Таким образом Принцесса росла среди писцов, да и сама была неплохим художником. Все это было изложено на стенах красивым иероглифическим письмом или в виде картинок, и мы пришли к выводу, что многие из них были выполнены самой Принцессой. На стеле она не без причины была названа «Покровительницей Искусств».

Но фараон пошёл дальше — он научил свою дочь магии, с помощью которой она получила власть над Сном и Волей. Это была настоящая магия — «чёрная магия», в отличие от храмовой магии, которая была безобидной магией «белого» порядка и предназначалась скорее для того, чтобы произвести впечатление, а не достичь чего-либо. Принцесса была прилежной ученицей и пошла дальше своих учителей. Её силы дали ей большие возможности, которыми она пользовалась в полной мере. Необычными способами она познавала тайны природы, однажды даже легла в могилу — её забинтовали, положили в саркофаг и оставили так на целый месяц. Жрецы пытались утверждать, что настоящая Принцесса Тера умерла во время эксперимента, и что её заменили другой девушкой, но принцесса убедительно доказала, что они ошиблись. Обо всем этом рассказано в прекрасных картинах. Вероятно, именно в её время возродилось художественное величие Четвёртой Династии, которое достигло своего расцвета во времена Чуфу.

В камере саркофага были картинки и письма, рассказывающие о том, как Принцесса достигла победы над Сном. Все там было выражено в символах, чудесных даже в стране символов и во времена символов. Подчёркивался тот факт, что она хотя и была женщиной, притязала на все привилегии царственности и мужественности. В одном месте она была изображена в мужской одежде, в Белой и Красной коронах. На следующей картинке на ней было женское платье, но Короны Верхнего и Нижнего Египта все ещё были на ней, в то время как снятые мужские одежды лежали у её ног. В каждой картинке, где выражались надежда, или цель, или воскресение,

присутствовал символ Севера; и во многих случаях — всегда при изображении важных событий, прошлых, настоящих или будущих — присутствовала группа звёзд Ковша. Очевидно, Царица Тера считала, что это созвездие каким-то образом связано с ней.

Вероятно, самым примечательным утверждением, повторявшимся как на стеле, так и в настенных надписях, было то, что Принцесса обладала силой подчинять себя Богов. Кстати, это не единственный случай в истории Египта, но здесь все было по-другому. На рубине, обработанном в виде скарабея, имеющем семь семилучевых звёзд, она вырезала заговоры, подчинявшие ей всех Богов, как Верхнего, так и Нижнего Миров.

В этих письменах ясно говорилось о том что властительница знала о ненависти жрецов к ней и о том, что после её смерти они постараются уничтожить её имя. В соответствии с египетской мифологией это была ужасная месть, уверяю вас, потому что без имени никто после смерти не может быть представлен Богам, и за него невозможно молиться. Поэтому она намеревалась воскреснуть через более длительное время и в более северной стране, под созвездием, которое управляло её рождением. Поэтому её рука должна была быть на воздухе — «незавернутой» — и в ней Камень Семи Звёзд, чтобы она могла передвигаться везде, где был воздух, как её мог передвигать её Ка! Мы с мистером Трелони пришли к выводу, что это означало, что её тело по желанию могло превращаться в астральное и, таким образом, частица за частицей, передвигаться, и вновь становиться целым когда нужно и где нужно. Был ещё текст со ссылкой на шкатулку, содержащую всех Богов, и Волю, и Сон, причём последние обозначались символами. Было упомянуто, что у этой коробки семь сторон. Поэтому мы не слишком удивились, когда в ногах мумии нашли семигранную шкатулку, которую вы видели в комнате мистера Трелони. На нижней стороне повязки левой ноги, тем же алым цветом, что и на стеле, был изображён иероглифический знак большого количества воды, под правой ногой знак земли. Мы решили, что эти символы говорят о том, что её тело, бессмертное и способное переноситься по собственному желанию, управляет как землёй, так и водой, воздухом и огнём — последний выражался светом Драгоценного Камня и ещё кремнём и кресалом, изображёнными рядом.

Подняв шкатулку из саркофага, мы заметили странные выступы с боков, которые вы уже видели, но в то время мы не знали, что они означают. В саркофаге было ещё несколько амулетов, но малоценных и малозначимых. Мы подумали, что если там будут более ценные амулеты, то они окажутся в покрывалах или, скорее всего, в шкатулке у ног мумии. Однако мы не смогли её открыть. Были следы того, что шкатулка могла открываться, но верхняя и нижняя части представляли одно целое. Тонкая линия все же была заметна немного ниже верха, но она была подогнана так точно, что соединение было едва различимо. Крышку невозможно было снять. Мы пришли к выводу, что она каким-то образом укреплена изнутри. Я рассказываю вам все это для того, чтобы вы понимали то, с чем вам, может быть, придётся столкнуться позже. Вам следует полностью отбросить здравый смысл. С этой мумией и со всем, что с ней связано, происходили такие странные вещи, что здесь необходима какая-то новая система взглядов. Некоторые явления совершенно невозможно совместить с обыденной жизнью и нашими знаниями.

Мы пребывали в Долине Мага, пока не сделали грубые наброски всех рисунков и надписей на стенах, потолке и полу. Мы взяли с собой стелу из лазурита с выгравированными и окрашенными алым пигментом письменами. Затем взяли саркофаг и мумию, каменный ларец с алебастровыми чашами, столики из гелиотропа, гипса и оникса, и подушку из слоновой кости, дуга которой была установлена на «пряжках». Мы забрали все, что было в Камерах и колодце; деревянные лодки с командой, фигурки и амулеты-символы.

Уходя, мы сняли лестницы и закопали их в песок под скалой на некотором расстоянии, пометив это место, чтобы найти их при необходимости. Затем со своим тяжёлым багажом отправились в трудный путь обратно к берегам Нила. Это было непросто, скажу я вам, тащить по пустыне ящик с огромным саркофагом. У нас была груба сделанная тележка и достаточно людей, чтобы её тащить, но продвижение вперёд казалось невыносимо медлительным, так как необходимо было поскорее доставить сокровища в безопасное место. Ночи были тревожными: мы боялись нападения мародёров. Но ещё больше боялись тех, которые шли вместе с нами. Это были, в конце концов, хищные, беспринципные люди, а мы везли с собой большие ценности. Они, вернее самые опасные среди них, не знали, почему

эти вещи были драгоценны, они просто принимали как само собой разумеющееся, что мы везём какие-то материальные ценности. Для большей сохранности мы вынули мумию из саркофага и везли её в отдельном ящике. В первую ночь было предпринято две попытки воровства с тележки, а утром двое людей были найдены мёртвыми.

Во вторую ночь началась такая дикая песчаная буря — один из тех ужасных самумов, которые заставляют вас ощутить свою беспомощность. Мы были завалены бегущим песком. Некоторые из наших бедуинов сбежали ещё до бури, надеясь найти укрытие: те из нас, кто остался, завернулись в бурнусы и терпеливо переносили бедствие. Утром, когда буря прошла, мы выкопали из песка все, что смогли. Ящик, в котором была мумия, оказался разбитым, а самой мумии нигде не было. Её искали повсюду, копали песок, навалившийся вокруг, но безрезультатно. Мы не знали, что делать, так как Трелони твёрдо решил привезти эту мумию домой. Прождали весь день в надежде, что сбежавшие бедуины вернуться; мы слепо надеялись, что они зачем-то сняли мумию с тележки, и принесут её обратно. Ночью, перед рассветом, мистер Трелони разбудил меня и прошептал мне в ухо:

— Мы должны вернуться к могиле в Долине Мага. Не выказывайте никаких колебаний утром, когда я буду отдавать приказы! Если вы начнёте спрашивать, куда мы идём, это возбудит подозрение и разрушит наши планы.

— Хорошо! — ответил я. — Но зачем нам туда идти?

Его ответ привёл меня в трепет, как будто бы задев уже настроенные на эту мысль струны.

— Мы найдём мумию там! Я в этом уверен! — Затем, как бы предупреждая сомнения или споры, он добавил. — Подождите, вот увидите! — и снова залез под одеяло.

Арабы удивились, когда мы двинулись обратно; некоторые из них были недовольны, часть бедуинов ушла, так что мы снова пошли на восток уже в меньшем количестве. Поначалу шейх не интересовался местом нашего назначения, но когда стало очевидно, что мы снова идём в Долину Мага, он тоже забеспокоился. По мере того, как мы приближались к долине, его беспокойство росло, пока перед входом в долину он не отказался идти дальше. Он сказал, что будет ждать нашего возвращения, если мы собираемся идти дальше в одиночку. Он

будет ждать три дня и уйдёт, если мы не вернёмся в срок. Никакие деньги не могли заставить его изменить решение. Единственная уступка, на которую он пошёл, состояла в том, что он пообещал помочь найти лестницы и подтащить их поближе к скале. Так он и сделал, а затем со всей остальной группой вернулся ко входу в долину.

Мы с мистером Трелони взяли верёвки и фонари и снова забрались в гробницу. Было очевидно, что в наше отсутствие здесь кто-то побывал — каменная плита, закрывавшая вход, лежала внутри, а с вершины скалы свисала верёвка. Внутри ещё одна верёвка шла в колодец. Мы переглянулись, но никто не сказал ни слова. Привязали свою собственную верёвку; Трелони пошёл первым, а я сразу же за ним. Когда мы уже стояли внизу, мне пришла в голову мысль, что мы можем оказаться в ловушке, если кто-нибудь спустится со скалы по верёвке и, перерезав ту, по которой мы спустились сюда, похоронит нас живьём. Эта мысль приводила меня в ужас, но слишком поздно было что-то предпринимать, и я ничего не сказал моему спутнику. У нас обоих были фонари, поэтому света было достаточно, когда мы, пройдя коридор, вошли в Камеру, где раньше стоял саркофаг. Прежде всего бросалось в глаза то, как здесь все опустело. Несмотря на чудесные украшения, склеп казался опустевшим без саркофага, для которого он был вырублен в скале, без ларца с гипсовыми вазами, без столиков, на которых располагались принадлежности и еда для мертвеца, и без фигурок рабов.

Он казался ещё более пустым из-за того, что на полу, на том месте, где стоял огромный саркофаг, лежала забинтованная мумия Царицы Теры! Рядом с ней, в необычных, искажённых позах насильственной смерти, лежали трое арабов из тех, что покинули нас. Лица их почернели, руки и шеи были запачканы кровью, брызгавшей из рта, носа и глаз.

У каждого на горле были заметны отпечатки, теперь уже чернеющие, руки с семью пальцами. Мы с Трелони, подойдя поближе, вцепились в друг друга в страхе и благоговении.

Самое удивительное из всего, что на груди мумифицированной Царицы лежала семипалая рука, как слоновая кость, на запястье оставался только шрам в виде неровной красной линии, с которой, казалось, свисали капельки крови.

Глава 12. Волшебная шкатулка

Оправившись от изумления, которое длилось достаточно долгое время, мы не стали терять времени и пронесли мумию по коридору, стали поднимать сквозь колодец. Я шёл первым, чтобы принять её наверху. Заглянув вниз, я увидел, как мистер Трелони подобрал оторванную руку и спрятал на груди, очевидно для того, чтобы она не оказалась повреждённой или не потерялась. Мёртвых арабов мы оставили на том же месте. При помощи верёвки мы опустили на землю свой драгоценный груз, затем пошли к выходу из долины, где нас должны были ждать наши провожатые и увидели, что они уже уходят. Когда мы выразили шейху своё неудовольствие, он ответил, что выполнил своё обещание полностью, как мы и договаривались, — он прождал три дня. Я подумал, что он лжёт, чтобы скрыть своё намерение бросить нас, и когда мы с Трелони позже сравнивали свои записи, то я обнаружил, что он подумал то же самое. Однако, Добравшись до Каира, мы обнаружили, что шейх был прав. Когда мы вошли в Камеру мумии во второй раз, было 3 ноября 1884 года — у нас были причины, чтобы помнить эту дату.

Стало ясно: мы потеряли три дня, — три дня своей жизни, — когда стояли и удивлялись в Камере мертвеца. Нет ничего странного в том, что мы с суеверным ощущением относимся к Царице Тере, что сейчас, когда она покоится в доме рядом с нами, мы ощущаем поразительное присутствие какой-то силы и испытываем опасения. Будет ли удивительно, если она в назначенное время отправится вместе с нами в могилу? Если вообще найдётся могила для нас — для тех, кто сам ограбил могилу! — Мистер Корбек, немного помолчав, продолжал: — Мы успешно добрались до Каира, затем до Александрии, откуда нам нужно было плыть морем до Марсея, из Марсея — в Лондона. Но человек предполагает, а Бог располагает. В Александрии мистера Трелони ждала телеграмма, извещавшая о том, что его жена умерла при рождении дочери.

Поражённый муж поспешил в Лондон; мне же пришлось везти сокровища в одиночку. Я успешно добрался до Лондона, сама судьба, казалось, помогала нам. Когда я пришёл в этот дом, погребальные

обряды давно уже кончились. Ребёнка отдали кормилице, а мистер Трелони оправился от потрясения настолько, чтобы начать собирать снова нити своей жизни и работы. То, что он пережил сильное потрясение, было очевидно. Внезапная седина в его волосах сама по себе была достаточным доказательством, но, кроме того, черты его решительного лица окаменели и ожесточились. С тех пор, как он получил ту телеграмму в паровой конторе Александрии, я ни разу не видел счастливой улыбки на его лице.

В таких случаях работа — лучшее противоядие; и мистер Трелони полностью посвятил себя своему делу. Странная трагедия его потери и приобретения — рождение ребёнка и смерть жены — произошла в то время, когда мы находились в трансе в Камере саркофага. Эта трагедия, казалось, каким-то образом связана с его занятиями египтологией, особенно с тайнами царицы Теры. О своей дочери он говорил очень мало, но было очевидно, что в его сознании боролись две силы. Я видел, что он любил и почти боготворил дочь. Тем не менее он не мог забыть того, что её рождение стоило жизни её матери. Также было ещё что-то такое, из-за чего его сердце сжималось, но он не говорил мне, что это. Однажды, в момент отдыха, он упомянул о причине своего молчания:

— Она не похожа на мать, но чертами лица и цветом кожи необычайно напоминает Царицу Теру, как её изображали на портретах.

Он говорил, что послал её к людям, которые позаботятся о ней, лучше, чем он смог бы это сделать; что пока она ещё не повзрослела, её не следует лишать простых радостей её возраста, и так для неё будет лучше. Я часто говорил с ним о ребёнке, но мистер Трелони не был словоохотлив. Однажды он мне сказал: «Есть причины, по которым я не могу говорить больше, чем необходимо. Когда-нибудь вы это узнаете — и поймёте!»

Я уважал его сдержанность и никогда больше не заговаривал о дочери, если не считать того, что после очередного путешествия спрашивал о ней. Я увидел её впервые в вашем присутствии.

Когда сокровища, которые мы — э-э — взяли из могилы, были привезены сюда, мистер Трелони сам разместил их. Мумия, вся, кроме оторванной руки, была помещена в большой саркофаг из бурого железа. Его изготовил Верхний жрец Уни из Фив; весь он, как вы,

быть может, заметили покрыт чудесными призывами к древним египетским богам. Саркофаг находится в холле. Прочие предметы из захоронения он разместил в своей комнате. Среди них он поместил и руку мумии — по причинам, одному ему известным. Я полагаю, он считает её самым священным предметом из всех своих сокровищ, за одним исключением. Это исключение — рубин, называемый им «Сокровище Семи Звёзд», и он держит его в большом сейфе, запертом и снабжённом хитроумными охранными устройствами

Рассказ мой, очевидно, утомил вас, — но мне необходимо было объяснить все происшедшее вплоть до настоящего момента. Через длительное время после возвращения из Египта мистер Трелони снова заговорил со мной об этом. Он побывал в Египте ещё несколько раз, то со мной, то один и я тоже совершал туда путешествия несколько раз, иногда один или по его поручениям. Но за все это время (почти шестнадцать лет) он никогда не упоминал о Тере, разве что определённая ситуация не вынуждала его к этому.

Однажды утром он спешно послал за мной; в то время я занимался в Британском музее и снимал комнаты на Харт-стрит. Когда я пришёл, то застал его в крайнем волнении. Он сразу же провёл меня к себе в кабинет. Ставни были закрыты и шторы опущены; ни один луч света не проникал в комнату. Верхний свет был включён, но с одной стороны помещения располагалось множество мощных электроламп. Столик из гелиотропа с семигранной шкатулкой был выдвинут на середину комнаты. В свете ламп она выглядела весьма эффективно и, казалось, светилась изнутри.

— Что вы об этом думаете? — спросил мистер Трелони.

— Шкатулка похожа на драгоценный камень, — ответил я. — Её можно назвать «Волшебной шкатулкой мага». Она едва ли не кажется одушевлённым.

— А вы знаете, почему это вам кажется?

— По-видимому, из-за света?

— Это само собой разумеется, — согласился он. — Но в большей степени от расположения света.

Он включил обычный свет и выключил лампы. Эффект был поразительным: шкатулка мгновенно потеряла своё свечение. Она все ещё казалась очень красивой, но стала не более чем камнем.

— Вы запомнили расположение ламп? — спросил он.

— Нет.

— Они располагались в виде Ковша, как звезды в рубине!

Его слова не удивили меня. Не знаю почему, но все относящееся к мумии было столь таинственным, что каждое новое открытие лишь воодушевляло. Трелони продолжал:

— Все шестнадцать лет я непрерывно думаю о том приключении и пытаюсь найти ключ к тайнам, но отгадка пришла ко мне лишь вчера. По-моему, она пришла во сне, потому что я, проснувшись в сильном волнении, выскочил из постели даже не зная, чем собираюсь заняться. Затем передо мной все прояснилось. В надписях на стенах содержались указания на семь звёзд Большой Медведицы и подчёркивалось значение Севера. Те же символы упоминались и в отношении так называемой «Волшебной Шкатулки» Мы уже заметили странные полупрозрачные участки в камне. Если помните, иероглифы говорили, что драгоценный камень происходит из сердцевины метеорита и шкатулка также вырезана из него Я решил, что свет семи звёзд, расположенных в определённом порядке, сможет оказать некое воздействие на шкатулку или её содержимое. Я выплянул в окно: Ковш сиял высоко в небе вместе с Полярной звездой прямо напротив окна. Подвинув столик, чтобы на него падал свет звёзд, я менял положение шкатулки, пока полупрозрачные участки не оказались направленными на звезды. Шкатулка тут же засветилась, хотя и слабее, чем под лампами. Я долго ожидал, но небо заволокло тучами, и свечение погасло. Поэтому я взял лампы — вы знаете, иногда я применяю их в опытах. Некоторое время ушло на то, чтобы разместить их, но как только я это сделал, Шкатулка возобновила свечение, как вы только что видели. Впрочем, продвинуться дальше мне не удалось. Чего-то недоставало. Мне пришло в голову, что в Колодце мумии должны быть какие-то светильники, поскольку звёзд там быть не могло. Тут все и прояснилось. Я поставил Волшебную Шкатулку на столик из гелиотропа с вырезанным как раз под неё углублением и сразу увидел, что странные выступы, тщательно вырезанные в теле камня, соответствуют звёздам в созвездии. Значит, они предназначались для светильников.

«Эврика! — воскликнул я. — Так значит, нам нужны только лампы». Я попытался разместить электрические лампы на выступы. Но камень не светился. Во мне росла уверенность, что для этой цели

должны существовать особые светильники. Найди мы их, и в постижении тайны был бы сделан ещё один шаг.

— Но как же насчёт светильников? — спросил я — Где они? Как нам найти их? И как мы их узнаем, когда найдём? Что если...

Он быстро перебил меня:

— Начнём не спеша, — тихо заметил он. — Ваш первый вопрос содержит в себе все прочие. Где лампы? Я вам отвечу вам: в гробнице!

— В гробнице! — в изумлении повторил я. — Мы обыскали всю её, и никаких светильников там не было. Там ничего не было, даже когда мы уходили в первый раз, да и во второй, не считая мёртвых арабов.

Пока я говорил, он развернул большие листы бумаги, принесённые из своей комнаты, а затем положил их на большой стол и прижал края книгами. Я узнал их сразу: это были точные копии, сделанные нами с надписей в гробнице. Разложив все это, он медленно произнёс:

— Помните, осматривая гробницу, мы удивлялись, что там не было ничего из вещей, которые обычно там бывают?

— Да! Там не было Сердаба.

— Пожалуй, я объясню вам значение Сердаба, — заметил мне мистер Корбек.

— Это нечто наподобие ниши, построенной или выбитой в стене гробницы. Те из них, которые были уже исследованы, не содержали надписей — лишь изображения мёртвых, для которых и предназначалась гробница.

Затем он продолжал свой рассказ:

— Видя, что я понял его мысль, Трелони заговорил с оттенком былого волнения:

— Я пришёл к выводу, что Сердаб должен присутствовать, но потайной. Жаль, что мы не подумали об этом раньше. Следовало догадаться, что создательница этой гробницы — женщина, отличавшаяся чувством красоты и совершенства и позаботившаяся о каждой мелочи, не стала бы пренебрегать этой архитектурной деталью. Даже не придавая ей ритуального смысла, она могла бы сделать её в качестве украшения. Ведь ей нравилось доводить работу до конца. Там наверняка должен быть Сердаб и в нем то, что нам нужно — светильники. Конечно, знай о них мы раньше, мы

предположили бы наличие какого-то тайника. Я собираюсь просить вас снова отправиться в Египет, осмотреть гробницу, найти Сердаб и привезти светильники!

— А если я не найду тайника или же в нем не окажется светильников, что тогда?

Он улыбнулся своей хмурой, редко появляющейся теперь улыбкой и медленно проговорил:

— Тогда вам придётся потрудиться и все-таки найти их!

— Хорошо! — согласился я. Он указал на один из листов.

— Вот копии надписей из Часовни с южной и восточной сторон. Я снова просмотрел их и в семи местах за этим углом нашёл символы созвездия Плуга, которое Царица Тера считала властителем своего рождения и судьбы. При тщательном исследовании, я заметил, что они представляют собой расположение группы звёзд, когда она находится в разных частях небосвода. Все изображения точно астрономически и так же, как на небе «рога» их указывают на Полярную звезду, здесь они указывают на точку в стене, где обычно располагается Сердаб!

— Bravo! — воскликнул я, поскольку подобные выводы заслуживали похвалы. По-видимому, он был доволен и продолжал:

— Когда окажетесь там, исследуйте это место. Вероятно, для открытия тайника служит какая-то пружина или подобный механизм. На месте вам легче будет разобраться.

Неделю спустя я отправился в Египет и нигде не задерживался, пока снова не очутился в гробнице. Я отыскал кое-кого из старых наших помощников, так что поддержка была мне в достаточной степени обеспечена. Страна была уже не той, что шестнадцать лет назад, и в вооружённой охране не было необходимости.

В одиночку я забрался по скале. Это было несложно, поскольку в здешнем прекрасном климате лестницы сумели сохраниться и на них можно было положиться. Я понимал, что за прошедшие годы в гробнице побывали посетители, и сердце моё ёкнуло при мысли о том, что кто-то мог наткнуться на тайник. Было бы весьма горько обнаружить, что меня опередили и что путешествие совершенно понапрасну.

Мои горькие предчувствия подтвердились, когда я зажёл фонари и прошёл между семигранными колоннами в Часовню.

Именно там> где я ожидал его найти, виднелся раскрытый Сердаб. Он был пуст.

Но Часовня пуста не была: прямо под отверстием Сердаба лежало высохшее тело человека в арабском платье. Похоже, он умер от сердечного приступа. Я оглядел стены, чтобы проверить, прав ли был Трелони и — нашёл, что во всех случаях «рога» Ковша указывают на место по левую руку (на южной стороне), где было отверстие Сердаба, помеченное единственной золотой звездой.

Я нажал на неё, и она подалась. Камень, отмечавший вход и лежавший внутри него у стены, слегка качался. На другой стороне отверстия я нашёл похожее место, отмеченное расположениями созвездия, но оно по-прежнему являло фигуру из семи звёзд и каждая была из полированного золота. Я надавил на все звезды поочередно, но безрезультатно. Мне показалось, что если открывающая пружина располагалась слева, то правая должна была срабатывать от одновременного нажатия на все звезды рукой с семью пальцами. Мне удалось проделать это руками.

С громким щелчком неподалёку от отверстия Сердаба выскочила механическая фигурка; камень, медленно повернувшись, встал на место и со щелчком закрылся. Мельком замеченная мною фигура вначале испугала меня. Она очень напоминала того мрачного стража, которого по словам арабского историка Ибн Абдалокин, король Саурид Ибн Саулук поместил в Западную пирамиду для охраны её сокровищ: «Мраморная фигурка, в прямой стойке, с копьём в руке и свернувшейся змеёю на голове. При приближении неизвестного-, змея кусала его, обвившись вокруг шеи и убивая, а затем возвращаясь на место».

Я хорошо знал, что и эта фигурка была сделана не красоты ради, и иметь с ней дело — не шутка. Мёртвый араб у моих ног прекрасно подтверждал это! Снова изучая стену я нашёл отбитые, словно от ударов молотка, меты. Так вот что произошло! Грабитель будучи более ловким, чем мы, заподозрил наличие тайника и постарался его отыскать. Случайно он нажал на пружину и освободил «Хранителя», как назвал его арабский историк. Результат говорил сам за себя. Взяв кусок дерева и держась на безопасном расстоянии, я нажал на звезду.

Камень мгновенно отошёл назад. Скрытая внутри фигура, выскочив, сделала выпад копьём, затем поднялась и исчезла. Я решил,

что теперь спокойно могу надавить на семь звёзд. И снова камень отошёл, мелькнул Хранитель и скрылся в своём тайном логове.

Несколько раз я повторил попытку, но с тем же результатом. Я не отказался бы исследовать механизм фигурки, двигавшейся с такой зловещей быстротой, но это было невозможно без инструментов, которых у меня не было. Быть может, для этого нужно вырубить часть скалы. Я надеюсь когда-нибудь вернуться и попытаться это сделать.

Вероятно, вам неизвестно, что вход в Сердаб обычно весьма узок, иногда в него с трудом можно засунуть руку. Об этом тайнике я узнал две особенности. Первая состояла в том, что в случае если там были светильники, они не могли быть большого размера, и вторая — они должны быть неким образом связаны с Хатхор. Символ её — орёл в квадрате, правый верхний угол которого образует квадрат поменьше, — был вырезан на стене внутри и окрашен в ярко-алый цвет, как и надписи на стеле.

Хатхор — богиня, которой соответствует Венера греков, то есть божество красоты и наслаждения. В египетской мифологии, впрочем у каждого бога много форм, и в некоторых ипостасях Хатхор имеет отношение к воскрешению. Если существует семь форм или ипостасей этой богини, так почему бы им не соответствовать семи светильникам! Я был уверен что они там остались. Первый грабитель нашёл здесь свою смерть, второй обнаружил содержимое Сер даба. Первая попытка была совершена много лет назад, на это указывало состояние тела. Когда случилась вторая попытка, я не знал, быть может, давно но может, и недавно. Если же в гробнице кто-то побывал, то светильников давно не должно было оставаться. Что ж! Тем сложнее будут поиски, но искать все равно надо!

Все это было почти три года назад, и все это время я, словно герой «тысячи и одной ночи» искал старые лампы. Я не смел вдаваться в подробности о том, что именно ищу, не пытался их описывать, поскольку это могло все испортить. Поначалу я сам смутно представлял себе, что разыскиваю, но постепенно, мне становилось все яснее.

Можно написать целый том об испытанных мною разочарованиях и пустой беготне, но я не сдавался. Наконец, не далее двух месяцев назад, старый торговец показал мне в Моссуле один светильник из тех, что были мне нужны. Я гонялся за ними почти

круглый год, часто испытывая разочарование, но каждый раз растущая надежда помогала мне держаться на плаву.

Даже не знаю, как удалось мне скрыть радость, когда я понял, что близок, наконец, к успеху. Я был знаком с правилами восточной торговли, так что этому еврейско-арабско-португальскому торговцу пришлось-таки уступить. Мне хотелось посмотреть весь его товар, и вот одна за другой, среди всяческого барахла, появились семь различных ламп. На каждой из них была отличительная отметка и символика, относящаяся к Хатхор. Наверное, я потряс моего темнокожего приятеля величиной своей покупки: чтобы не дать ему догадаться о том, что мне нужно, я закупил почти всю лавку. Под конец он едва не расплакался, говоря, что я разорил его, поскольку теперь ему почти нечем было торговать. Он выдрал бы у себя волосы, знай он, какую сумму, я дал бы за некоторые из его товаров, ценимые им, быть может, совсем невысоко.

Поспешив домой, я расстался с большей частью моего товара по приличным ценам. Чтобы не возбудить подозрений, я не мог ни дарить, ни даже «потерять» его. Слишком драгоценен был мой груз, так что не следовало подвергать его риску. Я ехал так быстро, как только было возможно, и прибыл в Лондон со светильниками, с некоторыми безделушками из тех, что полегче весом, и папирусами, собранными во время путешествия.

Теперь, мистер Росс, вы знаете все, что знаю я и вам решать, что из этой истории поведать мисс Трелони, да и говорить ли ей вообще...

Едва он смолк, как за нами послышался звонкий юный голос:

— При чем здесь мисс Трелони? Она здесь!

Мы испуганно обернулись и вопросительно глянули друг на друга. В дверях стояла мисс Трелони. Мы не знали, давно ли она здесь стояла и много ли слышала.

Глава 13. Пробуждение из транса

Первые неожиданные слова едва не вынуждают слушателя вздрогнуть, но иногда испуг исчезает, и слушатель приходит в себя, и тут он способен оценить манеру собеседника и содержание его фраз. На этот раз так оно и было. Едва я оправился от испуга, как уже не сомневался в искренности заданного Маргарет вопроса:

— О чем вы разговаривали здесь все это время, мистер Росс? Мне сдаётся, мистер Корбек рассказывал вам о своих приключениях в поисках светильников. Надеюсь, когда-нибудь вы поведаете и мне об этом, мистер Корбек, но только когда мой бедный отец почувствует себя лучше. Я уверена, что он и сам захотел бы мне рассказать обо всем, либо присутствовать при вашем рассказе. — Она быстро плянула на каждого из нас. — Так вы об этом беседовали, когда я вошла? Отлично! Я подожду но надеюсь, долго ждать мне не придётся. Меня ужасно расстраивает, что болезнь моего отца никак не проходит. Я чувствую, что нервы у меня сдают, и поэтому решила прогуляться по парку. Надеюсь, мне полегчает. Если вы не против, мистер Росс, я попросила бы вас побыть с отцом. Тогда я буду спокойна.

Я с готовностью поднялся, радуясь тому, что бедная девушка хотя бы на полчаса выйдет на воздух. Она казалась очень усталой и у меня даже кольнуло при виде её бледных щёк. Я отправился в комнату больного и занял своё обычное место. В это время дежурила миссис Грант; мы считали, что днём в комнате достаточно одного человека и когда я вошёл, она воспользовалась случаем и вышла, чтобы заняться прочими делами. Шторы были подняты, но окна выходили на север и это смягчало жаркие лучи солнца.

Я долго сидел, размышляя над рассказом Корбека, пытаюсь найти связь между этими удивительными событиями, странностями, происходившими в доме. Иногда меня одолевали подозрения, и я сомневался во всех и во всем, и даже в том, о чем мне твердили собственные чувства. Я то и дело вспоминал о предостережениях опытного детектива. Он считал мистера Корбека умным лжецом, а мисс Трелони назвал его сообщницей. Маргарет — сообщница! Наедине с подобным предположением улетучивались всякие

сомнения. Каждый раз, когда в моих мыслях возникал её образ, мелькало её имя, все события приобретали чёткий характер. Я готов был пожертвовать жизнью, лишь бы она была здесь ни при чем! Но меня вывел из благоговейных размышлений, едва ли не из любовных мечтаний, сильный и властный голос:

— Кто вы? И что вы здесь делаете?

Несмотря на все ожидания, касающиеся его пробуждения, никому не приходило в голову, что он может проснуться сразу и полностью владея собой. Я был настолько поражён, что ответил почти машинально:

— Меня зовут Росс. Я наблюдаю за вами! Он казался удивлённым, но вскоре в присущей ему манере принялся рассуждать:

— За мной? Что вы подразумеваете? Зачем за мной наблюдать? — Тут взгляд его остановился на собственном плотно перевязанном запястье. Тон его смягчился, стал менее напористым и более спокойным, как у человека, смирившегося с фактами.

— Вы врач?

Я едва не улыбнулся, испытывая облегчение после долгого беспокойства за его жизнь.

— Нет, сэр!

— Но тогда почему вы здесь? Если не врач, то кто вы? — голос его вновь посуровел.

Мысль стремительна, цепь аргументов, на которых должен быть построен мой ответ, пронеслась в моем мозгу быстрее, чем слова слетели с губ. Маргарет! Я должен помнить о Маргарет! Ведь передо мной её отец, ничего обо мне не знавший. Естественно, его заинтересует и даже обеспокоит тот факт, что дочь его выбрала меня в качестве сиделки у его постели. Обычно отцы несколько ревнуют к выбору дочерей, и поскольку я не рассказал ей о своей любви, мне не пристало делать ничего, что могло бы поставить её в неловкое положение.

— Я барристер. Но здесь я не как юрист, а просто как друг вашей дочери. Вероятно, она попросила меня прийти потому, что знала о моей профессии и потому что решила, будто вас убили. Позднее она сочла меня своим другом и позволила остаться в соответствии с вашим пожеланием о постоянном дежурстве.

Мистер Трелони отличался сообразительностью и был немногословен. Он не сводил с меня глаз и, казалось, читал каждую мою мысль. К моему облегчению, он не стал вдаваться в подробности, приняв, по-видимому, мои слова на веру. Очевидно, у него было что-то на уме, позволяющее принять сказанное на веру. Глаза его блеснули и губы чуть шевельнулись, выражая удовлетворение. Он следовал собственному ходу мыслей. Вдруг он сказал:

— Думала, что меня убили! Это было вчера вечером?

— Нет! Четыре дня назад.

Он был удивлён.

Пока мы разговаривали, он сел на постели, а теперь, казалось, готов был из неё выскочить. Однако, он взял себя в руки и откинувшись на подушки, тихо проговорил:

— Расскажите мне все! Все, что знаете. Каждую подробность! Ничего не упускайте. Но погодите: вначале закройте дверь! Прежде, чем я кого-либо увижу, мне хочется узнать каждую мелочь.

Сердце моё ёкнуло. «Кого-либо увижу!» Меня он, очевидно, считал исключением. Я счёл это добрым признаком, принимая мою любовь к его дочери. Я с готовностью подошёл к двери и тихо повернул ключ. Когда я вернулся, он снова сидел на постели.

— Говорите! — приказал он.

Я рассказал ему со всеми подробностями, которые только мог вспомнить, обо всем происшедшем после моего появления в доме. Конечно, я ни словом не обмолвился о моих чувствах к Маргарет и говорил лишь о том, что могло быть ему известно. По поводу Корбека я сказал, что он приехал с какими-то лампами, которые разыскивал по его поручению. Затем я рассказал об их пропаже и обнаружении в его доме.

Он слушал с поразительным в данных обстоятельствах самообладанием. Трелони не оставался равнодушен, поскольку глаза его иногда загорались, а сильные пальцы здоровой руки сжимали простыню, стягивая её складками. Это было особенно заметно, когда я говорил о Корбеке и о том, как светильники нашлись в будуаре. Иногда он бросал отдельные фразы, будто подсознательно комментируя мой рассказ. Таинственные события, больше всего интересующие нас, его, казалось, не интересовали; похоже, он уже знал о них. Больше всего его взволновал мой рассказ о выстрелах

сержанта Доу. Пробормотав «Тупица», он быстро глянул в сторону повреждённого шкафчика, всем видом выражая отвращение. Когда я заговорил о тревоге дочери, о её бесконечной заботе и преданности, он, пожалуй, был весьма тронут. С затаённым изумлением он шептал: «Маргарет! Маргарет!»

Я закончил рассказ, доведя его до настоящей минуты, когда мисс Трелони отправилась на прогулку (сейчас я думал о ней, как о «мисс Трелони», а не как о «Маргарет»). Трелони довольно долго сидел молча — минуты две-три, но они тянулись бесконечно. Вдруг он повернулся ко мне и резко бросил:

— Теперь расскажите мне все о себе!

Это походило на некий намёк и я почувствовал, что краснею. Мистер Трелони не сводил с меня глаз, спокойных и вопрошающих, заглядывающих прямо в душу. На губах его играло подобие улыбки и это усиливало моё замешательство, хотя и приносило некоторое облегчение. Я привык всегда прямо выражать свои мысли и потому заговорил, глядя ему в глаза:

— Меня зовут, как я уже сказал, Росс, Малкольм Росс. По профессии я — барристер и был назначен на должность королевского адвоката в последний год правления Королевы. Работа моя идёт вполне успешно.

К моему облегчению, он сказал:

— Да, я знаю. Я всегда слышал о вас лишь хорошее! Где и когда вы познакомились с Маргарет?

— Вначале на балу десять дней назад. Затем на пикнике, который устраивала леди Стратконнел на реке. Мы проплыли от Виндзора до Кукхэма. Мар... мисс Трелони оказалась в одной лодке со мною. Я немного занимаюсь греблей, и в Виндзоре у меня есть своя лодка. Мы о многом беседовали... Естественно...

— Естественно! — в голосе его промелькнули сардонические нотки, но тепла в нем не было. Я предложил, что, поскольку нахожусь в присутствии сильного человека, мне следует показать и свою силу. Мои друзья, а иногда и противники считают меня сильным человеком. В данном случае показать слабость означало проявить скрытность. Я оказался в трудном положении, мне постоянно нужно было помнить о том, чтобы не помешать своими неосторожными словами счастью Маргарет, учитывая её любовь к отцу. Я продолжал:

— Место, время дня и окружающая природа были настолько приятными, что наш располагающий к доверию разговор позволил мне заглянуть в её внутреннюю жизнь. Подобная вещь доступна по отношению к молодой девушке любому человеку моих лет и с моим жизненным опытом!

Лицо Трелони помрачнело, но он промолчал. Теперь я должен был придерживаться определённой линии разговора, и я продолжал, прикладывая к этому максимальные усилия. Ситуация могла обернуться серьёзными последствиями и для меня также.

— Я не мог не заметить, что она испытывает некоторое одиночество. Думаю, я понял его, ведь и во мне многое сохранилось от ребёнка. Я побуждал её говорить со мной откровенно и счастлив был преуспеть в этом. Между нами возникло взаимопонимание.

— Тут на его лице промелькнуло нечто, заставившее меня живо продолжить:

— Сэр, как вам известно, она не говорила ни о чем недостойном. Лишь рассказала со свойственной ей импульсивностью о своём тяготении к отцу, которого она любит и понимает, и о стремлении больше ему довериться и войти в круг его интересов. Поверьте мне, сэр, это было прекрасно. Об этом может лишь мечтать сердце отца. Все было достойно, и она поделилась со мною, очевидно, потому что не считала меня посторонним, которому нельзя довериться... — я помолчал. Продолжать было не просто, и я боялся повредить Маргарет. Он сам облегчил Мне задачу:

— Ну, а вы?

— Сэр, мисс Трелони очень мила и красива! Она молода и её разум подобен хрусталу! Её симпатии приводят в восторг! Я ещё не стар и ни к кому не привязан. До сих пор я не испытывал подобных чувств, могу сказать это вам, хотя вы и являетесь её отцом!

Здесь я невольно опустил глаза. Подняв же их, увидел, что мистер Трелони все ещё рассматривает меня пронизательным взглядом. Казалось, лицо его осветилось искренней добротой, когда он с улыбкой протянул мне руку и сказал:

— Малкольм Росс, я слышал о вас, как о человеке бесстрашном и благородном. Я рад, что у моей дочери такой друг. Продолжайте!

Сердце моё дрогнуло. Первый шаг к завоеванию отца Маргарет был сделан. Могу заметить, что продолжая рассказ, я стал более

словоохотлив и манеры мои также оживились.

— С годами мы приобретаем опыт, позволяющий пользоваться своим возрастом благоразумно! У меня большой опыт. Я боролся за него, работал ради него всю жизнь и чувствую, что применял его разумно. Я решился попросить мисс Трелони считать меня своим другом и позволить помогать ей при необходимости. Она пообещала мне это. Я и помыслить не мог, что возможность послужить ей возникнет столь скоро и подобным образом, но именно в тот вечер с вами случилось несчастье. Испытывая отчаяние и одиночество, она послала за мной!

Я помолчал. Он все ещё смотрел на меня.

— Когда было обнаружено ваше письмо с инструкциями, я предложил ей свои услуги. Вы знаете, что они были приняты.

— И каковыми были для вас эти дни? — Его вопрос поразил меня. В нем было что-то от голоса Маргарет, нечто, напоминающее её характер в беззаботные минуты и заставляющее меня почувствовать себя мужчиной, защитником. Я заговорил более уверенно:

— Эти дни, сэр, несмотря на тревогу и боль, которые я испытывал из-за девушки, любимой мною с каждым часом все более, были самыми счастливыми в моей жизни!

После этих слов он столь долго молчал, что я забеспокоился было, не слишком ли много себе позволил. Наконец, он сказал:

— Полагаю, говорить столь много от имени другого человека нелегко. Ваши слова могли бы обрадовать сердце её бедной матери! — По лицу его скользнула тень, и он заговорил быстрее: — Вы определённо уверены во всем этом?

— Я знаю своё сердце, сэр. По крайней мере, думаю, что знаю!

— Нет-нет! — возразил он. — Я говорю не о вас. Здесь все в порядке. Но вы говорили о её привязанности ко мне... и все же, она жила здесь, в моем доме, целый год... И после этого жаловалась вам на одиночество. Я никогда, — мне грустно сознаться в этом, но это правда, — за весь год, не видел ни одного знака её привязанности ко мне! — голос его дрогнул и он смолк, погрузившись в раздумья.

— Так значит, сэр, мне выпала честь за несколько дней увидеть больше, чем вам за всю её жизнь! — мои слова вывели его из задумчивости, и он с удивлением заметил:

— Я об этом вовсе не догадывался, мне казалось, что она ко мне безразлична. По-моему, это наказание за моё пренебрежение к ней, за то, что я полагал её отношение мстью юного создания с холодным сердцем. Какая радость знать, что дочь моей жены тоже меня любит! — Он непроизвольно откинулся на подушки, погрузившись в воспоминания.

Как же, должно быть, он любил её мать! Его влекла скорее любовь к ребёнку своей жены, нежели к собственно дочери. Волна симпатии к нему прокатилась по моему сердцу. Я начал постигать страсти этих молчаливых и замкнутых натур, успешно скрывавших горячую жажду любви друг к другу! Меня не удивило, когда он вполголоса пробормотал:

— Маргарет, дитя моё! Нежная, ласковая, сильная и правдивая! Как её милая мать!

До самых глубин своего сердца я рад был, что говорил с отцом Маргарет искренно.

— Четыре дня! — произнёс мистер Трелони. — Шестнадцатого! Так значит, сегодня двадцатое июля?

Я кивнул, и он продолжал:

— Итак, я четыре дня пролежал в трансе. Это не впервые. Однажды я провёл в трансе три дня при необычных обстоятельствах и даже не подозревал этого, пока мне не сказали. Как-нибудь я вам об этом расскажу, если вам это интересно.

На меня волной накатила радость. Ведь отец Маргарет настолько доверяет мне... Тут он вдруг объявил деловым будничным тоном:

— Пожалуй, пора мне встать. Когда Маргарет придёт, скажите ей, что со мной все в порядке. Это избавит её от потрясения! И скажите Корбеку, что как только смогу, я увижусь с ним. Я хочу видеть эти светильники и все о них узнать!

Я пришёл в восторг от его обхождения со мной. В нем были заметны родственные чувства, способные поднять меня со смертного ложа. Я поспешил выполнить его распоряжения, но едва взялся за ключ, как он остановил меня:

— Мистер Росс! Мне не понравилось обращение «мистер». Зная о моей дружбе с его доверью, он уже называл меня Малкольмом, и возвращение к формальному обращению несколько испугало меня. Должно быть, это касалось Маргарет. Мысленно я звал её «Маргарет»,

а не «мисс Трелони», тем более перед опасностью потерять её. Теперь я понимаю, что тогда был настроен вступить за неё в сражение, лишь бы не терять. Невольно напрягшись, я вернулся. Мистер Трелони, будучи по натуре пронизательным, словно прочёл мои мысли и лицо его, только что жёсткое, потеплело.

— Присядьте на минуту, поскольку лучше поговорить сейчас, нежели потом. Мы с вами мужчины; что касается моей дочери — все это новость для меня, и неожиданная, потому мне и хотелось узнать об этом подробнее. Имейте в виду, я, будучи её отцом, имею важные обязанности, и они могут оказаться болезненными. Я... — казалось, он не знал, как начать, и это возродило мои надежды. — Полагаю, из того, что вы говорили о моей дочери, следует ваше намерение просить её руки?

— Именно так! После того вечера на реке я собирался найти вас — конечно, через надлежащее время — и спросить, могу ли я поговорить с ней об этом. События сблизили нас больше, чем я смел надеяться, но первоначальное намерение свежо в моем сердце и крепнет с каждым часом.

Лицо его смягчилось, как видно, мысленно он возвращался к собственной юности.

— По-видимому, Малкольм Росс — это обращение вновь ободрило меня — пока что вы ещё не делали моей дочери никаких заявлений?

— Только не на словах, сэр.

Скрытый смысл моей фразы вызвал серьёзную и добрую улыбку на его лице, и он с серьёзным сарказмом заметил:

— Не на словах! Это опасно! Ведь слова сомнительны, и она могла бы не поверить им!

Я почувствовал, что заливаюсь краской.

— Слова диктуют деликатное отношение к её беззащитному положению и уважение к её отцу, хотя я не знал вас тогда ещё, сэр. Но и не будь этих преград, я не осмелился бы делать заявление ввиду её горя и волнений. Мистер Трелони, даю вам слово чести: сейчас мы с вашей дочерью всего лишь друзья — не более!

Он протянул ко мне руки и с жаром сжал мои.

Затем великодушно произнёс:

— Я удовлетворён, Малкольм Росс. Конечно, до тех пор, пока я её не увижу и не дам вам своего разрешения, вы не сделаете ей никаких заявлений — на словах, — с улыбкой добавил он. Лицо его снова посуровело.

— Время не ждёт и мне ещё нужно кое-что обдумать, и проблемы эти столь насущны и необычны, что я не могу терять ни часа. Иначе мне не следовало углубляться в обсуждение жизненного пути дочери и её будущего счастья с незнакомым человеком. — Голос его прозвучал с достоинством и гордостью, которые произвели на меня впечатление.

— Я не забуду ваших пожеланий, сэр, — пообещал я, открывая дверь. Я услышал, как он запер её за мной следом.

Когда я сообщил Корбеку о том, что Трелони полностью поправился, тот запрыгал, словно ребёнок. Но вдруг замер и попросил меня проявить осторожность и поначалу не упоминать ни о том, как были найдены светильники, ни о первом посещении гробницы. Это на случай, если мистер Трелони заговорит со мной на эту тему, а он это «несомненно сделает», добавил Корбек, бросив на меня косой взгляд; выдающий его осведомлённость о моих сердечных делах. Я согласился с ним, чувствуя, что он совершенно прав. Причина осталась для меня не совсем ясной, но я знал, что Трелони — человек необычный и ни в коем случае нельзя было ошибиться и не проявить скрытность. Скрытность — качество, всегда чтимое сильным человеком.

Реакция прочих на поправку больного была весьма различной. Миссис Грант расплакалась от избытка чувств, а затем бросилась хлопотать, желая оказаться полезной в подготовке дома «для хозяина», как она всегда его называла. Лицо сиделки вытянулось — она лишилась интересного больного. Но разочарование длилось не более мгновения, и она порадовалась, что беда миновала. Сиделка готова была прийти к больному по первому зову, но сейчас она занялась упаковкой своей сумки.

Я пригласил сержанта Доу в кабинет, чтобы остаться с ним наедине, когда сообщу ему эти новости. Даже его железное самообладание пошатнулось, когда я рассказал ему о способе пробуждения Трелони. Я тоже удивился, услышав первые слова сержанта:

— А как он объяснил первое нападение? Ведь он уже был без сознания, когда произошло второе.

До этой минуты собственно нападение, благодаря которому я и очутился в этом доме, не занимало мои мысли, не считая упоминания о нем мистеру Трелони.

— Знаете, мне не пришло в голову спросить его об этом! Профессиональный инстинкт в этом человеке был столь силён, что подавил все прочие.

Детектив выслушал мой ответ с неодобрением

— Вот почему раскрывают лишь малое количество дел, — заметил он, — когда в них не принимают участие наши люди. Ваш детектив-любитель никогда не доведёт дело до конца. Что касается обычных людей, напряжение, опасности проходит, и они обо всем забывают. Это похоже на морскую болезнь, — философски добавил он. — Будучи на берегу, вы о ней даже не вспоминаете, а бежите в буфет подкрепиться! Ну, мистер Росс, я рад, что дело закрыто. Полагаю, мистер Трелони сам разберётся в своих делах, коль он выздоровел. Впрочем, возможно, он ничего не будет делать. Поскольку он, очевидно, ожидал каких-то событий и не обратился в полицию, я считаю, он хотел исключить всякую возможность наказания. Думаю, нам сообщат официально о несчастном случае или о случае сомнамбулизма для очистки совести отдела регистрации, вот и все. Что касается меня, сэр, скажу вам честно, меня это спасёт. Мне и впрямь сдаётся, что я начал сходить с ума. Слишком много тайн, это не моя область: я удовлетворяюсь либо фактами, либо их причинами. Теперь я могу умыть руки и вернуться к полноценной и чисто криминальной работе. Разумеется, сэр, я буду рзд знать, что вы прольёте свет на эту загадку. Буду весьма признателен, если вы сообщите мне, каким образом человека вытащили из постели, когда именно его укусила кошка и в чьих руках был нож во второй раз. Ведь наш приятель Сильвио не способен на такой подвиг. Видите ли, я до сих пор об этом думаю! Мне нужно будет держать себя в руках, иначе ж эти мысли будут отвлекать меня, когда я буду занят прочими делами!..

Когда Маргарет вернулась с прогулки, я встретил её в прихожей. Она все ещё была бледной и грустной, а я, как ни странно, ожидал

встретить её повеселевшей. Едва она меня увидела, как глаза её загорелись, и она выжидательно впилась в меня взглядом.

— У вас для меня хорошие новости? — спросила она. — Отцу лучше?

— Да! А как вы об этом догадались?

— Поняла по вашему лицу. Я должна пойти к нему.

— Он сказал, что пойдёт за вами, как только оденется.

— Сказал, что пойдёт? — изумлённо повторила она. — Значит он очнулся и снова в сознании. А я и не знала, что все столь замечательно! О Малкольм!

Опустившись на ближайший стул, она расплакалась. Я и сам испытывал волнение. То, как она назвала меня по имени, обещало мне чудесные возможности, и я буквально таял. Заметив моё волнение, она протянула мне руку. Я крепко сжал её и поцеловал. Подобные минуты являют удобные возможности возлюбленным — они дар Богов! До этого мига, несмотря на мою любовь к ней, у меня была лишь надежда. Но теперь, когда она с готовностью позволила мне пожать ей руку, её пылкое ответное пожатие и огонь любви в тёмных, глубоких глазах, красноречиво говорили сами за себя обо всем, чего только мог пожелать самый нетерпеливый из возлюбленных.

Мы не произнесли ни слова, да они и не были нужны. Слова показались бы пустыми и жалкими и не смогли бы выразить наших чувств. Рука об руку, словно дети, мы пошли к лестнице и стали ожидать на площадке приглашения мистера Трелони. Я шёпотом рассказывал ей на ухо — насколько это было приятнее разговора на расстоянии! — о том, как очнулся её отец, о его словах и обо всем, что произошло между нами, опуская то, что мы говорили о ней самой.

Вскоре в комнате прозвенел колокольчик и Маргарет, выскользнув из моих рук, приложила палец к губам. Она подошла к двери и тихо постучала.

— Войдите, — произнёс мистер Трелони громким голосом

— Это я, отец! — голос её дрогнул от любви и надежды. В комнате послышались быстрые шаги, дверь распахнулась, и Маргарет кинулась в его объятия. Слов почти не было, донеслось лишь несколько несвязных фраз.

— Отец! Дорогой отец!

— Моё дитя! Маргарет! Моё милое, милое дитя!

— Ах, отец, отец! Наконец-то, наконец-то!

И вот отец с дочерью вошли в комнату, и дверь за ними закрылась.

Глава 14. Родимое пятно

В ожидании вызова в комнату мистера Трелони, который, как я чувствовал, произойдёт обязательно, время тянулось медленно, и мне было очень одиноко. После нескольких первых мгновений эмоционального подъёма при виде радости Маргарет я как-то от всего отдалился и оказался в одиночестве, и на некоторое время чувство обладания, характерное для влюблённого, охватило меня. Но длилось это чувство недолго. Счастье Маргарет так или иначе зависело от меня, и, осознавая это обстоятельство, кажется, я утратил основную часть своего «я». Последние слова, сказанные Маргарет, когда она закрывала за нами дверь, позволили оценить ситуацию в целом, в прошлом и в настоящем времени. Эти две гордых, сильных личности хотя и были отцом и дочерью, начали познавать друг друга только тогда, когда выросла дочь. Природа Маргарет относилась к типу людей, которые взрослеют быстро.

Гордость и сила каждого из них и сдержанность, бывшая основной чертой их характеров, создали барьер в их взаимоотношениях с самого начала. Каждый начал уважать скрытность другого довольно поздно, и взаимное непонимание переросло в привычку. И, таким образом, эти два любящих сердца, страстно жаждущих сочувствия друг друга, долго находились в разлуке. Но теперь все уладилось, и в самой глубине своей души я радовался, что, наконец, Маргарет была счастлива. Пока я раздумывал на эту тему и мечтал о своих личных делах, открылась дверь, и мистер Трелони пригласил меня войти.

— Входите, мистер Росс! — сердечно произнёс он, но не без некоторой формальности, которой я так страшился. Я вошёл в комнату, и он протянул мне руку, которую я пожал с удовольствием. Он не сразу отпустил её и все ещё держал в своей, подводя меня к дочери. Маргарет смотрела то на меня, то на него; её глаза, наконец, опустились.

Когда я близко подошёл к ней, мистер Трелони отпустил мою руку и, глядя прямо в глаза дочери, сказал:

— Если все происходит так, как бы мне этого хотелось, мы не должны ничего держать в тайне друг от друга. Малкольм Росс уже так много знает о моих делах, что, я полагаю, он должен оставить их в том положении, в котором они пребывают сейчас, и молча удалиться, или он должен узнать о них ещё больше. Маргарет! Не хочешь ли ты, чтобы мистер Росс взглянул на твоё запястье?

Она бросила на него призывный взгляд, но даже при этом было ясно, что, видимо, она решилась. Без слов она подняла правую руку, так что браслет в виде распротёртых крыльев, прикрывающих кисть, сполз вниз, открыв поверхность кисти. Меня пронзил ужас.

На её кисти виднелась тонкая зубчатая красная линия, из которой, казалось, свешивались красные пятна, похожие на капли крови!

Так стояла она — воплощение истинной гордой терпимости.

Ох! Но она выглядела гордой! Сквозь всю присущую ей мягкость, все её великодушное пренебрежение к собственной личности, которое я ощущал в ней, и которое никогда не было столь заметно, как сейчас, — сквозь весь огонь, который, казалось, сиял из тёмной глубины её глаз, освещая мне самую душу, — сверкала, вне всякого сомнения, и гордость. Гордость, основанная на вере; гордость, рождённая чистотой сознания; гордость истинной королевы Старого времени, когда принадлежность к королевскому роду предполагала наличие способности быть первым и величайшим, и храбрейшим во всех высоких деяниях. Так мы простояли несколько секунд, после чего глубокий, торжественный голос её отца, казалось, бросил мне вызов:

— Что Вы скажете теперь?

Не будучи способным выразить ответ словами, я подхватил правую руку Маргарет в свою, пока она опустила вниз, и, крепко сжимая её и оттянув другой рукой золотой браслет, склонился и поцеловал её запястье. Когда, не отпуская её руки, я поглядел ей в лицо, то увидел на нем выражение такой радости, о которой мог мечтать, когда думал о небе. Затем я обернулся к её отцу.

— Вы получили мой ответ, сэр!

Его мужественное лицо осветила торжественная улыбка. Он сказал единственное слово, когда положил и свою руку на наши, сомкнутые, в то время как он нагнулся, целуя дочь:

— Хорошо!

Стук в дверь прервал нашу беседу. В ответ на бесстрастное «Входите!», произнесённое мистером Трелони, появился мистер Корбек. Когда он разглядел позы, в которых мы находились, его как бы откачнуло назад; но в то же мгновение мистер Трелони подскочил к нему и подвёл его к нам. Пока он пожимал ему обе руки, казалось, он преобразился. Весь энтузиазм его юности, о котором рассказывал нам мистер Корбек, казалось, вернулся к нему в одно мгновение.

— Значит, вы достали лампы! — почти крикнул он. — Мои предположения оправдались в конце концов. Пройдёмте в библиотеку, где мы сможем быть одни, и расскажите мне об этом! И пока он рассказывает, Росс, — сказал он, обернувшись ко мне, — будьте добры, в знак старой дружбы, достаньте ключи от сейфа, чтобы я смог взглянуть на эти лампы!

Затем они втроём (дочь с любовью держала руку отца), прошли в библиотеку, в то время как я поспешил в Часерри Лэйн.

Когда я вернулся с ключами, они все ещё полностью были захвачены своей беседой; но к ним вскоре после моего ухода присоединился доктор Винчестер. Мистер Трелони, узнав от Маргарет о его постоянном внимании и доброте и о том, как он, несмотря на большое противостояние, постоянно исполнял список его пожеланий, попросил доктора остаться и выслушать с нами всю историю.

— Это, возможно, заинтересует вас, — узнать конец всего дела!

Мы рано отобедали в тот день. После этого долго сидели вместе, а затем мистер Трелони произнёс:

— А теперь, я думаю, лучше всего нам расстаться и спокойно улечься спать пораньше. Мы можем продолжить свой разговор завтра, а сегодня мне хотелось бы все обдумать.

Доктор Винчестер ушёл первым, с любезной предусмотрительностью прихватив с собой мистера Корбека и оставив меня. Когда они ушли, мистер Трелони сказал:

— Думаю, было бы хорошо, если бы вы тоже ночевали у себя дома. Мне хотелось бы спокойно провести вечер с дочерью; есть множество вещей, о которых мне следовало бы рассказать ей, и только ей. Возможно, уже завтра я смогу сообщить о них также и вам; но в данный момент было бы лучше, чтобы нас ничто не отвлекало, и мы были в доме одни.

Я прекрасно понимал и разделял его чувства, но опыт последних нескольких дней был ещё не забыт, и после некоторого промедления я спросил:

— Но не может возникнуть при этом какой-либо опасности? Если бы вы знали, как мы...

К моему удивлению, Маргарет прервала меня:

— Малкольм, опасностей не предвидится. Я останусь с отцом! — Говоря эти слова, она прильнула к нему, как бы защищая его своим телом. Ничего не ответив, я поднялся и направился сразу же к выходу. Мистер Трелони сердечно сказал мне вслед:

— Приходите как только вам захочется, Росс. Приходите к завтраку. После этого нам с вами захочется поговорить. — Он тихо вышел из комнаты, оставив нас вдвоём. Я начал целовать руки Маргарет, которые она протянула мне, затем притянул её к себе, и наши губы встретились в первый раз.

В ту ночь я спал мало. Ощущение счастья с одной стороны и беспокойство с другой не оставляли мне места для сна. Но даже если меня охватило беспокойство, в то же время я был столь счастлив, как никогда. Ночь пролетела столь быстро, что рассвет как бы обрушился на меня, не прокрадываясь по своему обыкновению. Ещё не было девяти часов, когда я появился в Кенсингтоне. Все моё беспокойство испарилось, подобно облаку, как только я встретил Маргарет и увидел, что бледность лица уже уступила место обычному яркому румянцу. Она сказала, что отец спал хорошо и скоро присоединится к нам.

— Я твёрдо знаю, — прошептала она, — что мой добрый и предусмотрительный отец специально не встал ещё, чтобы я могла первой встретить тебя, и наедине!

После завтрака мистер Трелони повёл нас в кабинет, говоря по дороге:

— Я просил Маргарет присутствовать при нашем разговоре тоже. Когда мы сели, он серьёзно произнёс:

— Вчера вечером я сказал, что у нас есть что рассказать друг другу. Осмелюсь предположить, что Вы думали, что это касается Маргарет и вас. Это так?

— Я думал именно так.

— Хорошо, мой мальчик, все правильно. Мы говорили с Маргарет, и я знаю о её желаниях.

Я крепко пожал протянутую им руку, а затем поцеловал Маргарет, подвинувшую свой стул ближе ко мне, чтобы мы смогли держаться за руки во время разговора с ним, а он продолжал, несколько поспешно, что было неожиданно для меня:

— Вы знаете очень многое о моей охоте за этой мумией и вещами, ей принадлежавшими; осмелюсь добавить, что вы догадываетесь о многих моих теоретических доводах. Но это я могу объяснить в любое время позже, спокойно и уверенно, если возникнет в том необходимость. О чем мне обязательно надо посоветоваться с вами сейчас, заключается в следующем: Маргарет и я не достигли соглашения по одному вопросу. Я говорю о проведении эксперимента; эксперимента, который смог бы увенчать все, чему я посвятил двадцать лет исследований, жизни в опасности и массу подготовительной работы. С помощью этих трудов мы могли бы узнать о вещах, которые в течение веков были скрыты от глаз и из памяти человечества. Мне бы не хотелось, чтобы моя дочь присутствовала при этом, так как не могу закрыть глаза на тот факт, что эксперимент может быть сопряжён с опасностью — великой опасностью неизвестной природы. Однако, я неоднократно встречался в своей жизни с исключительными опасностями неизвестного происхождения; таким же опытом обладает мой бесстрашный ученик, который помогал мне в работе. Что касается меня, я готов пойти на любой риск. Это послужило бы на пользу науке, истории и философии; и мы смогли бы перевернуть ещё одну старую страницу человеческой мудрости в наш прозаический век. Но мне ненавистна мысль подвергать такому риску свою дочь. Её юная счастливая жизнь слишком драгоценна, чтобы можно было обращаться с ней столь легкомысленно, особенно теперь, когда она находится на самом пороге нового счастья. Я не желаю видеть, как она лишится жизни, как случилось с её дорогой матерью...

Он на мгновение замолчал и прикрыл глаза руками. В то же мгновение Маргарет оказалась возле него, обнимая и целуя его, успокаивая ласковыми словами. Затем, выпрямившись, держа одну руку на его плече, она сказала:

— Отец! Мама не приказывала тебе оставаться возле неё, даже когда ты задумал отправиться в то полное опасностей путешествие в Египет, хотя эта страна в то время была целиком охвачена войной,

чреватой всякими опасностями. Ты сам рассказывал мне, как она считала тебя вправе быть свободным и ехать туда, куда тебе нужно, хотя, ты говорил, что она знала, что тебе грозят опасности, и беспокоилась о тебе, и вот тебе доказательство!

— Она приблизила к его глазам своё запястье со шрамом, который, казалось, источал кровь. — Теперь дочь своей матери поступает так, как на её месте поступила бы мать! — Затем она обернулась ко мне: — Малкольм, ты знаешь, что я люблю тебя! Но любовь зиждется на доверии, и ты должен доверять мне в опасности не меньше, чем в радости. Ты вместе со мной должен стоять рядом с отцом перед этой неизвестной опасностью. Вместе мы можем преодолеть её; или вместе мы не добьёмся успеха — вместе мы умрём. Таково моё желание; моё первое желание, предъявляемое будущему мужу! Ты же думаешь, что я права как дочь, правда? Скажи отцу, что ты об этом думаешь!

Она была похожа на королеву, снисходящую до мольбы. Моя любовь к ней возрастала безмерно. Я встал возле неё, взял её за руку и сказал:

— Мистер Трелони! В этом Маргарет и я представляем одно целое!

Он крепко сжал наши руки, затем с глубоким волнением произнёс следующее:

— Именно так поступила бы её мать!

Мистер Корбек и доктор Винчестер пришли в точно назначенное время и присоединились к нам в библиотеке. Несмотря на безмерное счастье, которое охватило меня, я предчувствовал, что наша встреча будет весьма важной. Ведь я не мог забыть о только что случившихся странных событиях; мысль о том, сколь странные вещи могут происходить, не оставляла меня, довлела надо мной, как облако, которое окутало всех нас. Видя, в каком серьёзном настроении находятся мои товарищи, я понял, что каждый из них занят некоей доминирующей над всем другим мыслью.

Мы сели, образуя кружок вокруг мистера Трелони, который придвинул своё огромное кресло к окну. Маргарет села возле него справа, я — рядом с ней. Мистер Корбек слева, а доктор Винчестер — напротив. После нескольких секунд молчания мистер Трелони обратился к мистеру Корбеку:

— Вы рассказали доктору Винчестеру, как мы условились обо всем, что произошло до сих пор?

— Да, — подтвердил он.

Мистер Трелони продолжал:

— А я рассказал все Маргарет, так что все мы знаем обо всем! — Затем, обернувшись к доктору, он спросил: — Правильно ли я представляю себе, что вы, зная все, что знаем мы, наблюдавшие за этим явлением в течение многих лет, хотите принять участие в эксперименте, который мы надеемся произвести?

Ответ доктора был прямым и бескомпромиссным:

— Конечно! Ведь даже когда это дело было внове для меня, я обещал продолжать его до конца. Теперь, когда я многое знаю и оно оказалось столь интересным, я не оставлю его ни за какие ваши посулы. Будьте совершенно спокойны, в отношении меня. Я — учёный и исследователь различных явлений. У меня нет никого, кто принадлежал бы мне, и никто не зависит от меня. Я совершенно одинок и свободен делать с собой все что мне угодно, распоряжаться всем, вплоть до собственной жизни!

Мистер Трелони торжественно поклонился и, повернувшись к мистеру Корбеку, сказал:

— Я знаком с вашими идеями в течение многих лет, старина, так что у меня нет нужды задавать вам подобные вопросы. Что же касается Маргарет и Малкольма Росса, они уже высказали мне свои желания и не сомневаются по поводу принятого решения. — Он помолчал несколько секунд, словно приводил в порядок мысли; затем начал излагать свою точку зрения и намерения. Он объяснял все очень тщательно, видимо, постоянно имея в виду, что некоторые из нас, слушавших его, были совершенно невежественны в отношении корней и природы тех явлений, о которых шла речь; он объяснял их по ходу своего рассказа:

— Эксперимент, который предстоит нам произвести, имеет своей целью определить, существует или не существует некая сила, некая реальность в старой Магии. Вероятно, сейчас создались самые удачные условия для проведения этого испытания; мне бы хотелось сделать все возможное, чтобы оригинальная конструкция оказалась эффективной. В то, что существует некая магическая мощь, я твёрдо верю. Невозможно создать, или организовать, или

симулировать мощь и в настоящее время; но я полагаю, что если в старое время такая мощь существовала, она могла обладать свойством исключительной долговечности. Что ни говори, Библия не является мифом, а в ней мы читаем, что солнце остановилось по приказанию человека и что осел — не человек — заговорил. И если Ведьма из Аэндора смогла вызвать Саулу душу Самуила, почему не могут существовать ведьмы с равными силами и почему хотя бы одна из них не дожила до сих пор? В самом деле, ведь сказано в Книге Самуила, что Ведьма из Аэндора была одной из многих и то, что именно она помогла Саулу было чисто случайным совпадением. Он только искал среди многих, кого он изгнал из Израиля, «всех тех, которые имели Гадателей^[4] и были колдунами». Эта египетская Царица Тера, правившая примерно за две тысячи лет до Саула, была колдуньей и тоже имела Гадателя. Посмотрите, как священнослужители её времени и последующие представители этого сословия пытались стереть её имя с лица земли и прокляли дверь её гробницы, так чтобы никто не смог когда-нибудь прочесть её утраченное имя. И они преуспели настолько хорошо, что даже Мането, историк египетских царей, писавший в десятом веке до Рождества Христова, и располагавший всей совокупностью преданий жречества за сорок столетий до него, имея доступ к любой записи, нигде не упомянул её имени. Кстати, никому из вас не пришло в голову, когда вы думали о более поздних временах, кто же был её Гадателем?

Тут речь его прервал доктор Винчестер, когда с силой всплеснув руками, он вскричал:

— Кот! Мумия кота! Я знал об этом!

— Мистер Трелони рассмеялся, довольный.

— Вы правы! Имеются все доказательства, что Гадателем Царицы-колдуньи был кот, которого мумифицировали вместе с ней и эту мумию не только положили в её гробницу, но и поместили в саркофаг рядом с её саркофагом. Именно он вцепился мне в кисть, оцарапав своими острыми когтями. — Он помолчал.

Замечание Маргарет было чисто девчоночьим:

— Тогда мой бедный Сильвио оправдан! Как я рада!

Отец погладил её по голове и продолжал:

— Эта женщина, кажется, обладала даром предвидения экстраординарной силы. Предвидела далеко, далеко вперёд и выходила

за грани своего времени и современной ей философии. Казалось, она предвидела последствия, вызванные слабостью собственной религии, и приготовила для себя в случае опасности выход в другой мир. Все свои надежды она связывала с Севером, откуда всегда дули холодные, бодрящие ветры, превращавшие жизнь в радость. Сначала казалось, что её внимание привлекают семь звёзд Большого Ковша^[5]; на стенах гробницы иероглифами записано, что при её рождении на Землю упал огромный каменный метеорит, из середины которого извлекли драгоценность — рубин из Семи Звёзд, который она считала талисманом своей жизни. Казалось, что он определяет её судьбу, вокруг которой сосредоточились все её мысли и заботы. Волшебная Шкатулка, так искусно составлена из семи изящных стенок, как мы знаем из того же источника, тоже происходит из метеорита. Число семь было для неё магическим числом, и это неудивительно для женщины с семью пальцами на одной руке и с семью пальцами на одной ноге.

Имея талисман, состоявший из семи рубинов редкой красоты, расположенных точно в соответствии со звёздами Большого Ковша, определившего время её рождения, причём каждая звезда этой драгоценности семиконечна, что само по себе является чудом минералогии, — она придавала этой драгоценности магическое значение. Кроме того как мы знаем из содержания стелы на её гробнице, она родилась в седьмом месяце года — месяце начала наводнения Нила. В это время Правящей Богиней была Хатор, Богиня её собственного дома, из Антефов Фивейской линии, — Богиня, которая в различных видах символизирует красоту, удовольствие и возрождение. Кроме того, в этом седьмом месяце, который по более позднему египетскому календарю начинается с 28 октября и длится до 27 числа нашего ноября, на седьмой день Большой Ковш как раз поднимается над горизонтом в небе Фив.

Итак, в жизни этой женщины удивительным, странным образом группируются столь различные явления. Число семь, Полярная Звезда и созвездие из семи звёзд, Богиня месяца Хатор, которая была её собственным, особенным Богом, богом её семьи, Антефов Фивейской династии, чьим королевским символом она была и чьи семь форм правили любовью, удовольствиями жизни и возрождением. Если когда-нибудь и было основание для существования магии, для

символической силы, используемой в мистических целях, то оно должно было возникнуть именно здесь и именно в это время.

Вспомните, кроме того, что эта женщина владела всеми научными познаниями своего времени. Её мудрый и предусмотрительный отец позаботился обо всем, зная, что, используя собственную мудрость, она должна будет бороться с интригами жрецов. Не забывайте, что в древнем Египте наука астрономия зародилась давно и развилась до невероятно высокой степени и что астрология, следуя за астрономией, также добилась больших успехов. И, возможно, что в дальнейшем, при изучении световых лучей, мы обнаружим, что астрология также является подлинной наукой. У меня есть нечто особенное, некоторые соображения, на которые мне хотелось бы обратить ваше внимание именно теперь. Вспомните, что египтянам были знакомы науки, в отношении которых мы, несмотря на прогресс, удивительно невежественны. Например, акустика, точная наука для строителей храмов Карнака, Луксора или Пирамид, сегодня кажется чудом для Белла, Кельвина, Эдиссона и Маркони. Создатели старинных чудес, возможно, предусмотрели практический способ использования таких сил, а между ними и силы света, о которых в настоящее время мы не можем и мечтать. Но на эту тему я буду говорить позже. Шкатулка Царицы Теры, возможно, является волшебной и содержит силы, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Мы не можем открыть её; должно быть, она закрывается изнутри. Каким же образом тогда она открывается? Она сделана из твёрдого камня удивительной прочности, скорее похожего на драгоценный камень, чем на обычный мрамор, крышка её сделана из камня такой же прочности, а при этом грани имеют столь сложные формы, что точнейший инструмент нашего времени не в состоянии помочь изучить их. Каким образом были созданы столь совершенные формы её граней? Как был выбран такой камень, что эти полупрозрачные пятна на нем соответствуют взаимному расположению семи звёзд Большой Медведицы? По какой причине будучи освещённым звёздным светом, Шкатулка начинает светиться изнутри? Почему, когда я подбираю лампы определённой формы, свечение ещё больше усиливается; и при этом Шкатулка никак не реагирует на обычный свет, независимо от мощности его источника света? Повторяю, что в шкатулке сокрыты великие чудеса науки. Мы

обязательно убедимся, что именно с помощью света удастся открыть её каким-то образом: или путём облучения светом, выделенным из какого-нибудь вещества, обладающего чувствительностью, скажем, к механическому удару, или путём высвобождения некоей большой энергии. Надеюсь только на то, что при нашей невежественности мы не используем никакие грубые способы, которые могли бы разрушить этот механизм; поэтому не будем пользоваться знаниями нашего времени, а постараемся найти способы, преподанные нам, как чудо, более пяти тысяч лет тому назад.

Кроме того, в шкатулке могут находиться сведения для добра или зла, для просвещения мира. Мы знаем, что египтяне изучали свойства трав и минералов для магических целей — для белой и чёрной магии. Мы знаем, что некоторые из старых колдунов могли наводить сны любого вида. Я практически не сомневаюсь в том, что это явление достигалось посредством гипнотического воздействия, которое в виде искусства или науки родилось на берегах древнего Нила. Но, кроме того, в Египте, видимо, овладели искусством составления лекарств, и их фармакопея давно превзошла наши знания в этой области. Некоторые из современных лекарств могут, в какой-то степени, наводить сны. Мы можем даже устанавливать различия между хорошими и плохими снами — сны удовольствия, или беспокоящие, или мучительные сны. Но, кажется, эти древние практики могли ещё управлять и цветом сна по своей воле и усмотрению; могли обрабатывать любого данного субъекта или его мысль практически любым требующимся способом. В шкатулке, которую вы здесь видите, может храниться целый арсенал средств, воздействующих на сны. Некоторые силы, заключённые в ней, может быть, уже использовались в моей семье.

Снова за этими словами последовало вмешательство доктора Винчестера.

— Но если в вашем случае некоторые из заключённых здесь сил были использованы, что может освободить их в благоприятное время или каким образом? Кроме того, вы и мистер Корбек однажды уже были погружены в транс на целых три дня. И как я понял из рассказа мистера Корбека, в тот раз шкатулка в усыпальнице отсутствовала, хотя мумия была на месте. Конечно, в обоих случаях должны были

пробудиться некоторые активные интеллектуальные силы; кроме того, могла сработать какая-то другая энергия.

Ответ мистера Трелони был совершенно исчерпывающим:

— Действительно, наблюдалось пробуждение некоторых активных интеллектуальных сил. В этом я убеждён. И они выработали энергию, в которой эти силы никогда не испытывали недостатка. Верю в то, что в обоих случаях действовала сила гипноза.

— А где же содержалась эта сила? Какой взгляд сформировался у вас на этот вопрос? — голос доктора Винчестера вибрировал, отражая степень его волнения, когда он наклонился вперёд, тяжело дыша и уставившись на мистера Трелони неподвижным взглядом. Последний ответил торжественным голосом:

— В мумии Царицы Теры! Я догадался об этом недавно. Возможно, нам следует подождать, пока я смогу несколько прояснить ситуацию. Я имею в виду то, что эта шкатулка изготавливалась для специального назначения, так же, как осуществлялась подготовка гробницы и всех предметов, находившихся в склепе. Царица Тера могла не беспокоиться о своей личной охране от змей и скорпионов, находясь в этой каменной гробнице, высеченной на лицевой поверхности скалы пятидесяти футов от дна и на уровне пятидесяти футов ниже её вершины. Её предосторожность, в основном, была направлена против действий рук человеческих; против ревности и ненависти жрецов, которые, если бы знали о её истинных намерениях, постарались бы расстроить все её планы. Царица сделала все возможное, чтобы подготовить своё возрождение, когда бы оно ни должно было произойти. Я понял при рассмотрении символических рисунков на стенах гробницы, что её вера настолько отличалась от веры её современников, что она ожидала возрождения во плоти. Несомненно, что именно это её намерение увеличивало ненависть жрецов и оправдывало, по их мнению, действия, направленные на уничтожение самого существования, настоящего и будущего человека, который отвергал их теории и оскорблял их богов. Все, что могло ей понадобиться при осуществлении возрождения и после него, было собрано в этом почти герметически запечатанном ряде помещений в скале. В огромном саркофаге, который, как вы знаете, выпядит совершенно необычно, в сравнении с саркофагами других царей, находилась мумия её Гадателя, кота, который из-за его гигантских

размеров, я склонен считать разновидностью тигрового кота. В гробнице, также в прочной ёмкости, хранились кувшины, обычно содержавшие внутренние органы, бальзамировавшиеся отдельно, но которые в данном случае были пусты. Поэтому я считаю, что в этом захоронении вообще не было бальзамирования и что все органы были восстановлены и уложены в тело, каждый на своё место. Если эта догадка соответствует истине, следует заключить, что мозг Царицы или вообще не извлекался обычным способом, или если все же был вынут, то затем заново положен на место должным образом, вместо того, чтобы оставаться запечатанным вместе с другими внутренними органами. И, наконец, в саркофаге находилась шкатулка, на которой покоились ноги Царицы. Заметьте, кроме того тщательность, с которой были предприняты меры для сохранения возможности контролировать силы природы. В соответствии с верой Царицы Тера, открытая рука, не завёрнутая в ткани для бальзамирования, управляет Воздухом, а странный драгоценный камень с сияющими звёздами управляет Огнём. Символы, изображённые на подошвах её ног, дают ей власть над Землёй и Водой. О звёздном камне я расскажу вам несколько позже; но пока мы беседуем о саркофаге, обратите внимание на то, как Царица охраняет свой секрет в случае ограбления могилы или вторжения в неё с иной целью. Никто не может открыть её шкатулку без её светильников, ведь теперь мы уже знаем, что обычный свет в этом случае не эффективен. Огромная крышка саркофага не запечатана, как это бывает обычно, потому что Тера желает контролировать воздух. Но она спрятала светильники, относящиеся к шкатулке, и в такое место, где их никто не мог найти, за исключением случая, предусмотренного ею, когда глазами мудрого человека руководят специальные указания. И даже в этом случае она обеспечила безопасность; если загадка будет разгадана случайно, приготовлен смертельный удар для ничего не подозревающего человека, занятого поисками. Для этой цели она использовала традиционный способ хранителей сокровищ пирамид, придуманный её великим предшественником из Четвёртой династии, восседавшим на троне Египта.

Полагаю, вы заметили, что в устройстве гробницы существуют отклонения от обычных правил. Например, шахта, которая обычно заполняется твёрдыми камнями и мусором, была оставлена открытой.

Почему это было сделано? Мне кажется, Царица решила обеспечить себе выход из усыпальницы, когда после её возрождения она должна превратиться в новую женщину, в другом образе и менее израненную сложностями жизни, из-за которых она столь сильно страдала в своём первом существовании. Насколько у нас есть возможность судить о её намерениях, все вещи, необходимые для её выхода в мир, были тщательно продуманы, вплоть до железной цепи, с помощью которой она смогла бы спуститься на землю. То, что она ожидала долгого периода небытия, можно определить по выбору ею материала для всех вещей, находившихся в склепе.

Каковы были её намерения, когда она опустилась в свежерытую землю, мы не можем вообразить и никогда этого и не узнаем, разве что смягчатся её мёртвые губы и она заговорит.

Глава 15. Цели Царицы Теры

Теперь поговорим о Звёздном Рубине! Его она открыто провозглашала величайшей из своих драгоценностей. На нем она выгравировала слова, которые никто из её современников даже и не пытался произносить.

У древних египтян существовало поверье, что есть слова, которые при правильном их употреблении (метод их произнесения был не менее важен, чем сами слова) могут управлять Богами Верхнего и Нижнего Миров. «Хекау», или слово власти, было наиболее важным в определённом ритуале. На драгоценности из Семи Звёзд, которая, как вы знаете, вырезана в форме скарабея, выгравированы два таких «Хекау», одно под другим, с помощью иероглифов. Но вы поймёте лучше, когда увидите драгоценность! Подождите! Не двигайтесь!

Произнося эти слова, мистер Трелони поднялся и вышел из комнаты. Жуткий страх за него охватил меня; но, как ни странно, я приободрился, взглянув на Маргарет. Когда бы ни возникала опасность для жизни её отца, она ощущала это и испытывала огромное беспокойство за него; теперь же она была спокойна и безмятежна. Я ничего не сказал, но ждал, как развернутся события.

Через две-три минуты мистер Трелони вернулся. В руке он держал маленькую золотую коробочку. Как только он сел, то положил её на стол прямо перед собой. Мы все наклонились вперёд, когда он открыл её.

На подкладке из белого атласа лежал удивительный рубин огромных размеров, почти такой же большой, как верхний сустав мизинца Маргарет. Он был огранён; по всей вероятности его теперешняя форма не была природной, но на его поверхности нельзя было различить следов рабочего инструмента — ни на туловище скарабея со сложенными крыльями, ни на щупальцах, прижатых к его бокам. Сквозь его удивительную «голубиную кровь» сверкали семь различных звёзд, каждая из которых была семиконечной; расположены они были таким образом, что точно воспроизводили форму созвездия Большого Ковша. Ни у кого из тех, кто видел когда-нибудь это созвездие, не возникло бы ни тени сомнения о

возможности ошибки в их размещении. На камне были вырезаны какие-то иероглифы, выполненные с поразительным искусством, как смог я оценить, когда подошла моя очередь воспользоваться увеличительным стеклом, которое мистер Трелони вынул из кармана и передал нам.

Когда мы разглядели рубин во всех подробностях, мистер Трелони перевернул его таким образом, что скарабей разместился на спине в углублении, предназначенном для того, чтобы камень лежал в верхней части коробочки. Обратная сторона камня была не менее удивительной, чем верхняя, и напоминала нижнюю часть жука. На ней тоже были вырезаны какие-то иероглифические фигуры. Мистер Трелони возобновил свою лекцию, в то время как мы склонили головы над этим удивительным камнем:

— Как вы видите, здесь имеются два слова, одно сверху, другое снизу. Символы наверху представляют одно слово, состоящее из одного продолжительного слога с определителями. Полагаю, все вы знаете о том, что египетский язык был фонетическим и что каждый иероглифический символ представляет собой звук. Первый символ здесь, мотыга, означает «мер», а два заострённых эллипса означают длительный конечный звук «р»: мер-р-р; сидящая фигура с рукой, поднятой к лицу, — это то, что мы называем «определитель мысли»; а свиток папируса — это «абстракция». Итак, мы получили слово «мер», любовь, в его абстрактном, общем и наиболее полном значении. Это хекау, которое может управлять Верхним Миром.

Лицо Маргарет сияло, когда она произнесла глубоким, звенящим голосом:

— Ох, но ведь это правда. Как эти древние чудодейственные люди догадались о всемогуществе Правды! — Затем румянец залил кожу её лица, а глаза опустились. Отец улыбнулся ей с любовью и возобновил рассказ:

— Символ слова на обратной стороне камня оказался проще, хотя значение его для нас более туманно. Первый символ означает «человек», а второй — «аб» — «сердце». Итак, мы получаем «обитатель сердца» или на нашем собственном языке — «терпеливость». И это хекау для управления Нижним Миром!

Он закрыл коробочку и, движением руки попросив нас оставаться на своих местах, прошёл в кабинет, чтобы снова положить коробочку в

сейф. Когда он вернулся и сел на своё место, то продолжил:

— Эта драгоценность, с её мистическими словами, которую Царица Тера держала у себя под рукой в саркофаге, была важным фактором, — возможно наиболее важным — в выполнении самого факта её возрождения. С самого начала я инстинктивно понял это и хранил драгоценность в моем большом сейфе, откуда никто не мог извлечь её; даже самой Царице Тере с её астральным телом это не удалось бы.

— С её астральным телом? Что это означает, отец? Что это означает? — В голосе Маргарет звучала столь сильная заинтересованность, когда она задавала этот вопрос, что меня это несколько поразило; но Трелони усмехнулся по-родительски снисходительно, и эта его улыбка, возникшая на фоне угрюмой торжественности, прошла как солнечный луч сквозь расселину в облаке, когда он сказал:

— Астральное тело, представляющее собой понятие буддистской веры, возникшей задолго до того времени, о котором мы говорим, является признанным фактом современного мистицизма, возникшего и в Древнем Египте; по крайней мере, настолько, насколько нам это известно. Одарённая личность может по своему желанию со скоростью мысли оказаться в любом месте путём расщепления и возрождения микрочастиц. По древним поверьям человеческое существо состоит из нескольких частей.

Первой из них является «Ка» или «Двойник», его, как объясняет доктор Бадж, можно определить как «абстрактную индивидуальность личности», которая обладает всеми характерными атрибутами индивидуальности, но существует абсолютно независимо. Она свободно перелетает с одного места на земле на другое по собственному желанию; она может даже оказаться на небесах и беседовать с Богами. Затем есть часть «Ба», или «душа», которая живёт в «Ка» и обладает возможностью становиться телесной или бестелесной, по собственному желанию; она имеет и субстанцию, и форму... Она может покинуть гробницу, используя свою власть... Она может посещать тело в гробнице... и может возродить его и беседовать с ним. Она принимает форму «светящейся, сияющей, неосязаемой формы тела», затем имеет место „Секхем“, или „власть“ человека, представляющая его персонифицированную жизненную

силу. Кроме того, существует „Кхай-бит“, или „тень“, „Рен“, или „имя“, „Кхат“, или „физическое тело“ и „Аб“, «сердце», в котором помещается жизнь человека.

Можно заметить, что если такое разделение функций, духовных и телесных, эфемерных и вещественных, идеальных и реальных, воспринималось бы как точное, то существовали бы возможности и способы реального переноса тела под постоянным руководством и наблюдением свободной воли и разума.

Когда рассказчик остановился, я прошептал пришедшие мне на память строки из «Вольного Прометея» Шелли:

— Мангус Золоастр...

Встретил собственный образ, входящий в сад. Мистер Трелони не выразил неудовольствия на сей счёт.

— Именно так! — одобрил он в своей обыкновенной мягкой манере. — Шелли обладал более совершенной концепцией древних религий, чем любой из наших поэтов.

Снова изменившимся голосом он возобновил свою лекцию, ибо для некоторых из нас она не была ничем другим.

— Вы должны иметь в виду, что у древних египтян существовало другое поверье; оно касается «ушапти» фигур Озириса, которые помещались вместе с мёртвыми, чтобы выполнять их работу в Нижнем Мире. Расширение этой идеи приводит к вере, что возможно передавать, посредством магических формул, душу и качества любого живого существа фигуре, повторяющей образ этого живого существа. Такое поверье дало бы потрясающее увеличение власти тому, кто обладает магическим даром.

Из объединения различных поверий и их природных связей я пришёл к заключению: Царица Тера ожидала, что сможет осуществить своё собственное возрождение, как только она этого пожелает и там, где пожелает. Она могла задерживать это событие на определённое время, чтобы сделать усилия не только возможными, но и вероятными. Я не буду останавливать ваше внимание на пояснении этой мысли, а обращусь к намеченной теме несколько позже. С душой, беседующей с Богами, с духом, странствующим по земле по собственной воле, со способностью к астральным путешествиям, у неё не было пределов или границ для осуществления своих планов. Нам была внушена вера, что все эти сорок или пятьдесят столетий она

оставалась спящей в своей гробнице — ожидая. Ожидая с таким «терпением», которое может управлять Богами Нижнего Мира, с той «любовью», посредством которой можно управлять Богами Верхнего Мира. О чем она мечтала — нам не дано познать; но её мечта, должно быть, разрушилась, когда датчанин-исследователь вошёл в её усыпальницу, украшенную скульптурами, а его последователь нарушил священное её одиночество грубой яростью, украв её руку.

Эта кража и все, что за ней последовало, доказала нам одну вещь: каждая часть её тела, хотя и отделённая от остального, может стать центральной точкой сосредоточения частей и микрочастиц её астрального тела. Эта её рука в моей комнате может помочь нам убедиться, что её тело способно мгновенно возродиться во плоти и столь же быстро раствориться

Теперь перейдём к венцу моих аргументов. Цель нападения на меня заключается в том, чтобы открыть сейф и вынуть из него священную драгоценность — рубин с семью звёздами. Огромная дверь сейфа не смогла удержать её астральное тело, любая часть которого или все оно целиком могло собраться как внутри сейфа, так и вне его. И я не сомневаюсь, что в темноте ночи та мумифицированная рука искала Драгоценный Талисман и извлекала новый прилив вдохновения от соприкосновения с ним. Но астральное тело, несмотря на все его могущество, не может вынуть Драгоценность сквозь стены сейфа. Рубин не является астральным предметом, поэтому извлечь его можно только обычным способом, открыв двери. Для этой цели Царица использовала своё астральное тело и свирепую силу Гадателя, чтобы завладеть ключом от сейфа. Годами я предполагал возможность подобных событий, более того, верил неистово в их неизбежность и охранял себя от сил Нижнего Мира. Я тоже терпеливо ждал, пока смогу собрать вместе все необходимое для возрождения мумифицированной Царицы!

Он замолчал, и раздался голос его дочери, ясный и мелодичный, преисполненный сильными чувствами:

— Отец, в египетской вере возможность возрождения мумифицированного тела вечная или может быть ограничена? Может ли оно возродиться много раз в течение веков или только однажды и окончательно?

— Может быть только одно возрождение, — ответил он. — Есть люди, верящие в то, что это определённое возрождение тела в реальном мире. Но большинство верит, что Дух находит радость в райских полях, где для него всегда есть пища и он может не страшиться голода. Ведь там всегда есть влага, тростники с глубокими корнями и все те радости, которых жаждут люди из засушливых земель под обжигающим солнцем.

Затем снова заговорила Маргарет, очень серьёзно, выказывая всю глубину своей души:

— Мне теперь становится понятной мечта этой мудрой и благородной женщины из древних времён; мечта, которая держала её душу в терпеливом ожидании десятки проходящих столетий. Это, должно быть, была мечта о любви; любовь, которую она чувствовала, могла пробудиться даже в новых условиях и пробудить её самое. Любовь, которая является мечтой в жизни любой женщины, в Древнем и Новом мирах, язычницы и христианки, под любым солнцем, любой степени благородства и любого призвания, хотя могут быть другие боли и радости в её жизни. О! Я знаю об этом! Я женщина и знаю женское сердце. Что означали для неё недостаток пищи и её изобилие, чем были для неё праздник и голод, для этой женщины, рождённой во дворце, под сенью корон двух Египтов! Чем были для неё тростниковые болота и звон ручейка, для неё, чьи баржи могли протянуться через весь Великий Нил от гор до самого моря. Чем были для неё мелкие радости и отсутствие глупого страха, для неё, поднятие руки которой поражало целые армии или привлекало к великолепным водяным каскадам её дворцов торговцев со всего мира! По её слову вырастали храмы, хранящие все сокровища искусства Древних времён, — все это она мечтала восстановить, в этом видела цель и удовольствие жизни. Это по её замыслу и под её руководством твёрдая скала превратилась в усыпальницу, построенную по её велению!

— Несомненно, у такой женщины были самые благородные мечты! Я ощущаю их в собственном сердце; я вижу их с закрытыми глазами!

В то время как она говорила об этом, казалось, её вело некое вдохновение; глаза устремились в такую даль, как будто ей было дано видеть нечто за пределами видения смертных. А затем её глаза

заполнились непролитыми слезами сильнейших эмоций. Казалось, её голосом говорила сама её душа; слушая её, мы пребывали в полном восторге.

— Я могу видеть её в одиночестве и молчании, погруженную в собственные мечты, разительно отличающиеся от фантазий окружающих её людей. На другой земле, далеко, далеко отсюда, под куполом тихой ночи, освещённой холодным прекрасным светом звёзд, Земле, лежащей под Полярной звездой, где дули освежающие ветры, жизнь представлялась ей иной. Там не было интриг и злодейства жрецов, устраивающих бесконечные заговоры, стремящихся захватить власть, путь к которой шёл через мрачные храмы и ещё более мрачные усыпальницы, через нескончаемый ритуал бесконечных смертей. На далёкой земле, где любовь не средство для достижения корыстных целей, а божественное Сокровище души, могла найтись некая родственная душа, чьё существование способно было соединиться с её жизнью с помощью духовной связи, как их дыхания смешивались бы в окружающем воздухе! Я знаю это чувство, потому что сама испытывала его. Я могу говорить об этом теперь, так как благословение вошло в мою собственную жизнь и даёт мне возможность выразить чувства, саму жаждущую душу милой и прелестной Царицы, непохожей на своё окружение, приподнятой над своим временем, чья душа, способна была управлять силами Нижнего Мира, имя которой, Надежда, выгравированное на освещённом звёздами драгоценном камне, могло управлять всей мощью Пантеона Высоких Богов.

Мы, мужчины, сидели в молчании, пока юная девушка излагала свою страстную интерпретацию планов и целей необычайной женщины из Древнего Света. Каждое слово и тон, которым она его произносила, несли в себе осознание её собственной веры. Величие её мыслей, казалось, приподнимало нас, пока мы слушали её вдохновенную речь. Её благородные слова, произносимые с музыкальными модуляциями и вибрирующие из-за огромной силы внутреннего убеждения, казалось, исходили из какого-то великого инструмента необыкновенной, первозданной силы. Даже тон её речи казался нам всем незнакомым; поэтому мы внимали ей как некоему новому и незнакомому существу из нового и незнакомого мира. Лицо её отца освещало блаженное удовольствие, и теперь я знал причину

его возникновения. Я понимал счастье, вошедшее в его жизнь по возвращении в мир, который он знал, после временного пребывания в мире грёз. Найти в своей дочери, чья натура до сегодняшнего дня была ему совершенно неизвестна, богатство эмоций, великолепие духовного прозрения, воображение, достойное серьёзного учёного... Остальную часть его чувств составляла надежда!

Двое других мужчин молчали, не сознавая полностью того, свидетелями чего они оказались. Один из них добился воплощения своей мечты, исполнение надежд другого было ещё впереди.

Что же касается меня самого, похоже, я пребывал в каком-то трансе. Кем было это новое, излучающее свет существо, выигравшее право на существование в тумане и темноте наших опасений. Любовь предоставляет божественные возможности для сердца влюблённого! Крылья души могут вырасти за плечами возлюбленного, и он способен летать, подобно ангелам. Я знал, что в натуре моей Маргарет были божественные возможности разного рода. Когда под сенью развесистой ивы на реке я заглядывал в глубину её прелестных глаз, уже тогда я преисполнился твёрдой веры в разнообразные красоты и совершенства её натуры, но этот парящий и все постигающий дух был для меня, конечно, откровением. Моя гордость, как и гордость её отца, выступили за границы внутренних чувств; радость и восторг переполняли меня и возвышали мои чувства.

Когда мы все снова спустились на землю, каждый — своим путём, мистер Трелони, держа дочь за руку, продолжил свою лекцию:

— Теперь вернёмся ко времени, на которое Царица Тера наметила осуществление своей мечты. Мы поддерживаем контакты с самым квалифицированными астрономами, занимающимися расчётами в связи с истинной ориентацией объекта. Как вы знаете, звезды изменяют своё относительное расположение на небе; хотя реальные расстояния перемещений находятся за пределами нормального сознания и наблюдаемые эффекты невелики. Тем не менее они поддаются измерениям, конечно, не за годы, а за века таких перемещений. Вне всякого сомнения, астрономия у египтян была точной наукой, по крайней мере, за тысячу лет до жизни Царицы Теры. Далее, в процессе изменений относительных положений звёзд изменяются формы созвездий, и созвездие Большого Ковша в этом смысле представляет прекрасный наглядный пример. Изменения

относительных положений звёзд даже за сорок столетий настолько малы, что практически незаметны для невооружённого взгляда, не имеющего опыта наблюдения за малыми перемещениями, но эти изменения могут быть измерены и проверены. Заметил ли кто-либо из вас, как точно все звезды на Рубине соответствуют своему положению в Большом Ковше или как соответствуют расположению звёзд в созвездии прозрачные пятна на шкатулке?

Мы все дружно подтвердили своё согласие. Мистер Трелони продолжал:

— Вы совершенно правы. Соответствуют в точности. И все же, когда Царица Тера лежала в своей гробнице, ни звезды в драгоценном камне, ни прозрачные пятна на шкатулке не соответствовали положению звёзд в Созвездии, каким оно было тогда.

Пока он молчал, мы взглянули друг на друга: новый свет открылся перед нами. Голосом, полным могущества, он продолжал:

— Вы понимаете значение этого обстоятельства? Не проливает ли оно свет на намерения Царицы? Она, ведомая предсказаниями, магией а суевериями, естественно, выбрала время для своего возрождения, на которое, казалось, указали ей сами Высокие Боги, отправлявшие свои послания на стрелах молний из других миров. Если это время было установлено сверхъестественной мудростью, верх человеческой мудрости — решение положиться на волю богов? Таким образом, — здесь его голос приобрёл значительную глубину и задрожал от интенсивности его чувств, — для нас и нашего времени представилась возможность этого удивительного, тайного подглядывания в древний мир, мы получили привилегию, недоступную никому другому в наше время; она, возможно, не представится снова никогда.

От начала и до конца тайнопись и символы этой удивительной гробницы этой удивительной женщины полны направляющего света; а ключ к разгадке многих тайн лежит в драгоценном камне, который она зажала в своей мёртвой руке над своим мёртвым сердцем, которое, как она надеялась и верила, вновь забьётся в более молодом и благородном мире!

Осталось только связать в единое всю эту концепцию. Маргарет одарила нас истинной интерпретацией чувств Царицы! — Он с нежностью поглядел на дочь, говоря эти слова. — Что касается меня, я

искренне надеюсь, что она оказалась права; в таком случае было бы радостью, я уверен в этом, если бы могли помочь все вместе реализации этой надежды Царицы Теры. Но мы не должны продвигаться слишком быстро или слишком уверовать в знания, которыми располагаем в настоящее время. Голос, который мы слышали, шёл из времён, очень сильно отличающихся от наших, когда человеческая жизнь мало чего стоила и когда мораль мало считалась с ценой усилий, прилагаемых для преодоления препятствий на пути к достижению желанной цели.

Теперь, что касается этой каменной коробки, которую мы назвали Волшебной Шкатулкой, Я убежден, что она открывается только при соблюдении определенных световых законов или при использовании некоторых возможностей, которые не известны нам в настоящее время. Здесь перед нами простирается огромное пространство для предположений и экспериментов, так как ученые до сих пор недостаточно основательно научились различать виды, мощность и степени освещенности. Не анализируя различные виды лучей, мы можем, я думаю, принять на веру, что существуют различные свойства мощности света; эта огромная область научных исследований представляет собой почти неизведанную, девственную страну. Пока мы так мало знаем о силах природы, что наше воображение не нуждается в ограничении пределов в будущем. В течение всего нескольких лет мы сможем произвести такие открытия, которые два столетия тому назад могли охватить исследователей потоками пламени. Жидкая фракция кислорода, существование радия, гелия, полония, аргона; различные мощности рентгеновских, катодных и беккерелевых лучей. И если мы в конце концов сможем доказать, что существуют различные виды и качества света, то обнаружим, что сгорание характеризуется различными мощностями процесса; что одни виды пламени имеют свойства, какими не обладают другие. Поздней ночью я думал об этом и пришел к выводу, что если некоторые масла характеризуются определенными свойствами, не свойственными остальным, то не исключена вероятность того, что подобные или соответствующие качества или силы могут существовать в их комбинациях друг с другом. Полагаю, каждый из нас заметил в то или иное время, что свет от рапсового масла отличается от света, который дает парафин, или что пламя угольного

сгорания и пламя китового жира также различаются. Ученые обнаружили это различие в освещении. Тут же мне пришло в голову, что, возможно, когда открыли гробницу Царицы Теры, какие-либо изменения произошли в масле, сосуды с которым обнаружили в захоронении. Эти сосуды не были использованы для сохранения внутренностей, как это делалось обычно, поэтому можно предположить, что их хранили в гробнице для каких-то специальных целей. Я вспомнил Ван Хайна, он писал о способе запечатывания этих сосудов. Печати эти легкие, но достаточно эффективные. Их можно открывать без усилия. Сосуды сами хранились в саркофаге, который, несмотря на огромную прочность и герметичное опечатывание, открывается также легко. Соответственно, я сразу же приступил к осмотру сосудов. Небольшое, очень небольшое количество масла в них все еще сохранилось, но оно загустело за два с половиной столетия, в течение которых сосуды оставались открытыми. Все же при этом оно не прогоркло. Исследуя масло, я определил, что оно было кедровым и что до сих пор оно источает слабый аромат. Это обстоятельство натолкнуло меня на мысль, что его использовали для заполнения ламп. Кто бы ни заполнял маслом сосуды и не укладывал их затем в саркофаг, знал, что с течением времени возможен процесс усыхания, даже в алебастровых вазах, поэтому заполнял сосуды полностью. Каждый сосуд содержал масло на шесть заправок ламп. С оставшимся в сосудах маслом я произвел несколько экспериментов, получив при этом полезные результаты. Вы знаете, доктор, что кедровое масло, которое в больших количествах использовали при бальзамировании и исполнении церемониальных ритуалов над мертвыми египтянами, обладает ярко выраженным свойством преломления, не сравнимым по этому параметру с другими маслами. Например, мы используем его в линзах своих микроскопов для получения дополнительной четкости изображений. Прошлой ночью я влил немного этого масла в одну из ламп и поместил лампу вблизи просвечивающей части Волшебной Шкатулки. Эффект был чрезвычайно сильным: свечение внутри было ярче и интенсивнее, чем я мог себе вообразить, в то же время простой электрический свет, источник которого был помещен таким же образом, практически не дал никакого эффекта. Я пытался проделать тот же эксперимент с другими семью светильниками, но при этом мой запас масла истощился. Однако, я послал за новыми запасами

кедрового масла и ожидаю вскоре получить значительные запасы его. Что бы ни случилось, наш эксперимент в любом случае не должен пострадать. Мы увидим! Мы увидим!

Доктор Винчестер, очевидно, следовал за логическим процессом другого ума, в связи с чем его комментарий был таков:

— Я весьма надеюсь, что если свет оказался эффективным средством воздействия на шкатулку, механизм не может быть испорчен или уничтожен.

Его сомнение вселило беспокойство в головы некоторых из нас.

Глава 16. Пещера

Вечером мистер Трелони собрал снова всю группу у себя в кабинете. Когда мы все сосредоточили внимание, он начал раскрывать перед нами свои планы:

— Я пришёл к заключению, что для надлежащего выполнения того, что мы будем называть нашим Великим Экспериментом, мы должны находиться в абсолютной и полной изоляции. Изоляция должна длиться не просто день или два, но столько времени, сколько нам для этого потребуется. Здесь такое мероприятие осуществить невозможно; нужды и привычки большого города, со свойственными ему возможностями отвлечения, будут раздражать нас. Телеграммы, заказные письма или срочные посланники плюс великое множество тех, которые захотят что-нибудь разузнать, несомненно, разрушат наши намерения. Кроме того, происшествия прошлой недели привлекли внимание полиции к этому дому. Если даже не будут получены специальные инструкции наблюдать за нами, изданные Скотленд-Ярдом или районным полицейским участком, можете быть уверены, что хотя бы один полисмен, совершая свои регулярные осмотры, будет наблюдать за домом с особым старанием. Кроме того, слуги, уволенные задолго до начала эксперимента, начнут болтать. Они и должны это делать, собственно говоря; ведь им для спасения собственной репутации необходимо как-то объяснить, почему они отказались от службы в моем доме, которая, осмелюсь заметить, считалась почётной в соседних домах. Слуги соседей начнут болтать и, возможно, не удержатся и сами соседи. Затем активная и любопытствующая пресса начнёт со свойственным ей пылом просвещение публики и для увеличения тиража газет возьмёт дело в свои руки. Когда за нас возьмётся репортёр, у нас практически не останется возможности сохранять приватность своего существования. Да же если мы заключим себя в клетку, это не избавит нас от внешнего вмешательства, возможно, и от вторжения. В любом случае наши планы будут нарушены, поэтому мы должны предпринять меры — продумать, как организовать отъезд, собрать весь необходимый багаж. Я приготовился к этому варианту. Уже давно я предвидел

подобный ход событий и занялся необходимой подготовкой. Конечно, я не мог предвидеть, что именно может случиться; но я знал: что-то может произойти. Более чем два года тому назад мой дом в Корнуолле был подготовлен к приёму всех этих любопытных предметов, которые хранятся здесь. Когда Корбек отправился на поиски светильников, я подготовил свой дом в Киллионе; он электрифицирован и снабжён всей аппаратурой для получения света. Пожалуй, я лучше скажу вам, потому что никто из вас, в том числе Маргарет, не знает, что этот дом абсолютно закрыт для посторонних и даже защищён от постороннего взгляда. Он стоит на маленьком скалистом мысу позади крутого холма, и его разглядеть можно только со стороны моря. Он ограждён высокой каменной стеной, так как был построен моим предком в те дни, когда большой дом вдали от центра должен был иметь средства для собственной защиты. Это место настолько соответствует нашим требованиям, что стоит начать работу по подготовке дома для наших целей. В чем будет заключаться наша работа, я объясню вам на месте. Марвину нанял специальный поезд, который прибудет ночью, чтобы привлечь поменьше постороннего внимания. Кроме того, заказаны телеги и крытые фургоны с достаточным числом грузчиков и приспособлений, необходимых для доставки нашего багажа в Паддингтон. Мы уедем из дома до того, как Аргус из прессы заступит на свою вахту. Сегодня нам необходимо заняться упаковкой, и, осмелюсь надеяться, что к завтрашней ночи у нас все будет готово. В сараях хранятся упаковочные ящики, которые использовались для вывоза вещей из Египта, и мне кажется, что если они благополучно перенесли путешествие через пустыню и вниз по Нилу до Александрии, а затем в Лондон, они безупречно послужат нам для переезда отсюда в Киллион. Мы, четверо мужчин, и Маргарет, которая будет подавать нам нужные предметы, сможем надёжно запаковать все вещи, а носильщики поставят их в грузовики.

Сегодня слуги поедут в Киллион, и миссис Грант сделает там необходимые приготовления. Она повезёт запасы необходимой провизии, чтобы мы не привлекали любопытства местных жителей своими повседневными нуждами; она же будет снабжать нас умеренными запасами еды из Лондона. Благодаря мудрому и щедрому отношению Маргарет к слугам, которые решили остаться у нас на службе, у нас будет штат прислуги, на который мы сможем

полагаться. Они уже предупреждены о секретности, так что мы сможем не опасаться сплетён, распространяющихся изнутри.

И в самом деле, когда слуги возвратились в Лондон после того, как приготовления в Киллионе были закончены, у них не было поводов для сплетён, по крайней мере, обстоятельных.

В соответствии с планом мистера Трелони, мы начали работу. Под его руководством и с помощью слуг мы вытащили из сарая огромные упаковочные ящики— Некоторые из них были чрезвычайной прочности, укреплённые множеством прокладок из дерева, стальными полосами и стержнями с крепежом. Мы растащили их по всему дому, каждый поставили вблизи предмета, который нужно было упаковать в этот ящик. Когда эта предварительная работа была закончена, а в каждую комнату и холл были внесены огромные охапки свежего сена, ватных отходов и бумаги, слуг отпустили. Затем мы приступили к самой упаковке.

Человек, не занимавшийся упаковкой вещей, не может представить объём работы, которую нам необходимо было произвести. Что касается меня самого, то я имел весьма приближённое представление о количестве предметов, вывезенных мистером Трелони из Египта и содержащихся в его доме. До тех пор, пока я не начал иметь с ними дело, моё представление о значимости, размерах некоторых из них или об их огромном количестве их было весьма туманно. Мы трудились до поздней ночи. Временами вынуждены были объединять свои усилия для упаковки одного предмета; затем снова трудились поодиночке, но всегда под постоянным руководством мистера Трелони. Он сам, с помощью Маргарет, маркировал каждый объект.

И только когда мы, абсолютно без сил, собрались, чтобы, наконец, поужинать, стало ясно какая огромная часть работы уже сделана. Однако, лишь несколько упаковочных ящиков было уже закрыто; так что предстояло сделать ещё больше. Мы закончили упаковку нескольких ящиков, каждый из которых содержал большой саркофаг. Другие ёмкости, содержавшие много предметов, нельзя было закрывать до тех пор, пока все не будет рассортировано и упаковано.

Я спал эту ночь, как убитый, без всяких снов, и при нашей встрече утром обнаружил, что остальные провели эту ночь точно так же.

К следующему вечеру работа была закончена, и все было готово для носильщиков, которые должны были явиться в полночь. Немного ранее указанного времени мы услышали грохот тележных колёс, затем подверглись вторжению армии рабочих, которые, казалось, без всяких усилий, просто благодаря своей многочисленности, в бесконечной процессии вынесли все заготовленные нами ящики. Им потребовалось немногим более часа, и, когда телеги укатили, мы были готовы следовать за ними в Паддингтон. Сильвио, конечно, был взят в качестве члена нашей команды.

Перед выездом мы прошлись по всему дому, который выглядел заброшенным и неприглядным. Когда все слуги уехали в Корнуэлл, попыток навести элементарный порядок в доме не последовало; каждая комната и коридор, в которых мы работали, и все лестницы были усеяны бумагой, мусором, везде виднелись следы грязных подошв.

Последнее, что сделал мистер Трелони перед тем, как покинуть дом, была процедура извлечения из большого сейфа Рубина с Семью Звёздами. Когда он надёжно упаковал его в футляр, Маргарет, которая казалась смертельно усталой и стояла возле отца бледная и напряжённая, внезапно вся засветилась, как будто вид Драгоценности вдохновил её. С одобрением улыбнувшись отцу, Маргарет сказала:

— Ты прав, отец. Сегодня вечером у нас больше не будет неприятностей. Она не станет разрушать твои приготовления ни по каким причинам. Клянусь жизнью.

— Она — или нечто — навредили нам в пустыне, когда мы вернулись из Долины Мага! — таков был мрачный комментарий Корбека, стоявшего рядом. Маргарет ответила ему со скоростью молнии:

— Ах! Она была тогда возле своей гробницы, из которой её тело не вынимали в течение тысячелетий. Она знает, что теперь все будет по-другому.

— Откуда она могла узнать об этом? — с улыбкой спросил Корбек.

— Если она имеет то астральное тело, о котором говорил отец, конечно, она должна знать! Как она может оставаться в неведении, с её способностью невидимого присутствия и её интеллектом, которому

доступны путешествия за пределы земли, даже к звёздам и в другие миры!

Маргарет замолчала, а её отец сказал торжественно:

— Именно на основании этого предположения мы и продвигаемся в своей работе. Мы должны иметь мужество придерживаться собственных убеждений и действовать на их основании — до самого конца!

Маргарет взяла его за руку и не выпускала до тех пор, пока мы не вышли из дому. Мистер Трелони закрыл дверь холла, и мы двинулись по дороге к калитке, где сели в такси, отвёзшее нас в Паддингтон.

Когда вещи были погружены, все рабочие сели в поезд; несколько вагонов заняли ящики с саркофагами. Обычные телеги со множеством лошадей ожидали нас в Вестертоне, нашей станции для пересадки в Киллион. Мистер Трелони заказал спальный вагон для нашей группы; как только поезд тронулся, мы все разместились в своих купе.

В ту ночь мне спалось хорошо. Я ощущал чувство безопасности, абсолютное и совершенное. Заявление Маргарет, сделанное с полной определённой о том, что «сегодня вечером у нас больше не будет неприятностей», казалось, ограждало от беспокойства. Я не задавал никаких вопросов, как и все остальные. Только впоследствии у меня возник вопрос, почему она столь уверена в этом. Поезд шёл с малой скоростью, с продолжительными стоянками на маленьких станциях. Так как мистер Трелони не желал прибыть в Вестертон до наступления темноты, у нас не было нужды в быстрой езде; были заранее определены станции, на которых должны были кормить рабочих; мы ели пищу, взятую из дома.

Весь тот день мы говорили о Великом Эксперименте, который полностью овладел нашими мыслями. Мистер Трелони проникался все большим энтузиазмом с течением времени; его надежды сменились уверенностью. Доктор Винчестер заражался его настроением, хотя временами сообщал некий научный факт, который, казалось, разрушал линию аргументов собеседника и действовал на нас, как завораживающий шок. Мистер Корбек молчал, пока сталкивались мнения других, но в конце спора выяснялось, что его отношение к обсуждаемому вопросу было негативным.

Что же касается Маргарет, то она казалась мне почему-то измождённой. То ли это была какая-то новая фаза её мироощущения,

то ли она воспринимала наше дело теперь более серьёзно, чем прежде. Чаще всего она более или менее отдалялась от нас, как бы погружившись в раздумье; хотя из этого состояния временами выходила мгновенно. Обычно это случалось тогда, когда какой-либо заметный эпизод, как например, остановка на станции, прерывал монотонность путешествия, или когда с громогласным шумом поезд пересекал виадук, возбуждая эхо среди холмов и скал, окружавших нас. В такие мгновения она вступала в разговор, словно ей нужно было показать, что, каковы бы ни были её абстрактные мысли, её чувства полностью ощущали все то, что происходило вокруг неё. По отношению ко мне её манера тоже странно изменилась. Иногда это была отстраненность, полужастенчивая, полуннадменная, что для меня было новым. Иногда я замечал в её глазах, жесте и голосе нежность по отношению ко мне, при этом моя голова кружилась от счастья. Однако в основном, путешествие протекало однообразно, в нем было мало событий, на которые стоило обращать внимание. Произошёл, правда, один неприятный случай, но так как все мы в это время спали, он нас не потревожил. Мы узнали о происшедшем только утром из беседы с охранником. Между Доумишем и Тейнмаусом, поезд был остановлен предупредительным сигналом, который подавался кем-то, стоящим прямо на путях с факелом в руке, которым он размахивал из стороны в сторону. Машинист обнаружил, что прямо перед поездом находился небольшой обвал — красная земля с высокого берега обрушилась на пути. Оказалось, однако, что не разрушены рельсы, и машинист возобновил движение. Эта вынужденная задержка в пути произошла, по словам охранника, от того, что, на этой линии похоже развелось много шутников.

Мы прибыли в Вестертон около девяти часов вечера. Телеги с лошадьми ждали нас, и сразу началась работа по разгрузке вагонов. Наша собственная группа не стала наблюдать за ходом работы, так как выполняли её вполне компетентные люди. Мы сели в экипаж, который также ждал нас, и сквозь темень ночи поспешили в Киллион.

На всех нас большое впечатление произвёл дом, который предстал перед нами в ярком лунном свете. Огромный серый каменный дом якобианского периода; громадный и просторный, стоящий высоко над морем на самой вершине высокой скалы. Когда мы быстро обогнули кривую дорогу, прорезанную в скале, и выехали

на высокое плато, на котором стоял дом, шумящие и шепчущие волны, обрушивающиеся на скалы далеко внизу, донесли до нас бодрящее дыхание влажного морского воздуха. Мы сразу же поняли, как хорошо здесь защищены от всего мира на этой скалистой полке над морем.

Внутри дома все было уже подготовлено. Мисс Грант и её подчинённые хорошо потрудились, и все вокруг сверкало свежестью и чистотой. Мы быстро осмотрели основные комнаты, а затем разошлись, чтобы умыться и сменить одежду после долгого путешествия, занявшего более суток.

Поежидали в огромной столовой на южной стороне дома, стены которого буквально нависали над морем. Шёпот моря иногда заглушался, но не прекращался никогда. Северная часть дома была на открытом месте, так как маленький мыс глубоко вдавался в море. От остального мира нас закрывали большие скалы, которые располагались над домом и рядом с ним. Далеко, через залив, мы могли видеть дрожащие огни замка, а вдоль побережья кое-где мерцали слабые огоньки рыбацких хижин. В остальном море здесь представлялось темно-синей равниной со случайными проблесками света, когда свет звезды случайно попадал на вздымавшийся склон волны.

После ужина мы все собрались в комнате, которую мистер Трелони предназначил себе в качестве кабинета. Первое, что я заметил войдя, был большой сейф, похожий на тот, который стоял в его доме в Лондоне. Когда все разместились, мистер Трелони подошёл к столу и, достав своё портмоне, положил его на стол. При этом он прижал его к столу ладонью. Странная бледность покрыла его лицо. Дрожащими пальцами он раскрыл портмоне, говоря при этом:

— Его толщина мне не кажется прежней; надеюсь, что не произошло ничего серьёзного!

Все трое мужчин подошли ближе к круглому столу. Одна Маргарет оставалась спокойной, она стояла прямая, молчаливая и неподвижная, как статуя. Глаза её были устремлены вдаль, словно она или не знала, или не беспокоилась о том, что происходит вокруг неё.

С жестом отчаяния, открыв карманчик, куда он поместил Рубин из Семи Звёзд, Трелони упал в кресло, стоящее рядом, и сказал хриплым голосом:

— Боже мой! Рубин пропал. Без него Великий Эксперимент не может состояться!

Его слова, казалось, вывели Маргарет из погружения в собственные мысли. Её лицо исказилось, но буквально через мгновение она вновь была спокойна и почти смеялась, когда проговорила:

— Вы могли оставить его в своей комнате отец. Возможно, он выпал из портмоне, когда Вы переодевались.

Не говоря ни слова, мы все поспешили в соседнюю комнату сквозь дверь, открытую между кабинетом и спальней. А затем нас охватил внезапной покой, подобный лёгкому облаку. Там на столе лежала Драгоценность Семи Звёзд, блестя и сверкая, как будто каждая из семи звёзд мерцала сквозь кровь!

С робостью мы огляделись вокруг, а затем посмотрели друг на друга. Маргарет теперь была настроена так же, как остальные. Спокойствие статуи покинуло её, и она сжала руки так сильно, что косточки её пальцев побелели.

Не говоря ни слова, мистер Трелони поднял драгоценность и поспешил с ней в следующую комнату. Так осторожно, как только смог, он открыл дверь сейфа ключом, прикреплённым к кисти его руки, и положил Рубин внутрь. Когда массивные двери сейфа закрылись и были заперты, казалось, его дыхание стало более ровным.

Каким-то образом это событие, хотя и обеспокоившее всех, казалось, привело нас в прежнее состояние. С тех пор, как мы выехали из Лондона, все были перенапряжены, и это событие воспринялось нами, как некое освобождение. Ещё один шаг в нашем странном предприятии был завершён. Возвращение к прежнему состоянию более всего проявлялось у Маргарет. Возможно, сказалось то, что она была единственной женщиной среди нас, возможно, это произошло потому, что она была самой молодой, а быть может, повлияли обе причины, каждая по-своему. Так или иначе, изменение произошло, и я стал ощущать себя счастливее, чем за все время путешествия. Вся её жизнерадостность, нежность, её глубокое чувство, казалось, снова засияли в её глазах; когда взор отца останавливался на ней, его лицо словно освещалось внутренним светом.

Пока мы ожидали появления багажа, мистер Трелони провёл нас по всему дому, объясняя, как будут расставлены предметы,

привезённые нами. Только в одном отношении он скрыл от нас свои намерения. Местоположение всех предметов, имевших отношение к Великому Эксперименту, не было указано. Ящики, в которых они содержались, оставались во внешнем холле в настоящее время.

К тому времени, когда мы обследовали дом, начали подъезжать телеги, при этом суэта и беспокойство предыдущей ночи возобновились. Мистер Трелони стоял в холле возле массивной, обитой железом двери и давал указания, куда ставить каждый ящик. Те ящики, в которых было много предметов, расставляли во внутреннем холле, где их должны были распаковывать.

В невероятно короткое время весь груз был доставлен, и грузчики, получив щедрое вознаграждение, покинули дом. Затем мы разошлись по своим комнатам. Странное чувство уверенности охватило всех нас. Не думаю, что кто-нибудь из нас сомневался в том, что ночь мы проведём спокойно.

Наша вера была вознаграждена: утром обнаружилось, что посреди этого развала все мы спали хорошо и спокойно.

В течение следующего дня все вещи, кроме тех, которые требовались для Великого Эксперимента, были размещены по местам, заранее для них предназначенным. Затем, как было условлено прежде, мисс Грант со всем штатом прислуги должна была отправиться рано утром в Лондон.

Когда они ушли, мистер Трелони, убедившись, что двери закрыты, собрал всех нас в своём кабинете.

— Теперь, — сказал он, когда мы все уселись по местам, — я должен поделиться с вами секретом, но должен просить каждого из вас торжественно обещать ни с кем не делиться этой информацией. По крайней мере уже в течение трехсот лет такое обещание было получено от каждого, кому был сообщён этот секрет, и не один раз жизнь и безопасность людей были сохранены, благодаря порядочности людей, не нарушивших данного ими обещания. Даже в такой ситуации я нарушаю букву этого закона, если не самый его дух, так как имею право посвящать в тайну только ближайших членов своего семейства.

Мы все дали требуемого от нас обещание.

Затем он продолжил:

— В этом доме есть тайник — пещера, образовавшаяся естественным путём, но усовершенствованная людьми. Находится эта пещера под домом. Не хочу кривить душой и заявить, что пещера эта всегда использовалась в соответствии с законом. Во времена кровавых Ассизских судов довольно большая группа корнуэльцев укрывалась в ней от преследований; а позже и раньше, не сомневаюсь в этом, она служила для хранения контрабандистских товаров. Полагаю, вы и сами знаете, что здесь всегда жили семьи контрабандистов, а их родственники, друзья и соседи никак не презирали их профессии. По всем этим причинам безопасное, хорошо укрытое место всегда считалось ценным владением, и так как главы нашего рода всегда настаивали на сохранении тайны, считаю своей честью подчиниться этому требованию. Позднее, если все пройдёт хорошо, конечно, я все расскажу вам, Маргарет и Росс, при соблюдении условий, о которых я уже говорил.

Мистер Трелони поднялся, и все мы последовали за ним. Оставив нас во внешнем холле, он возвратился через несколько минут и велел всем нам следовать за ним.

Во внутреннем холле мы обнаружили, что целая секция угловой части холла была сдвинута в сторону, и из образовавшегося прохода в стене мы увидели огромную дыру, тускло освещённую, и начало глубокого прохода, вдоль которого вела вниз лестница, грубо выбитая в скальной породе. Так как там все же не было темно, как в бездонной яме, можно было предположить, что какие-то источники света все-таки предусмотрены. Не теряя времени, мы последовали за хозяином, начавшим спускаться по лестнице. После сорока или пятидесяти ступеней, вырубленных в изгибающейся шахте, мы оказались в огромной пещере, дальний конец которой был погружён во тьму. Огромное помещение слабо освещалось несколькими неравномерно расположенными в стенах щелями неправильной формы, сквозь которые проникал слабый свет. По всей вероятности, это были трещины в скалах, использовавшиеся вместо окон, которые могли быть легко скрыты от посторонних. Вблизи от каждой такой трещины висел ставень, который легко сдвигался на место трещину с помощью висящей рядом верёвки. Звук нескончаемых ударов волн, несколько заглушённый, доносился откуда-то снизу. Мистер Трелони сразу же продолжил свой рассказ-

— Это место, которое я выбрал как лучшее из всего, что у меня имеется для нашей цели — Великого Эксперимента. Сотнями своих различных свойств оно удовлетворяет тем условиям, которые я посчитал первостепенными для успеха. Здесь мы так же изолированы, как Царица Тера была изолирована в своей гробнице в Долине Мага, и тоже в каменной пещере. Мы должны здесь испробовать свои шансы и получить результаты. Если мы проведём эксперимент успешно, то направим в современную науку такой поток информации из Старого Мира, который сможет изменить каждый постулат эксперимента и условия практической деятельности. Если же мы потерпим неудачу, то даже знание о нашей попытке умрёт вместе с нами. Для этого и всего иного, что может случиться, мне кажется, мы вполне готовы!

Он помолчал. Никто ничего не сказал, но все мы склонили головы, торжественно с ним соглашаясь. Мистер Трелони возобновил свою речь, теперь с некоторой поспешностью:

— Ещё не слишком поздно! Если кто-нибудь из вас сомневается или, как оказалось, неправильно представлял свою задачу, ради Бога, скажите это сейчас! Когда бы это ни произошло можно уйти без разрешения и промедления! Остальные могут продолжить наше дело.

Он снова помолчал и внимательно посмотрел на каждого из нас. Мы тоже поглядели друг на друга, но никто не дрогнул. Что касается меня самого, то, если и имелись у меня какие-то сомнения, один только взгляд на Маргарет мгновенно их рассеял. Её лицо выражало бесстрашие, силу воли и божественное спокойствие.

Мистер Трелони глубоко вздохнул и более весёлым и решительным тоном продолжил:

— Так как все мы настроены одинаково, то чем скорее мы получим необходимые вещи из поезда, тем лучше. Позвольте мне сообщить вам, что это помещение, как и все остальные помещения в доме, освещается электричеством. Чтобы сохранить в тайне свою деятельность, мы не должны подключаться к общей электромагистрале, но в этой пещере есть кабель, который можно подсоединить к проводке в холле и тем самым замкнуть цепь!

Говоря это, он начал подниматься по лестнице, затем вблизи от входа в пещеру взял кабель, подтащил его вверх и подсоединил к выключателю в стене. Над кабелем был укреплен ворот и масса сильного крепежа с многочисленными блоками производства фирмы

Смитона. Мистер Трелони, видя, что я рассматриваю эту систему, сказал, правильно интерпретируя мои мысли:

— Да! Это — новинка. Я установил эту систему сам с определённой целью. Я знал, что нам придётся опускать вниз огромные тяжести, а так как считаю нежелательным посвящать многих посторонних в наши тайны, я составил систему блоков, с которыми при необходимости мог бы управиться один.

Мы сразу принялись за работу, и, прежде чем наступила ночь, вынули и разместили на местах, предназначенных мистером Трелони, все большие саркофаги и другие предметы, привезённые с собой.

То был странный и жуткий процесс перемещения удивительных монументов прошедших веков в подземную пещеру, которая своей архитектурой, назначением, современной техникой и электрическим освещением теперь представляла одновременно и старый и новый миры. Чем больше углублялся я в работу, тем большее восхищение и признательность вызывал во мне мистер Трелони продуманностью всех деталей и точностью организации.

Я сильно испугался, когда Сильвио, которого в пещеру принесла на руках его хозяйка, вскочил, когда начали распаковывать саркофаг кота, и набросился на него с такой же яростью, как и прежде. Этот инцидент позволил увидеть Маргарет в неожиданном аспекте, и сердце моё почувствовало некий удар. Она стояла совершенно спокойно, опершись на саркофаг, в состоянии некоторой отрешённости, которое теперь часто посещало её, но, увидев яростную атаку Сильвио, казалось, сама поддалась приступу неудержимого гнева. Её глаза сверкали, а рот напрягся в жестоком, недобром выражении, что было новым для меня. Инстинктивно она стала подходить к Сильвио, как если бы собралась вмешаться в атаку. Но я тоже выступил вперёд, и увидев выражение моих глаз, она остановилась. Интенсивность её гнева заставила меня затаить дыхание; я поднял, руку, чтобы протереть глаза. Когда я с этим справился, она мгновенно восстановила своё спокойствие, а на лице её застыло выражение удивления. Со всей присущей ей грацией и прелестью она наклонилась и подняла Сильвио, так же, как это происходило в нескольких виденных мною предыдущих ситуациях; она держала его на руках, лаская и успокаивая, как будто имела дела с маленьким расшалившимся ребёнком.

Пока я наблюдал за этой сценой, меня охватил необычный страх. Маргарет, которую я знал, казалось, начала изменяться, и в самой глубине своей души я молился, чтобы это тревожащее меня явление прошло поскорее. Более чем когда-либо раньше, я мечтал в этот момент, чтобы наш ужасный Эксперимент скорее пришёл к благополучному концу.

Когда все было готово, в соответствии с планом мистера Трелони, он обернулся к нам ко всем поочерёдно, и пока не сконцентрировал внимание каждого из нас на себе, не начал говорить:

— Теперь все готово. Нам следует только дождаться нужного часа, чтобы приступить к работе.

Некоторое время все мы молчали. Первым заговорил доктор Винчестер:

— Что такое «нужный час»? О каком дне идёт речь?

Трелони ответил сразу же:

— После чрезвычайного напряжения мыслей я решил что этот день — 31 июля!

— Могу ли я спросить, почему определилась именно эта дата?

На этот вопрос он ответил очень медленно.

— Царица Тера в большой степени руководствовалась мистицизмом, и имеется множество свидетельств, что она посвятила этому вопросу много времени, поэтому мне показалось естественным, что она должна была выбрать период правления Бога, занимавшегося этими вопросами. Далее, четвёртый месяц сезона наводнений управлялся богом Хармацисом, что заменяет имя «Ра» Бога Солнца, при его восходе утром, тем самым ассоциируя восход с пробуждением. Далее, так как этот месяц начинается с нашего 25 июля, его седьмой день приходится на 31 июля, поэтому можете быть уверены, что мистическая Царица не выбрала бы никакой другой день, кроме седьмого, или какую-либо степень этого числа.

И поэтому мы ожидаем только 31 июля, то есть через два дня должен быть произведён Великий Эксперимент.

Глава 17. Сомнения и опасения

История веков представляет из себя ничто иное, как бесконечно повторение Истории часов. История человеческой жизни — не что иное, как многократно повторенная история момента. Ангел, записывающий Историю Мира в Великую Книгу, не пользуется чернилами всех оттенков радуги; его перо погружается только в цвета света и тьма. Потому что бесконечно мудрость не нуждается в оттенках. Все явления, все мысли, все эмоции, все опыты, все сомнения и надежды, все намерения и страхи, все желания, видимые вплоть до нижайших слоёв их конкретных и многообразных элементов, окончательно распадаются на свои прямые противоположности.

Если бы любое человеческое существо, захотело законспектировать жизнь, в которой сгруппировано все, что может выпасть на долю потомка Адама, в виде истории, полной и искренней, его вполне могло бы удовлетворить то, что я пережил в течение сорока восьми часов. И Записывающему понадобился бы, как обычно, свет солнца и тени, которые используются всегда для окончательного выражения Неба и Ада. Так как высочайшее Небо есть вера; а сомнение повисло над зияющей тьмой Ада.

Конечно, выпадали времена солнечного света в те два дня; моменты, когда, осознавая всю прелесть Маргарет и её любовь ко мне, я умудрялся рассеивать все мои сомнения, как рассеивается иногда утренний туман перед восходом солнца. Но баланс времени — а он был ошеломляющим — был таковым, что почти все время надо мной, как полог, висел мрак.

Час, в приход которого я верил, приближался столь быстро и был уже столь близок, что чувство конца охватило меня! Исходом, возможно, была жизнь или смерть одного из нас, но к этому мы все уже были готовы. Что касается риска, мне было все равно, относится такой конец ко мне или к Маргарет. Моральный аспект этого случая, основанного на религиозных повериях, был слишком далёк от моих интересов, а потому меня не тревожил. Что касается причин и исходов, лежащих за этими событиями, то они не только не были в

моей власти, но вообще находились за пределами моего понимания. Сомнения в успехе Великого Эксперимента были такими же, какие сопровождают любое предпринимательство, представляющее великие возможности. Для меня, чья профессиональная жизнь протекала в сфере интеллектуальных сражений, такая форма сомнения была скорее стимулом к борьбе, чем средством утрашения. Что же тогда вызывало мою тревогу, составляло моё несчастье, что становилось моей душевной болью, на чем сосредоточивались мои мысли?

Я начал сомневаться в Маргарет!

Что это было, в чем именно я сомневался, — об этом я тогда ещё не знал. Это была не её любовь, не её правдивость, или её доброта, или её усердие. Тогда что же это все-таки было? Это была она сама!

Маргарет изменилась! Временами в течение прошедших нескольких дней я едва узнавал её как ту самую девушку, которую встретил на пикнике и кому я помогал охранять её больного отца. Тогда, даже в моменты её величайших печалей, или страха, или беспокойства, она была сама жизнь, и забота, и сила. Теперь же она почти всегда была отстранённой, а временами — в противоречивом настроении, как если бы её разум — само её естество — не присутствовал при этом. В такие моменты она полностью владела и наблюдательностью, и памятью. Она знала и помнила все, что происходило вокруг или произошло с ней; но её возвращение к самой себе производило на меня впечатление сенсации, которую могло бы вызвать появление в комнате новой личности. Вплоть до времени, когда мы уехали из Лондона, я был спокоен, где бы она ни была. В моей душе все время присутствовало чувство безопасности, пришедшее вместе с осознанием, что наша любовь взаимна. Но теперь место этого чувства заняло сомнение. Теперь я никогда не знал, была ли присутствующая личность моя Маргарет — прежняя Маргарет, которую я едва понимал и чья интеллектуальная отстраненность создавала неосязаемый барьер между нами. Иногда она мгновенно просыпалась. В таких случаях, хотя она могла говорить мне нежные и приятные вещи, которые часто говорила мне и прежде, она казалась наиболее непохожей на себя. Это выглядело так, как если бы она говорила как попугай или под диктовку, как человек, который умеет говорить и играть свою роль, но не имеет собственных мыслей. После одного или двух таких экспериментов моё собственное сомнение

начало строить барьер, потому что я не мог разговаривать с ней легко и свободно, что было свойственно моей личности. И так, час за часом, мы все больше отдалялись друг от друга. Если бы не было нескольких странных моментов, когда прежняя Маргарет возвращалась ко мне, полная привычного очарования, не знаю, что могло бы произойти. Но получалось так, что каждый такой момент давал мне новый старт, и я старался сохранить мою любовь неизменной.

Я отдал бы весь мир за возможность поделиться с кем-нибудь своими сомнениями, кому бы я мог довериться, но это было невозможно. Как мог я говорить о своих сомнениях по поводу Маргарет с кем-нибудь, даже с её отцом! Как мог я говорить об этом с Маргарет, если она сама представляла тему разговора. Я мог только страдать — и надеяться.

Думаю, Маргарет иногда должна была чувствовать, что нас разделило какое-то облако, так как в конце первого дня она начала избегать меня. Возможно, это объяснялось тем, что она относилась в это время ко мне с большей радостью, чем обычно. Ранее она изыскивала всякую возможность быть со мной, точно так же, как я всегда стремился к ней; так что теперь любая попытка одного из нас избежать встречи, уйти от общения, причиняла новую боль нам обоим.

В этот день в доме, казалось, было очень тихо. Каждый из нас выполнял свою работу или был занят собственными мыслями. Встречались только во время еды: и тогда, хотя мы и разговаривали, все казались более или менее занятыми. Порядок в доме поддерживался безукоризненно. Предусмотрительность мистера Трелони, подготовившего для нас три отдельных комнаты, сделала участие слуг в работе ненужным. Столовая была обеспечена солидным запасом еды на несколько дней. К вечеру я вышел один прогуляться. Я искал Маргарет, чтобы просить её присоединиться ко мне. Но, когда нашёл её, она пребывала в одном из её апатических настроений, а очарование её молчаливого присутствия, казалось, на меня уже не действовало. Рассердившись на самого себя, но неспособный охладить собственное раздражение, я пошёл по скалистому побережью.

На скале с прекрасным, широким видом на море, расстилавшееся пере мной в полной тишине, нарушаемой лишь ударами волн внизу и

хриплыми вскриками чаек вверху, мои мысли текли спокойно. И все равно они постоянно возвращалась к одной теме — к сомнениям, которые истомили меня. Здесь, в одиночестве, среди необъятных сил природы, мой разум начал работать по-настоящему чётко. Бессознательно я обнаружил, что сам задаю себе вопрос, на который не могу найти ответа. Наконец, настойчивость разума, работавшего без ограничений, заставила меня встретиться лицом к лицу со своими сомнениями. Привычка моей жизни начала утверждать себя, и я начал анализировать факты, тревожащие меня.

Это было столь неожиданным, что пришлось заставлять себя подчиняться логике. Моей точкой отсчёта было следующее: Маргарет изменилась — каким образом и под влиянием каких сил? Был это её характер, или её ум, или её природа? Ведь её физическое обличье оставалось прежним. Я начал группировать все сведения, относящиеся к ней, начиная с её рождения.

Это было странным с самого начала. Она была рождена, согласно утверждению Корбека, мёртвой матерью в течение того времени, когда её отец со своим другом пребывали в трансе в гробнице в районе Асуана. Этот транс предположительно был наведён на них женщиной, женщиной мумифицированной, но сохранившей, как мы имели разные поводы убедиться в этом даже до эксперимента, своё астральное тело, которым она могла распоряжаться по собственной воле, и активный разум. Имея астральное тело, она не испытывала преград для перемещения в пространстве. Огромное расстояние между Лондоном и Асуаном превращалось в ничто. И та власть которую Колдуны употребляли в некрומании, была направлена на мёртвую женщину и её ребёнка, возможно мёртвого.

Мёртвый ребёнок! Возможно ли чтобы ребёнок был мёртв, а потом вернулся к жизни? Значит, в него вселился оживляющий дух — душа?

Если Египетская религия была верна для египтян, то «Ка» мёртвой Царицы и её «Ку» в состоянии были оживить то, что она выбрала. В таком случае Маргарет могла вообще не быть личностью, а просто фазой самой Царицы Теры — астральным телом, подчиняющимся её воле!

Здесь я восстал против логики. Каждая клетка моего существа протестовала против такого заключения. Как мог я верить в то что не

было никакой Маргарет вообще, что это было наделённое душой изображение, использованное в собственных целях женщиной, умершей сорок веков назад..! Каким-то образом мой взгляд на мир стал более светлым теперь, несмотря на то, что появились сомнения.

По крайней мере, у меня была Маргарет!

Вновь логический маятник качнулся назад. Ребёнок не был мёртв тогда. А если это так имели ли Колдуны какие-нибудь отношение вообще к её рождению? Было очевидно, — это я также знал от Корбека, — что существовало странное сходство между Маргарет и портретами Царицы Теры. Как могло это случиться? Это не могло быть воспроизведение какого-то родимого пятна, которое запечатлелось в памяти её матери, ведь миссис Трелони никогда не видела ни одного портрета Царицы Теры. Нет, конечно, даже её отец не видел этих изображений, пока не нашёл усыпальницу всего за несколько дней до рождения дочери. От этого вопроса мне не удавалось так легко избавиться, как от предыдущего. Сомнение приняло конкретное выражение: громадный, непроходимый мрак, в котором, не подчиняясь никакому закону, мерцали нерегулярно и судорожно крошечные точки быстро исчезающего света, что, казалось, продлевает существование самой темноты.

Оставалась возможность соотношения между Маргарет и мумифицированной Царицей, которая заключалась в том, что какое-то средство, почерпнутое из оккультной науки, давало возможность менять их местами. Эта точка зрения не могла быть отброшена с лёгкостью. Теперь, когда моё внимание было сосредоточено на ней, приходило на ум слишком много подозрительных обстоятельств, подтверждающих такую возможность. Я вспомнил все странные, непонятные события, которые наполнили нашу жизнь в течение нескольких последних дней. Сначала все они перемешались у меня голове, но снова аналитический характер ума, свойственный человеку моей профессии, превалировал и заставил все эти события выстроиться в нужном порядке. Теперь мне было легче управлять собой, и надо было сделать какие-то обобщения, произвести некоторую работу, хотя она была довольно печальная, так как могла оказаться направленной против Маргарет. Но ведь целью этого разбирательства и была сама Маргарет! Я думал о ней и сражался за неё, и если я буду работать в потёмках, то могу причинить ей вред.

Моим главным оружием для её защиты была правда. Я должен был многое узнать и понять; тогда я смог бы начать действовать. Конечно, я не мог действовать в её пользу, не имея даже целостной концепции и знания фактов. Расположенные по порядку, они выглядели следующим образом.

Во-первых: странное сходство Царицы Теры и Маргарет, родившейся в другой стране за тысячу миль от Египта, где её мать, возможно, даже не имела ни малейшего представления о внешности египтянки. Во-вторых: исчезновение книги Ван Хайна, в которой я прочёл описание Семизвездного Рубина; в-третьих: обнаружение светильников в комнате Маргарет. Тера со своим астральным телом могла открыть дверь комнаты Корбека в отеле и запереть её снова, после того как ушла оттуда с лампами. Таким же образом она могла открыть окно и оставить светильники в доме мистера Трелони. Не было необходимости в том, чтобы Маргарет собственной персоной участвовала в этом деле, хотя бы частично, но это было, по меньшей мере странно. В-четвёртых: подозрения детектива и доктора. В-пятых: бывали ситуации, когда Маргарет предсказывала с абсолютной точностью наступление покоя, как будто она была убеждена или знала о намерениях Царицы. В-шестых: имело место её предположение о том, где находится Рубин, который потерял её отец. Когда я заново вспоминал теперь этот эпизод в свете подозрений о том, что она обладает собственной таинственной силой, то единственный выход, к которому я пришёл — это необходимость всегда исходить из того, что теория об астральной сущности Царицы была правильна. Очевидно, беспокоясь о том, что бы все прошло хорошо по пути из Лондона в Киллион, Царица Тера сама похитила Драгоценность, считая её необходимой для своей сверхъестественной охраны путешествия. Затем каким-то мистическим способом она через Маргарет помогла найти Рубин. И наконец: странное двойное существование, которое Маргарет вела в последнее время, и которое казалось следствием того, что произошло раньше.

Двойное существование! Это, действительно, было выводом, который преодолевал все противоречия и согласовывал их. Если и вправду Маргарет не свободно действовала во всех событиях, а вынуждена была говорить или действовать в соответствии с получаемыми ею инструкциями или если все её существо могло быть

заменено на другое без вероятности, что кто-нибудь это заметит, тогда все остальное оказывалось возможным. Все должно было зависеть от свойств души той личности, которая направляла таким образом все её действия. Если эта индивидуальность была справедлива, добра и чиста, все могло быть хорошо. Но если нет!.. Ужас этой мысли не мог быть выражен словами. Я скрипел зубами в бессильной ярости, когда вероятность ужасных возможностей приходила мне в голову.

До этого утра провалы Маргарет в её новую сущность были немногочисленны и едва заметны, за исключением того случая, когда раз или два её отношение ко мне показалось мне странным. Но сегодня все было по-другому, и изменения почти полностью захватили её самым ужасным способом. Может быть, вторая индивидуальность была худшего, а вовсе не лучшего сорта? Теперь, когда я раздумывал об этом, у меня появилась причина для страха. В истории мумии, с времён Ван Хайна, взломавшего гробницу, список погибших, о которых мы знали, предположительно составленный по её воле и по её приказу, был ужасающим. Араб, укравший руку мумии и другой, который взял её с тела умершего. Пытавшийся украсть Драгоценность у Ван Хайна, арабский шейх, на шее которого появились отметки семи пальцев. Два человека обнаружены мёртвыми в ту ночь, когда Трелони выбрался из усыпальницы, а три других трупа — по возвращении в гробницу. Араб, который открыл секретный сердаб. Девять мертвецов, один из которых был, очевидно, убит рукой самой Царицы! И сверх того несколько диких нападений на мистера Трелони в его собственной комнате, где, с помощью своего Гадателя, она пыталась открыть сейф, чтобы вынуть оттуда драгоценный Талисман. Прикрепление ключа к руке с помощью золотого браслета, хотя и оказалось эффективным, почти стоило жизни мистеру Трелони.

Если Царица, намериваясь возродиться, осуществляла это своё намерение через кровь, что могло остановить её от совершения любого преступления, если шансы осуществления её плана уменьшились? От какого ужасного шага отказалась бы она, если он увеличивал вероятность исполнения её желания? Что значили её желания, что было её окончательным желанием? Ведь до сих пор мы знали обо всем этом только из утверждений Маргарет; наполненных энтузиазмом её высокой души с высокими благородными

устремлениями. В этих утверждениях не нашлось места для выражения любви, о которой Царица Тера мечтала или которую она нашла. Мы знали наверняка только то, что она поставила выше всего задачу своего возрождения, и в этом событии, по-видимому, особую роль должен был играть Север, который она очень любила. Но то, что возрождение должно произойти в одинокой гробнице в Долине Мага, было очевидно. Все было тщательно подготовлено для выполнения задуманного. С саркофагом была снята крышка. Сосуды с маслом, хотя и закрытые герметически, легко открывались рукой; было предусмотрено уменьшение количества масла за столь большой промежуток времени. Даже кремень был припасён для получения пламени. Яма для мумии оставалась открытой из-за возможных нападений, и, кроме каменной двери на внутренней стороне скалы была установлена абсолютно нерушимая цепь, которая давала возможность безопасно спуститься на землю. Но каковы были дальнейшие намерения Царицы, мы не знали и даже не имели никаких догадок на сей счёт. Если она предполагала начать жизнь снова как смиренная обычная личность, в этой мысли содержалось нечто благородное, что обогревало моё сердце, и в таком случае у меня возникла потребность пожелать ей успеха.

Сама такая идея, казалось, подтверждала удивительный вклад Маргарет в её выполнение и помогла успокоить мою растревоженную душу.

С этим сильным чувством, живущим во мне, я намеревался предупредить Маргарет и её отца об ужасных возможностях и ожидать, развития событий, над которыми был не властен.

Я вернулся в дом в другом настроении, которое ощущал, выходя из него, и обрадовался, увидев Маргарет — прежнюю Маргарет, ожидавшую меня.

После обеда, оставшись наедине с Маргарет и её отцом, я поделился с ними, хотя и со значительной нерешимостью, я поделился размышлениями:

— Как вы думаете, не было бы разумно предпринять все возможные предосторожности (на случай, если Царица не пожелает воспользоваться тем, что мы делаем) и во время и после её пробуждения, если оно произойдёт?

Маргарет ответила очень быстро, так что у меня сложилось впечатление, что её ответ был подготовлен заранее для кого-то другого:

— Но она уже все одобрила! Конечно, и иначе быть не могло. Отец с величайшим мужеством старается претворить в жизнь все то, чего желает великая Царица!

— Вряд ли это именно так, — возразил я. Все, что она приготовила, всеми мыслимыми методами отгородившись от всего живого, состоит из гробницы высоко в горах, в безлюдной пустыне, в закрытом от всего мира месте. Мне кажется, она, надеясь на эту изолированность, считала, что сможет избежать непредвиденных случаев. Конечно, здесь, в другой стране, и в другом времени, в совершенно других условиях, она может, находясь в постоянном беспокойстве, совершать ошибки и угрожать кому-нибудь из вас, из нас, как это делала она в отношении других в прошедшие времена. Девять человек, о которых нам известно, были убиты её собственной рукой или по её повелению. Она может быть безжалостна, когда ей это надо.

Прежде, чем заговорить, я опасался оскорбить мистера Трелони; но приятным сюрпризом для меня оказалось, что он искренне засмеялся, когда ответил мне:

— Мой дорогой друг, некоторым образом вы совершенно правы. Царица несомненно намеривалась пребывать в изоляции, и конечно, было бы гораздо лучше, если бы её эксперимент произошёл в выбранных ею условиях. Но только подумайте, это ведь стало невозможным, когда этот датский исследователь вломился в её гробницу. Это дело не имело ко мне никакого отношения. Я не виновен в происшедшем, хотя именно оно заставило предпринять все меры, необходимые для повторного осмотра усыпальницы. Имейте в виду, я ни единого раза не сказал, что я не делал ничего такого, что натворил Ван Хайн. Я спустился в гробницу из чистого любопытства, и взял оттуда то, что я взял, заразившись рвением стяжательства, которое вдохновляет коллекционера. Но помните также, что в то время я не имел никакого представления о намерениях Царицы возродиться, не знал о всей полноте её подготовки. Все это выяснилось много позже. Но когда это произошло, я сделал все возможное, чтобы полностью выполнить её пожелания.

Единственное, что представляется мне страшным, это опасение, что я мог неправильно интерпретировать тайнопись Царицы или пропустить, проглядеть что-нибудь. Но в одном я уверен: я не оставил невыполненным ничего из того, что, по-моему представлению, должно быть выполнено, и я не сделал ничего такого, что послужило бы во вред приготовлениям Царицы Теры. Хочу, чтобы её Великий Эксперимент завершился успешно. До сего дня я не жалел ни труда, ни времени, ни денег, ни самого себя. Преодолевал трудности и смело смотрел в лицо опасности. Все мои силы, все мои знания, какими я располагаю, все мои старания, какими бы они ни были, употреблены, употребляются и будут впредь употребляться до конца, до тех пор, пока мы выиграем или проиграем эту великую ставку.

— Великая ставка? — повторил я. — Возрождение женщины и жизнь женщины? Доказательство того, что возрождение возможно посредством применения магических сил, научного знания или путём использования неких сил, которые мир в настоящее время ещё не знает?

Тогда мистер Трелони заговорил о надеждах, которые питали его душу, на что до этого момента он только намекал, не поясняя их сущности. Раза два я слышал, как Корбек рассказывал о неистовой энергии его юности, но, исключая благородные речи Маргарет, когда она рассказывала о надеждах Царицы Теры, её пыл при этом можно было, видимо, отнести в каком-то смысле к наследственности — я никогда не замечал в нем такой энергии. Но теперь его слова, как поток, сметали и гнали вперёд него любую противоречивую мысль, и я получил совершенно новое представление о потенциале этого человека.

— «Жизнь женщины!» Что такое жизнь женщины в сравнении с тем, на что мы надеемся? Мы уже рисковали жизнью женщины, которая представляется мне драгоценнейшей на свете, и становится все более дорогой с каждым протекающим часом. Мы также рискуем жизнями мужчин: вашей и моей собственной, а также жизнями ещё двоих, которые завоевали моё полное доверие. «Доказательство того, что возрождение возможно!» Ну — это несколько значительнее. Это удивительная вещь в наш век науки и скептицизма, который и создаёт знание. Но жизнь и возрождение сами по себе — лишь темы, в том богатстве информации, которое мы можем получить в результате

проведения Великого Эксперимента. Вообразите, чем может стать в мире мышления, истинном мире человеческого прогресса, дорога к звёздам — мечта Древнего Мира — если кто-то смог бы возвратиться к нам из неизвестного прошлого и мог бы принести нам плоды эрудиции, накопленные в великой Александрийской библиотеке и утраченные затем в поглотившем их ненасытном пламени. Постигание науки шло бы без заблуждений от самого начала, мы смогли бы не только исправить ошибки истории, но могли бы выйти на дорогу утраченных искусств, утраченных знаний, так что наши ноги двигались бы точно по указанному следу для их полного и достоверного восстановления прошлого. Эта женщина могла бы поведать нам, что представлял из себя наш мир перед тем явлением, которое мы называем «Потопом»; могла дать нам сведения о происхождении этого громадного, удивительного мифа, могла обратить наш ум к изучению предметов, которые сейчас нам кажутся первобытными, а на самом деле были древними историями, возникшими до времён Патриархов. Но и это ещё не конец! Нет, это даже ещё и не начало! Если бы история этой женщины, её сила и возрождение доказали бы, что люди того времени не отличаются от нашего о них представления, это бы означало, что пока мы не достигли уровня знаний, лежащего за пределами нашего века, даже уровня знаний, которыми сегодня, считается, может овладеть сын человечества. Если на самом деле это возрождение могло совершиться, как могли бы вы сомневаться в старых знаниях, старой магии, старой вере! И если это так и будет, мы должны будем признать, что «Ка» этой великой и просвещённой Царицы завоевало секреты большие, чем любой смертный из всего окружающего её звёздного мира. Эта женщина во время жизни добровольно сошла в могилу и вышла из неё снова, как мы из записей на её гробнице. Она выбрала для себя смерть в молодом возрасте, чтобы при возрождении в другом веке, после загробного сна в течение колоссального интервала времени, она могла выйти из своей гробницы в полном расцвете и блеске юности и власти. Мы уже имеем свидетельство, что, хотя её тело спит уже много столетий, её интеллигентность осталась при ней и ни разу не покинула её, что её решительность ни разу не испытала колебаний, что её воля осталась несокрушимой, и, что наиболее важно, её память нисколько не пострадала. Ох, что за

возможности возникают при появлении такого человека среди нас! Человека, чья история началась задолго до того, как мы начали изучать Библию, чьи опыты предшествовали образованию Богов греческой религии, человека, который может связать вместе Старое и Новое, Землю и Небеса и рассказать известным мирам физического существования чудеса Неизвестного — Старого Мира в его юности и миров из других Галактик!

Он замолчал, почти обессилевший. Маргарет взяла его за руку, пока он говорил о том, сколь дорога она ему, и твёрдо сжала её в своей руке. Пока он говорил, она продолжала держать его за руку. Но вот в её лице произошла перемена, которую я так часто наблюдал у неё в дальнейшем: мистическое сокрытие собственной личности, которое давало мне едва уловимое ощущение отделенности от неё. В своём неистовстве, бесстрашном ко всему не относящемуся к делу, её отец ничего не заметил, но когда он замолчал, казалось, она мгновенно стала сама собой снова. В её прекрасных глазах блистали непролитые слезы, от чего глаза становились ещё ярче, и с жестом страстной любви и восхищения она наклонилась и поцеловала его руку. Затем, повернувшись ко мне, сказала:

— Малкольм, ты говорил мне о смертях, которые последовали по приказу бедной Царицы; может быть, виновных справедливо наказали за промедление при выполнении её приказов и искажение поставленной ею цели. Не думаешь ли ты, что ставя вопрос так; как ты сделал, ты был несправедлив? Кто бы не сделал того же на её месте? Вспомни, ведь она боролась за свою жизнь! За жизнь, за любовь и все великолепные возможности того туманного будущего в неизвестном мире Севера, который был столь привлекателен для неё! Не думаешь ли ты, что она, обладающая всеми знаниями своего времени, со всей великой и несокрушимой мощью своей натуры, имела надежды распространить более широко великолепные знания своей души! Что она надеялась привести нас к завоеванию неизвестных миров и использовать для благоденствия своего народа все, что она завоевала во время сна, смерти и времени, все, что могло быть разрушено безжалостной рукой убийцы или вора. Если бы это был ты, в таком случае ты не стал бы сражаться, используя любые средства, чтобы достигнуть объект своей мечты и цель всей жизни, если бы твои возможности возрастали неуклонно в течение всех этих

бесконечных лет? Можешь ли понять, что активный мозг находился в покое во время этих всех мрачных столетий, в то время, как её смертное тело, спелёнутое всеми этими защитными тканями, уберегающими от природного воздействия и предписанными религиозными обычаями и наукой её времени, это измученное тело ждало назначенного часа, в то время как её душа свободно летала от одного мира к другому между безграничными звёздными областями? Получила ли она какие-то знания от этих звёзд, мириад звёзд; если получила она свои уроки от звёздного мира, то мы следуем по великолепному пути, который она и её люди наметили для нас, когда они посылали нам свои крылатые изображения, кружащиеся вокруг ламп в ночи!

Здесь она замолчала, совершенно обессиленная волнением, по её щекам бежали слезы. Я сам был тронут настолько, что не мог выразить свои чувства словами. Это в самом деле была моя Маргарет, и, сознавая её присутствие, моё сердце забилося сильнее. Моё счастье породило смелость, и я осмелился сказать теперь то, что, боюсь, было бы невозможным раньше: что-то могущее привлечь внимание мистера Трелони к предположению, что я вообразил о двойном существовании его дочери. Взяв руки Маргарет и целуя их, я сказал её отцу:

— Ну что вы скажете, сэр! Она не смогла бы сказать об этом более красноречиво, если бы даже сам дух Царицы Теры был с нею, чтобы вдохновить её и навести на эти мысли

Ответ мистера Трелони просто ошеломил и удивил меня. Он доказал мне, что тоже прошёл точно такой же путь размышлений, как и я сам.

— А что, если это так и было, если так оно и было! Я хорошо знаю, что душа её матери живёт в ней. Если в ней жил дух этой великой и удивительной Царицы, она не стала бы для меня менее дорогой, она стала бы мне дороже вдвое! Не бойтесь её, Малькольм Росс; по крайней мере, не остерегайтесь её в большей степени, чем всех остальных из нашей группы!

Маргарет подхватила тему разговора так быстро, что её слова казались продолжением слов её отца.

— Не опасайся меня особенно, Малькольм. Царица Тера знает все и не причинит нам вреда. Я так же уверена в этом, как и в том, что совершенно потерялась в глубинах моей собственной любви к тебе!

Было нечто в её голосе настолько странное для меня, что я быстро поглядел ей в глаза. Они были ясными, как всегда, но отделяли от меня тончайшей вуалью внутреннюю мысль, как глаза льва, помещённого в клетку.

В этот момент в комнату вошли двое других мужчин, и тема беседы сменилась.

Глава 18. Урок «Ка»

В тот вечер мы все рано улеглись спать. Следующая ночь должна была быть беспокойной, и мистер Трелони думал, что мы должны подкрепить свои силы сном, настолько продолжительным, насколько позволяют нам обстоятельства. День тоже должен быть заполнен работой. Все, связанное с Великим Экспериментом, должно было быть завершено, чтобы мы, наконец, могли не беспокоиться о неожиданных погрешностях в своей работе. Конечно, мы договорились о вызове дополнительной помощи, в случае, если таковая понадобится, но я не думал, что кто-либо из нас всерьёз ожидает возникновения опасности. Конечно, мы не страшились такой опасности, как нападение, которого мы боялись во время долгого транса мистера Трелони, когда пришлось организовывать специальную охрану в Лондоне.

Что касается меня самого, я ощущал странное чувство освобождения. Я принял течку зрения мистера Трелони, что если Царица в самом деле была такой, какой мы её себе представляли — такой, какой мы её приняли на веру, — то не было никакого сопротивления с её стороны; ведь мы выполняли её желания до самого конца. Так что у меня было хорошее настроение, гораздо лучшее, чем раньше, когда я считал, что это невозможно для меня в сложившихся обстоятельствах; но появились другие источники беспокойства, которые никак не выходили у меня из головы. Главной среди них было странное состояние Маргарет. Если и вправду её личность вела двойное существование, что может произойти, когда два этих существа сольются в одно? Снова и снова, и снова я перебирал в уме все возможные варианты до тех пор, пока чуть не начал вскрикивать от нервного беспокойства. Для меня не служило утешением воспоминания о том, что сама Маргарет была удовлетворена таким своим существованием, а отец с ним покорно согласился. Любовь, что ни говори, чувство эгоистическое, она отбрасывает чёрную тень на все что угодно, если она стоит между этим «всем» и светом. Я, кажется, уже начал слышать, как стрелки движутся вокруг циферблата, видел, как тьма превращается в

полумрак, а полумрак в серый цвет и серый цвет — в свет; и все это происходило без пауз и помех, усиливая жалкое состояние моей души. Наконец, когда стало возможным достойно и без страха потревожить других встать, то я без промедления этим и воспользовался. Крадучись, прошёл по переходу, чтобы убедиться, что все остальные в полном порядке, — накануне мы условились, что двери каждой комнаты оставим слегка приоткрытыми, так, чтобы любой тревожный звук был бы слышен беспрепятственно и издалека.

Все спали. Я мог слышать равномерное дыхание каждого спящего, и сердце моё радовалось, что эта ужасная ночь закончилась благополучно. Когда я преклонил колени в порыве благодарственной молитвы в своей комнате, то в глубине собственного сердца ощутил, наконец, меру моего страха. Я прошёл через весь дом к выходу и спустился к воде по длинной лестнице, вырубленной в скале. Заплыв в холодное чистое море привёл в некоторый порядок мои нервы, и я снова стал самим собой.

Когда я шёл обратно вверх по лестнице, то мог видеть яркий солнечный свет, который поднимался у меня из-за спины, золотя скалы, лежащие на противоположной стороне залива. И все же настроение моё было несколько тревожным. Все выглядело слишком ярким, как бывает иногда перед самым штормом. Остановившись для того, чтобы ещё раз насладиться открывшимся передо мной простором, я почувствовал прикосновение к плечу чьей-то мягкой руки. Обернувшись, я увидел, что рядом со мной стоит Маргарет, Маргарет, такая же ясная и сверкающая как окружающий нас свет утреннего солнца! В этот раз это была моя Маргарет: моя прежняя Маргарет, безо всякого сплава с кем-то другим, и я почувствовал, что, по меньшей мере, этот последний и фатальный день начался прекрасно.

Но увы! Радость была недолгой. Когда мы вернулись в дом после прогулки по скалам, возобновилась картина вчерашнего дня: мрачность и беспокойство, надежда, воодушевление, глубокая депрессия и апатическая отстраненность.

Но перед нами был ещё один рабочий день; все дружно принялись трудиться, с энергией, которая несла нам утешение.

После завтрака мы собрались в пещере, где мистер Трелони повторил снова, в том же порядке, расположение предметов,

находящихся в нашем распоряжении, объясняя нам при этом, почему каждый предмет находится именно на данном месте. Он принёс с собой огромные свёртки бумаги, на которых были отображены масштабированные планы помещений, знаки и рисунки, которые он восстановил, пользуясь грубыми зарисовками, сделанными им самим и Корбеком. Как он пояснил нам, эти бумаги содержали копии всех иероглифических изображений на стенах, потолках и полах гробницы в Долине Мага.

Мистер Трелони рассказал нам и о других определённых вещах, которые не были изображены на картах. Например, что полая часть стола точно соответствовала дну Волшебной Шкатулки, — видимо, углубление в столе было сделано специально для хранения шкатулки. Соответствующие ножки этого стола были обозначены на полу урэями^[6] различной формы, причём голова каждого животного смотрела в направлении подобного урэя, повторенного на круглой ножке стола. Кроме того, он рассказал нам, что мумия лежит на приподнятой части дна саркофага, видимо, по форме соответствующей её фигуре, головой к западу, а ногами к востоку, в соответствии с направлениями потоков в земле.

Если это было сделано намеренно, — сказал он, — а я предполагаю, что это именно так и было задумано, использовавшаяся сила имела какое-то отношение к магнетизму или электричеству, или к тому и другому. Возможно, какая-то другая сила использована, например, элганация радия. С последним я производил эксперименты, но только с очень малыми количествами, какие мне удалось достать: так или иначе, я абсолютно уверен в том, что камень, из которого сделана шкатулка, абсолютно не поддаётся влиянию этой силы. Должны быть в природе материалы, не поддающиеся такому воздействию. Кажется, радий не проявляет своё воздействие, когда его помещают в смесь дёгтя с цинковой обманкой, и, несомненно, существуют другие подобные субстанции в природе, в которые его можно заключать. Возможно, они принадлежат к классу «инертных» элементов, открытых или отобранных сэром Вильямом Рамзаем. Шкатулка сделана из аэролита, в котором, возможно, содержатся неизвестные нам элементы. Поэтому вполне вероятно, что в ней могут быть заключены некие мощные силы, которые высвобождаются в тот момент, когда шкатулку открывают.

Мистер Трелони замолчал, но, продолжал неотрывно смотреть на шкатулку, как человек, обдумывающий сказанное. После паузы он продолжил:

— Есть одна вещь, которая, должен признаться, до сих пор представляется мне загадкой. Может быть, эта деталь не имеет первостепенной важности, но в таком деле, как наше, где так много неизвестного, надо считать важным буквально все. Я не могу себе представить, что в деле, выполненном с такой необычной скрупулёзностью, могло быть что-то, на что не обратили должного внимания. Как вы можете видеть из плана гробницы, саркофаг расположен вдоль её северной стороны, а Волшебная Шкатулка направлена на юг. Пространство, накрытое этим последним, совершенно лишено символов или орнаментальных украшений какого-либо рода. На первый взгляд кажется естественным объяснить этот факт тем, что рисунки делались после размещения саркофага в усыпальнице, но более внимательный осмотр убеждает: система символических изображений на полу задумана таким образом, чтобы был достигнут совершенно определённый эффект. Посмотрите, вот здесь письма приведены в правильном порядке, как если бы они перепрыгнули через щель. И лишь обратив внимание на некоторые эффекты, начинаешь понимать, что это явление не случайно, оно имеет определённое назначение. В чем заключается это значение — вот что хотелось бы нам узнать. Посмотрите на верх и низ свободного пространства, которое лежит с западной и восточной стороны по отношению к голове и ногам саркофага. Здесь продублированы одни и те же символы, но расположены они так, что части каждой из групп являются цельными частями какой-то другой надписи, идущей наискось. Только когда вам удастся присмотреться как следует, вы различите символический смысл рисунка. Смотрите! Они устроены в углах и центре как наверху, так и на дне. В каждом случае изображено солнце, разрезанное пополам линией саркофага, которая служит как бы горизонтом. Вблизи от этих изображений, помещена ваза, которая в иероглифическом письме означает сердце — «Аб», как называют его египтяне. За каждой из них снова имеется рисунок — пара рук, широко распростёртых и поднятых вверх от локтей; это — графическое обозначение «Ка» или «Двойника». Но их относительное положение различно вверху и на дне. В головах саркофага верх «Ка»

повёрнут в сторону вазы, а в ногах распростёртые руки направлены в сторону, противоположную вазе.

Такое расположение символов означает, по-видимому, что во время прохождения Солнца с Запада на Восток, от заката до восхода, Сердце остаётся материальным даже в гробнице и не может выйти за её пределы, а Двойник, представляющий активный принцип, идёт куда хочет как днём, так и ночью. Если это предположение правильно, оно является предупреждением — сигналом опасности — напоминанием о том, что сознание мумии не отдыхает и с ним следует считаться.

Или, может быть, внушают нам, что после ночи возрождения «Ка» тоже оставит сердце, таким образом, предупреждая, что при возрождении Царица будет восстановлена для чисто физического существования. В таком случае наиболее ценная часть её при возрождении была бы утрачена для мира! Что станет с её памятью, опытом, с её удивительной, странствующей душой? Однако, не это тревожит меня, в конце концов, это всего лишь рабочая гипотеза, и она находится в противоречии с египетской теологией, утверждающей, что «Ка» — существенная часть человеческой личности.

Он помолчал, а мы все ждали. Молчание прервал доктор Винчестер:

— Но не говорит ли все это о том, что Царица опасалась вторжения в её гробницу?

Мистер Трелони и засмеялся, отвечая ему:

— Мой дорогой сэръ, она была подготовлена к этому событию. Грабитель гробниц отнюдь не является современным явлением. Очевидно, такие люди существовали уже во времена её собственной династии. Она не только была готова к вторжению, но, ожидала его. Укрытие ламы в Сердабе и установка мстящего «казначая» свидетельствуют, что была обеспечена защита.

Мы слушали молча. Первой заговорила Маргарет.

— Отец, могу я получить такую карту? Мне бы хотелось как следует изучить её в течение дня!

— Конечно, моя дорогая, — ответил мистер Трелони сердечно, передавая карту дочери. Он возобновил свои инструкции в несколько

другом тоне, сообщая больше фактического материала, в котором уже отсутствовала всякая мистика.

— Я думаю, что бы хорошо, если бы все мы знали схему электрической сети на случай какой-нибудь неполадки. Вы заметили, что мы обладаем полным запасом мощности в каждой части дома, так что не должно быть ни единого тёмного уголка в любом случае. Это я предусмотрел специально. Электрическая мощность вырабатывается группой турбин, движущихся под воздействием разности уровней воды при приливе и отливе, по примеру Ниагарского водопада. Надеюсь, такими действиями мы сведём к нулю вероятность неприятных ситуаций с освещением и сможем всегда располагать полным запасом необходимой мощности. Пройдёмте со мной и я объясню вам систему Цепей и укажу места включений и плавких предохранителей.

Я не мог не заметить, пока мы шли по всему дому, насколько великолепно задумана система и как мистер Трелони оградил себя от любой аварии, которую может вообразить человеческая мысль.

Но именно из самой завершённости этой системы выступал страх! В таком предприятии, как наше, границы человеческой мысли могли представлять из себя что угодно, но уж узостью никак не отличались. За ними находилась только Божественная мудрость и Божественная Власть!

Когда мы вновь вернулись к пещере; мистер Трелони привлёк наше внимание к другой теме:

— Теперь мы должны со всей определённостью установить точный час, когда начнётся Великий Эксперимент. Если наши приготовления завершены, все часы для нас одинаковы. Но если мы должны иметь дело с приготовлениями, сделанными женщиной чрезвычайно острого ума, которая полностью доверяет магии и для которой все имеет тайное значение, мы должны, прежде чем решить этот вопрос, поставить себя на её место. Теперь уже очевидно, что закат солнца имеет важное значение в приготовлениях. Так как эти солнца, вырезанные столь точно с математической точки зрения относительно края саркофага, были согласованы со всем устройством, мы должны соотносить с этим свои действия. Кроме того, мы обнаружили, что цифра 7 играла важную роль в мышлении Царицы, в её рассуждениях и действиях. Логически рассуждая, можно прийти к

выводу, что время, установленное ею, — седьмой час после заката солнца. Это вытекает из того факта, что в каждом случае, когда действия совершались в моем доме, всегда выбиралось именно это время. В Корнуолле наше время определяется как три часа утра! — он говорил об этом как о решённом вопросе и весьма серьёзно, но при этом слова его не содержали никакой мистики; такими же ясными были при этом и его манеры. И все же мы были значительной степени потрясены. Об этом можно было судить по бледности лиц, по тишине и молчанию, с которыми было принято решение. Единственный человек, чувствующий себя при этом спокойно, была Маргарет, которая казалась в отстраненности, но готовой пробудиться при первой же нотке радости. Отец, внимательно наблюдавший за ней, улыбался: для него её настроение было прямым подтверждением его теории. Что касается меня самого, то я был вымотан, кажется, до предела. Точное определение часа, казалось мне, обрекло нас на Страшный Суд. Когда вспоминаю об этом теперь, то понимаю, как чувствует себя человек, приговорённый к казни, что он ощущает в течение своего последнего часа.

Теперь уже не было пути к отступлению! Мы все были в руках Господа!

Руки Господа...! И все же...! Какие другие силы также окружали нас? Что произойдёт со всеми нами, бедными частицами земной пыли, клубящейся на ветру, который налетит и уйдёт, когда никто и знать не будет об этом. Это было не для меня... Маргарет!

Я очнулся при звуках твёрдого голоса мистера Трелони:

— Теперь рассмотрим вопрос о светильниках и закончим наши приготовления.

Мы сели за работу и под его наблюдением подготовили египетские лампы, проверяя, хорошо ли они заполнены кедровым маслом, должным ли образом отрегулированы в них фитили и все ли в них находится в должном порядке. Мы одну за другой проверяли лампы и оставили в таком состоянии, что их можно было зажечь мгновенно и одновременно. Когда с этим было закончено, был произведён общий осмотр всего окружающего; все было готово к работе этой ночью.

Приготовление заняли довольно много времени, думаю, все удивились не меньше меня, когда, выбираясь из пещеры, услышали,

как громадные часы в холле пробили четыре.

Мы поздно позавтракали — явление, не вызывавшее ни малейшей тревоги у нашего интенданта в настоящее время, — и по совету мистера Трелони разошлись по своим комнатам: каждый должен был по-своему подготовиться к тревогам и напряжению предстоящей ночи. Маргарет выглядела бледной и измождённой, так что я посоветовал ей лечь и постараться уснуть. Она обещала последовать моему совету. Рассеянность, которая сопровождала её в течение всего дня, окутывая, как туманом, ненадолго исчезла; со свойственной ей прелестью и деликатностью она поцеловала меня и пожелала спокойной ночи! С ощущением счастья, охватившим меня, я вышел из дому прогуляться по скалам. Мне не хотелось думать; у меня появилось инстинктивное чувство, что свежий воздух, свет солнца и мириады красот, созданных рукой Творца, могут наилучшим образом укрепить меня и подготовить к предстоящим событиям.

Когда я вернулся, вся группа собралась для вечернего чая. Свежий от прогулки, я вошёл в приподнятом настроении, которым всегда меня одаряла природа; почти приблизившись к концу столь странного предприятия, мы все так же монотонно были привязаны к нуждам и привычкам своей обыденной жизни.

Все мужчины нашей группы казались угрюмыми; время заточения, даже если и давало им отдых, одновременно позволяло задумываться. Маргарет была весела, почти жизнерадостна; но мне не хватало её обычной доброжелательности. По отношению к себе я чувствовал тень некоторого равнодушия, что снова наводило меня на мрачные мысли. Когда с чаем все было закончено, она вышла из комнаты, но через минуту вернулась со свёртком рисунков, с которыми не расставалась весь день. Пройдя близко к мистеру Трелони, она сказала:

— Отец, я тщательно продумала все то, что вы сказали сегодня о скрытом значении этих солнц, и сердец, и «Ка», и снова просмотрела все эти рисунки.

— И каковы же результаты, дитя моё? — с любопытством спросил мистер Трелони.

— Здесь возможно и другое толкование!

— Какие же именно? — его голос дрожал от нетерпения и беспокойства.

Маргарет отвечала странным звенящим голосом, и этот звон в голосе предупреждал: в том, что она собирается рассказать, заключается истина.

— Это означает, что при закате солнца «Ка» входит в «Аб», и только после рассвета «Ка» покинет «Аб».

— Продолжай, — попросил отец хриплым голосом.

— В эту ночь Двойник Царицы, всегда свободный, останется в её сердце, которое смертно и не может покинуть место своего заключения в усыпальнице мумии. Когда Солнце упадёт в море, Царица Тера перестанет существовать до тех пор, пока Великий Эксперимент не вернёт её из сна к жизни после пробуждения. Вам и вашим друзьям нечего опасаться её. Вовсе не следует ожидать ничего дурного от бедной, беспомощной, мёртвой женщины, которая все эти столетия отдала за грядущий час в надежде на новую жизнь в новом мире, о котором она так страстно мечтала...!

Внезапно Маргарет замолчала. Когда она продолжила свою речь, в её словах появилась какая-то странная интонация, и прежде, чем она отвернулась, я успел заметить слезы в её глазах.

Вначале сердце отца не откликнулось на чувства дочери. Он выглядел возбуждённым, но на его лице отразилась тень угрюмой властности, напомнившая мне суровость его облика во время транса. Он не попытался утешить дочь, видя её глубокое сострадание Царице, только сказал:

— Мы должны проверить точность твоего предположения о её чувствах, когда наступит время!

Сказав все это, он поднялся по каменной лестнице и вошёл в свою комнату. Маргарет тревожным взглядом проследила за его уходом.

Как ни странно, но её тревога на сей раз не затронула меня так быстро и глубоко, как обычно.

Когда мистер Трелони удалился, в комнате воцарилась тишина. Не думаю, что кому-нибудь из нас хотелось говорить. Маргарет ушла в свою комнату, а я вышел на террасу, смотрящую на море. Свежий морской ветер и прелесть пейзажа, окружавшего меня, помогли восстановить хорошее настроение, в котором я пребывал ранее в тот день. Теперь я по-настоящему радовался, уверившись, что опасность, которой я страшился и которую могла навлечь на нас потревоженная в

эту ночь Царица, более нам не угрожает. Меня убедила в этом вера Маргарет, убедила настолько прочно, что мне даже не пришло в голову проверять логику её предположений. В прекрасном состоянии духа и практически не ощущая беспокойства, угнетавшего меня все последние дни, я прошёл в свою комнату и прилёг на софу.

Меня разбудил Корбек, поспешно обратившийся ко мне:

— Спускайтесь в пещеру как можно быстрее. Мистер Трелони хочет нас всех сейчас же видеть. Поспешите!

Я спрыгнул с софы и стал бегом спускаться в пещеру. Там были уже все, кроме Маргарет, вошедшей сразу после меня и нёсшей на руках Сильвио.

Как только он увидел своего старого врага, тут же попытался освободиться из её рук, чтобы спуститься на пол, но Маргарет прочно удерживала и успокаивала его. Я поглядел на часы. Было около восьми.

Когда Маргарет присоединилась к нам, её отец сказал прямо, с тихой настоятельностью, которая была внове для меня:

— Ты веришь, Маргарет, что Царица Тера по своей воле решила расстаться со своей свободой? Стать мумией и больше ничем, до сих пор пока не закончится эксперимент? Быть спокойной при любых обстоятельствах, в то время как она лишится всякой власти до тех пор, пока акт возрождения не будет завершён. А ведь он может закончиться и неудачно?

После паузы Маргарет тихо ответила:

— Да!

Во время этой паузы все её существо, внешность, выражение лица, голос, манеры — все изменилось. Даже Сильвио почувствовал это и, употребив неистовые усилия, вывернулся из её рук; она, казалось, даже не заметила этого. Я ожидал, что кот, освободившись, атакует мумию, но на этот раз ничего такого не произошло. Казалось, он боится приблизиться к ней. Сжался в комок и отступил, жалобно мяукая, затем начал тереться о мои ноги. Я взял его на руки, и, устроившись у меня на коленях, он успокоился. Мистер Трелони заговорил снова:

— Ты уверена в том, что говоришь? Ты веришь в это всей своей душой?

Лицо Маргарет утратило рассеянное выражение; сейчас оно казалось освещённым той преданностью, которую ощущает человек, чувствуя необходимость или предназначение говорить о великих вещах. Она ответила голосом, хотя и тихим, но вибрирующим от убеждённости.

— Я знаю это! Моё знание превосходит мою веру!

Мистер Трелони заговорил снова:

— Если ты столь уверена, то, будь ты сама Царица Тера, хотела бы доказать любым возможным способом своё согласие?

— Да, любым способом! — ответ прозвенел бесстрашно.

Он заговорил снова, голосом, в котором не было и тени сомнения:

— Даже отказавшись от своего Гадателя, послав его на смерть, уничтожив его?

Она помолчала, и я мог заметить, что она страдает — страдает ужасно. В её глазах я видел выражение загнанного зверька, которое ни один человек, не сочувствуя, не мог видеть в глазах своей возлюбленной. Я был готов прервать этот мучительный разговор, когда глаза её отца, оглядев всех вокруг со свирепой определённой уверенностью, встретились с моими. Я встал молча, почти очарованный, то же произошло с другими мужчинами. Что-то происходило перед нами, чего мы совершенно не понимали!

Большими шагами мистер Трелони прошёл к стене пещеры и отодвинул ставень, закрывавший окно. Холодный воздух проник в помещение, и солнечный свет озарил их обоих, ибо рядом с ним стояла теперь и Маргарет. Он указал на солнце, которое погружалось в море в ореоле золотого огня, и его лицо было твёрдо, как камень. С абсолютной бескомпромиссной твёрдостью голосом, подобного которому уши мои не услышат до самой смерти, он сказал:

— Выбирай! Говори! Когда солнце целиком погрузится в море, будет слишком поздно!

Великолепие умирающего солнца, казалось, осветило лицо Маргарет, пока оно не засияло, будто внутри неё горел какой-то благородный огонь, когда она ответила:

— Даже тогда!

Затем, подойдя к маленькому столику, на котором лежала мумия кота, она положила на неё руку. Маргарет отошла от солнечного света,

и тени вокруг не казались тёмными и глубокими. Ясным голосом она произнесла:

— Если бы я была Терой, я бы сказала «Забери все, чем я обладаю! Эта ночь существует только для одного Бога!»

В то время как она произносила эти слова, солнце погрузилось полностью в воду, и внезапно все мы оказались в глубокой тени. Некоторое время мы стояли в полной тишине. Сильвио спрыгнул с моих рук и побежал в своей хозяйке, отскакивая от её платья и как бы просясь, чтобы она взяла его на руки. Он не обращал теперь никакого внимания на мумию.

Маргарет светилась своей бесподобной прелестью, когда печально сказала:

— Солнце опустилось, отец! Увидит ли кто-нибудь из нас его снова? Наступила ночь всех ночей!

Глава 19. Великий эксперимент

Если требуется свидетельство о том, как каждый из нас и все вместе мы пришли к вере в духовное существование Египетской Царицы, его можно было бы обнаружить в тех изменениях, которые всего за несколько минут произошли в нас после её добровольного отречения, сделанного, как все мы поверили, через Маргарет. Несмотря на приближение страшной пытки, о чем невозможно было забыть, мы выглядели и действовали так, будто на нас снизошла великая благодать. Ведь на самом деле мы жили в условиях настоящего террора в течение тех дней, когда мистер Трелони находился в трансе, и это ощущение тогда буквально вьелось в наши души. Никто не в состоянии представить его, пока не испытает сам, что такое находиться в постоянном жутком ожидании какой-то неизвестной опасности, которая поджидает тебя в любой момент и в любой форме.

Изменение проявилось по-разному, в соответствии с каждой натурой. Маргарет была печальна. Доктор Винчестер — в приподнятом настроении и весьма наблюдателен; мистер Корбек находился скорее в задумчивом, чем анализирующем настроении. Сам я склонялся к веселью; освобождение от беспокойства в отношении Маргарет было достаточным для меня, по крайней мере, на некоторое время.

Что же касается мистера Трелони, он меньше всех поддавался переменам. Это было вполне естественно, ведь он в течение многих лет вынашивал намерение воплотить в жизнь то, что сегодня нам предстояло совершить; любое событие, связанное с этим, могло казаться ему лишь эпизодом, шагом к конечной цели. Его натура несла в себе огромный заряд лидерства, он ни разу не выражал сомнения по поводу задуманного дела. Мистер Трелони попросил мужчин пройти вместе с ним; из холла мы умудрились внести в пещеру дубовый стол, довольно длинный, но не слишком широкий, который стоял вдоль стены в холле. Мы поставили его в центре пещеры под группу ламп, ярко освещавших середину пещеры. Маргарет некоторое время наблюдала за нашими действиями, затем

внезапно её лицо побледнело, и возбуждённым от волнения голосом она сказала:

— Что вы собираетесь делать, отец?

— Развернуть мумию кота! Царице Тере сегодня ночью не понадобится её Гадатель. Если она захочет иметь его при себе, это было бы опасным для нас, так что мы хотим обезвредить его. Ты не тревожишься, дорогая?

— О, нет! — быстро ответила она. — Но я подумала о своём Сильвио, о том, что бы я почувствовала, если бы это он был мумией, которую сейчас начнут распеленывать!

Мистер Трелони приготовил ножи и ножницы и положил кота на стол. Это начало нашей работы носило мрачный характер; моё сердце опустилось, когда я подумал о том, что могло произойти в этом одиноком доме в середине ночи. Чувство одиночества и ощущение изоляции от всего мира усиливалось от завывания ветра и от биения волн о скалы внизу. Но перед нами стояла слишком мрачная задача, чтобы на нас могли воздействовать внешние угрожающие условия: началось распеленывание мумии.

Количество бандажей казалось бесчисленным, и звук рвущегося материала — слои были склеены чем-то вроде битума, смолы и другими пахучими веществами — и маленькое облачко ароматной красной пыли, подымавшейся над нами, воздействовали на чувства каждого из нас. Когда сняли последний бандаж, наконец мы увидели животное, сидящее перед нами. Оно было все изогнуто кверху, его шерсть, зубы и когти полностью сохранились. Глаза были закрыты, но веки не казались такими свирепыми, как это мне представлялось. Усы были прижаты вниз с помощью бандажей, но, когда бандажи сняли, они снова встопорщились, как, наверное было при его жизни. Он представлял собой великолепное создание — тигровой кот огромных размеров. Но в то время как мы разглядывали его, наше восхищение сменилось чем-то, похожим на страх, и по каждому из нас пробежала дрожь; здесь было подтверждение тех страхов, которые мы должны были пережить.

Его рот и когти были запачканы сухими красными пятнами недавно пролитой крови!

Первым пришёл в себя доктор Винчестер: для него кровь сама по себе была достаточно привычным явлением. Он вынул

увеличительное стекло и начал рассматривать пятна. Мистер Трелони громко дышал, словно освободившись от какого-то напряжения.

— Это то, чего я ожидал, — сказал он, — это обещает хорошие результаты последующих исследований.

Доктор Винчестер, рассматривая пятна на лапах кота, произнёс:

— Как я и ожидал! У него тоже по семь когтей!

Открыв свою записную книжку, он вынул кусок промокательной бумаги с отпечатками когтей Сильвио, на которой также были зарисованы следы царапин с запястья мистера Трелони. Он подложил бумагу под лапу мумии. Отметки когтей прекрасно совпадали.

Когда мы тщательно осмотрели кота, не обнаружив в нем, однако, ничего особенного, кроме того, что мумия была превосходной сохранности, мистер Трелони поднял его со стола. Маргарет подскочила к нему, крикнув:

— Будь осторожен, отец! Будь осторожен! Он может поранить тебя!

— Не теперь, моя дорогая! — ответил он, двигаясь в направлении лестницы. Её охватил страх.

— Куда ты идёшь? — спросила она слабеющим голосом.

— На кухню, — ответил он. — Огонь уничтожит всю его опасность в будущем; даже астральное тело не может материализоваться из пепла!

Он подал нам знак следовать за ним. Маргарет отвернулась рыдая. Я подошёл к ней, но она повернула меня спиной к себе и прошептала:

— Нет, нет! Иди с остальными. Ты можешь понадобиться отцу. Ох! Это так похоже на убийство! Бедный любимец Царицы... — Слезы бежали из-под пальцев, которыми она прикрывала глаза.

В кухне уже все было готово: огонь, который спичкой поднёс к печи мистер Трелони, в течение нескольких секунд разжёл растопку, и всколыхнулось пламя. Когда огонь стал постоянным и пламя выровнялось, он бросил в него тело кота. В течение нескольких секунд оно лежало тёмной массой в языках огня, а комната заполнялась запахом Жжёной шерсти. Затем огонь захватил и сухое тело. Вещества, использованные при бальзамировании, обратились в дополнительное горючее, и пламя зарычало с новой силой. Ещё

несколько минут свирепого пламени, а затем все мы вздохнули спокойно. Гадателя Царицы Теры более не существовало!

Когда мы вернулись в пещеру, Маргарет спала в темноте. Она выключила электрический свет, и только едва заметные вечерние лучи света проникали сквозь узкие щели в стенах. Отец быстро подошёл к ней и обнял, словно защищая. Она опустила голову ему на плечо и казалась более спокойной. Затем подозвала меня:

— Малькольм, включи свет!

Я выполнил её приказ и теперь мог видеть, что, хотя она и плакала, её глаза были уже сухими. Отец тоже это заметил и обрадовался. Он сказал нам торжественным тоном.

— Теперь мы лучше подготовлены к нашей великой работе. Нельзя оставлять ничего важного до последней минуты!

Маргарет, должно быть, подозревала о том, что происходит, так как спросила слабым голосом:

— А что вы собираетесь теперь делать?

Мистер Трелони, видимо, понимая её состояние, тихо ответил:

— Распеленать мумию Царицы Теры!

Маргарет подошла к нему ближе и прошептала умоляющим тоном:

— Отец, ведь вы не собираетесь распеленывать её! Ведь вы все мужчины...! И все это на фоне сверкающего света!

— Но почему бы и нет, дорогая?

— Ты только подумай, отец, она ведь женщина! Совсем одна. В таком виде! В таком месте! Ох! Это жестоко, это так жестоко!

Она была совершенно измучена своими переживаниями. Её щеки горели ярким румянцем, а глаза наполнились негодующими слезами. Отец увидел её отчаяние и, сочувствуя, начал успокаивать. Я хотел отойти, но он знаком показал мне, чтобы я остался. Я понял этот жест, как мужское желание свалить на кого-то другого задачу успокоения женщины, находящейся в состоянии раздражающего отчаяния: обычно в таких ситуациях мужчина просит помощи у другого. Однако он начал с того, что сам стал успокаивать её:

— Не женщина, дорогая, а мумия! Она умерла около пяти тысяч лет назад!

— Что это меняет? Пол не зависит от срока! Женщина есть женщина, если она и умерла пять тысяч лет назад! К тому же вы

ожидаете, что она поднимется после столь долгого сна. Значит, это не было настоящей смертью, если она собирается возродиться после неё. Ты всегда внушал мне, что она встанет живой, если удастся открыть шкатулку!

— Да, так это и было, дорогая, и я в это верю! Но если она не умерла тогда, то, что происходило с ней в течение этих лет, невероятно похоже на смерть. Подумай сама, ведь бальзамировали её мужчины. В Древнем Египте, моя дорогая, не существовало прав женщин или женщин-врачей. И кроме того, — продолжал он более спокойно, видя, что она принимает его аргументы, если и не соглашается с ним, — мы, мужчины, привыкли к таким вещам. Корбек и я уже распеленали сотни мумий, и среди них было столько же женщин, сколько и мужчин, так что привычка отучила нас думать о поле. Даже Росс в своей работе адвоката... — внезапно он остановился.

— Ты тоже собираешься помогать им? — спросила она меня с раздражением.

Я ничего не ответил; в таких случаях молчание — лучшее лекарство. Мистер Трелони неторопливо продолжал, хотя часть его аргументов, касающаяся работы адвоката, становилась решительно слабой, когда он попытался вразумить дочь:

— Моё дитя, ты будешь сама присутствовать при этом. Неужели мы будем творить с ней хоть что-нибудь, что могло бы оскорбить тебя или причинить тебе боль? Пошли с нами! Постарайся вести себя разумно. Мы идём не на развлекательный вечер Мы все серьёзные люди, начинающие весьма важный эксперимент, который может открыть для нас мудрость древних времён и беспредельно увеличить человеческие знания. Эти новые знания могут направить разум человеческий на неизведанные пути философии и исследований. Предстоящий эксперимент, — по мере продолжения речи голос его углублялся, — может повлечь смерть любого из нас, всех нас! Мы знаем из прошлого опыта, что существует или может существовать огромное количество опасностей, угрожающих нам, и никто в этом доме не представлял, когда этому всему придёт конец. Пойми, дитя моё, что мы приступаем к этому эксперименту не с лёгкой душой, но со своей серьёзностью глубоко заинтересованных в нем людей! Кроме того, моя дорогая, какие бы чувства ты или любой из нас ни

испытывал по этому поводу, необходимо для успеха эксперимента раскрыть мумию. Я думаю, что при любых обстоятельствах необходимо снять с неё эти пелены, прежде чем она снова станет живым существом вместо того, чтобы оставаться одухотворённым трупом с астральным телом. Если будут выполнены её первоначальные намерения и она выйдет в новую жизнь, обернутая во все эти пелены, в которые оборачивают мумии, она умрёт смертью человека, похороненного заживо! Но теперь, когда она по собственному желанию временно отдаёт свою астральную власть, не может быть никаких сомнений по этому поводу.

Лицо Маргарет прояснилось.

— Хорошо, отец! — сказала она, целуя его. — Но мне все равно, кажется, что это величайшее оскорбление для Царицы, для женщины.

Я направлялся к лестнице, когда она окликнула меня:

— Куда ты идёшь?

Я вернулся к ней, взял её руку и, поплаживая, ответил:

— Я вернусь, когда распеленывание будет закончено!

Маргарет долго смотрела на меня, и что-то похожее на лёгкую улыбку появилось на её лице, когда она сказала:

— Возможно, лучше бы тебе остаться тоже! Это может оказаться полезным для твоей работы в качестве адвоката! — Она засмеялась, встретившись со мной глазами, но в одно мгновение её настроение переменилось. На лице появилось серьёзное выражение, она смертельно побледнела и тихо она произнесла: — Отец прав! Это ужасная ситуация, необходимо, чтобы все мы отнеслись к ней серьёзно. Но все равно, нет именно по этой причине, ты лучше оставайся с ними, Малкольм! Позже ты будешь радоваться, что сегодня присутствовал при этом!

Моё сердце падало вниз, вниз, пока я слушал эти слова; но я подумал, что лучше мне не отвечать на них ничего. Уже и так достаточно плотная атмосфера страха сгустилась над нами!

К этому времени мистер Трелони, с помощью мистера Корбека и доктора Винчестера подняли крышку саркофага, сделанную из железной руды. В саркофаге находилась мумия царицы. Она была больших размеров, широкая, длинная и высокая: весила она столь много, что даже для нас, четверых мужчин, поднять её из саркофага

оказалось нелёгкой задачей. Под руководством мистера Трелони мы положили её на стол, подготовленный заранее для этой цели.

Тогда и только тогда, весь ужас этого занятия навалился на моё сознание! При ослепительном свете материальная сторона смерти оказалась потрясающе реальной. Наружные пелены, разорванные и растянутые нашими руками, потемневшие либо от пыли, либо от времени, казались сморщенными из-за грубого с ними обращения; зазубренные края внешних слоёв ткани придавали ей вид лохмотьев; раскраска сохранилась в виде отдельных пятен, а лак местами скололся. Очевидно, количество обёрнутых слоёв было огромным. Но через все эти слои проглядывали нескрываемые формы человеческого тела, которые, казалось, выглядели ещё более ужасными из-за того, что часть их была скрыта. То, что лежало перед нами, была сама смерть, и ничто другое. Весь романтический и таинственный ореол смерти исчез у нас на глазах. Два более старых человека, энтузиасты, которые не в первый раз в жизни занимались таким делом, не были столь сильно выбитыми из колеи, как я; доктор Винчестер, казалось, пребывал в деловом настроении, как будто стоял над операционным столом. Но я совсем раскис, и мне было стыдно и жаль всех, самого себя в том числе; кроме того, мне доставляли боль жуткая бледность Маргарет и её встревоженность.

Работа шла медленно. Распеленывание мумии кота, конечно, снабдило меня некоторым опытом, но эта мумия была намного больше и завёрнута куда более искусно. К тому же, кроме все время присутствующего осознания смерти и негуманности происходящего, добавилось ощущение, что мы имеем дело с чем-то более утончённым по сравнению с предыдущим процессом. Кот был забальзамирован с использованием более грубых веществ; здесь же все под первыми слоями снятых покрытий оказалось выполненным гораздо более деликатно. Казалось, что самые лучшие смолы и специи использовались при этом бальзамировании. Но оставалось то же самое окружение, та же самая сопутствующая красная пыль и густые ароматы битумов, здесь были те же звуки, когда происходили разрывы бандажей. Этих бандажей было совершенно невероятное количество, а их толщина превосходила все наши ожидания, когда мы увидели разрезанными все слои. Пока разворачивали их, я приходил во все большее волнение. Сам я не принимал в этом процессе участия;

Маргарет посмотрела на меня с благодарностью, когда я отстранился от стола. Мы сомкнули руки и сжимали их очень сильно. Чем глубже происходило распеленывание, тем тоньше оказывались ткани, а запахи содержали меньше битума, но были более приятными. Все мы начали чувствовать, что это занятие захватило или затронуло нас каким-то особенным образом. Это, однако, никак не отражалось на работе: работа продвигалась непрерывно. Некоторые из внутренних покрытий были украшены какими-то символами и картинами. Эти последние иногда были целиком выполнены в бледно-зеленом цвете, иногда они были многоцветными, но везде превалировал зелёный цвет. То и дело мистер Трелони и мистер Корбек обращали наше внимание на какой-нибудь особенный рисунок, прежде чем отложить эту пелену в лежащую за ними груды, которая постепенно возвышалась до чудовищных размеров.

Наконец мы поняли, что распеленывание приближается к завершению. Уже пропорции уменьшились до почти нормальных размеров, соответствующих росту Царицы, которая, как известно, была выше среднего роста. И по мере того, как приближался конец, бледность Маргарет усиливалась, её дыхание становилось все более учащённым, пока грудь не стала вздыматься настолько сильно, что это напугало меня.

Как раз в то время, когда мистер Трелони снимал последний бандаж, он, взглянув на Маргарет, заметил её болезненный и беспокойный взгляд и сказал успокаивающим тоном:

— Не переживай столь сильно, дорогая! Смотри! Здесь нет ничего, что могло бы причинить тебе вред. Царица была одета в мантию.

Последняя пелена представляла собой широкий кусок материи, длина которого равнялась длине тела. Когда её сняли, перед нашими глазами возникла расточительно широкая мантия из белого полотна, покрывавшего тело от шеи до ступней.

И какое прекрасное полотно! Мы все нагнулись, чтобы получше рассмотреть его.

Маргарет забыла о своих переживаниях, проявляя чисто женский интерес к прекрасной ткани. Впрочем, все остальные тоже смотрели на мантию с восхищением: ведь такое полотно никогда не видели глаза человека из нашего века, было такое же тонкое, как тончайший

шёлк, и ложилось столь же великолепными складками, хотя несколько смялось под верхними слоями ткани, упеленывавшими мумию, и затвердело за прошедшие тысячи лет.

Вокруг шеи мантия была искусно расшита чистым золотом с крошечными вплетениями веточек смоковницы, а вокруг ступней, при такой же вышивке, были уложены бесконечные ветки лотоса неравной длины, со всей беспорядочной прелестью натуральных растений.

Поверх мантии, не окружая тело, лежал пояс из драгоценных камней. Удивительный пояс, сверкавший и мерцавший всеми цветами небес!

Пряжкой для пояса служил огромный камень жёлтого цвета, круглой формы по внешней границе, глубокий и изогнутый, как если бы это был глобус, запрессованный в оправу. Он сиял и мерцал, как будто внутри него находилось настоящее солнце: лучи его света, казалось, вырывались наружу и освещали все вокруг. По бокам от него были укреплены два огромных лунных камня меньшего размера, их мерцание, рядом с сиянием солнечного камня, было подобно серебристому сиянию лунного света.

Кроме того, на каждой стороне, соединённые золотыми застёжками, великолепной формы, струились нити сверкающих драгоценных камней, из которых, казалось, исходил самостоятельный свет. Каждый из этих камней как будто заключал в себе живую звезду, которая сверкала изменчивым светом.

Маргарет в экстазе всплеснула руками. Она нагнулась над столом, чтобы рассмотреть все повнимательней, но вдруг отклонилась назад, полностью выпрямившись во весь свой довольно высокий рост. Когда она заговорила, в её голосе звучала убеждённая абсолютного знания:

— Это не похоронный наряд! Он не мог быть изготовлен для обрядов мёртвых! Это — свадебный наряд!

Мистер Трелони наклонился и дотронулся до полотна мантии. Он приподнял складку возле шеи, и я догадался по его внезапному вздоху, что его что-то удивило. Он приподнял складку ещё выше, затем тоже выпрямился и, указывая вниз, сказал:

— Маргарет права! Это платье не следовало надевать на мёртвое тело. Посмотрите! Её тело не одето в эту мантию. Она просто лежит поверх её тела.

Он приподнял нить драгоценных камней и передал её Маргарет. Затем обеими руками приподнял роскошную мантию и положил поперёк её рук, которые она распротёрла в порыве неодолимого восторга. Предметы такой прелести были слишком редкостны, чтобы прикасаться к ним без величайшего уважения и восторга.

Все мы стояли, потрясённые прелестью фигуры, которая лежала перед нами совершенно обнажённая, за исключением прикрытой пеленами головы. Мистер Трелони вновь наклонился и руками, слегка дрожащими от волнения, поднял эту пелену, которая была изготовлена из такого же полотна, что и сама мантия. Когда он отступил от стола и перед нами предстала вся прославленная красота Царицы, я почувствовал, как меня окатила волна стыда. Было несправедливо, что мы все присутствовали здесь, глядя равнодушными глазами на такую несравненную красоту: это было недостойное деяние, это было почти святотатство. Белоснежное чудо этой великолепной формы было самым воплощением мечты о прекрасном. Это вовсе не походило на смерть: она была как статуя, вырезанная из слоновой кости рукой Праксителя. Не было никакого усыхания, которое смерть устраивает телу умершего с самого первого момента угасания жизни. Не было видно никаких окаменевших морщин, которые, казалось, должны были представлять главную особенность для большинства мумий. Не было заметно ни малейшего размягчения тела, высушенного в песке, какие я наблюдал раньше, разглядывая мумии, выставленные в музее. Все поры тела, казалось, сохранились в совершенно идеальном виде. Плоть была наполненной и округлённой, как у живого человека, а кожа гладкой, как бархат. Цвет тела казался самым совершенством. Он напоминал цвет слоновой кости, молодой кости, везде, за исключением того места, где правая рука с разможенной, забрызганной кровью кистью без исчезнувшей ладони пролежала обнажённая в саркофаге в течение нескольких десятков веков.

С чисто женским импульсивным жестом, с опущенными от жалости углами губ, с глазами, сверкающими от гнева, и разгорячёнными щеками, Маргарет накинула на тело прекрасную мантию, закрыв изуродованную руку. Оставалось видным только лицо. Оно было ещё восхитительнее, чем её тело, потому что производило впечатление одухотворённого и живого. Глаза были закрыты, но длинные, чёрные, загибающиеся вверх ресницы лежали

веером на её щеках. Ноздри, имеющие гордую, благородную форму, казалось, были столь спокойны, что их покой, когда такой видишь в жизни, кажется более абсолютным, чем тот, который приносит смерть. Полные, красные губы, хотя рот и не открыт, приоткрывали тончайшую линию жемчужных зубов внутри. Её волосы необычайной густоты, чёрные и блестящие, как вороново крыло, были приподняты большими прядями над белоснежным лбом, из них выбивалось несколько лёгких локонов. Я был потрясён её сходством с Маргарет, хотя уже был подготовлен к нему словами мистера Корбека, цитировавшего к её отцу. Эта женщина — я не мог говорить о ней как о мумии или трупе — была воплощением образа Маргарет, когда я впервые её увидел. Сходство увеличивалось украшением из драгоценных камней, которое она носила в своих волосах, «Диск и Пламя», такое же, какое было на голове Маргарет. Это тоже была великолепная драгоценность; одна благородная жемчужина с лунным блеском, окружённая кусками лунного камня с гравировкой.

Мистер Трелони выглядел так, как будто у него вовсе не оставалось физических сил. Он был совершенно разбит. И когда Маргарет, успокаивая, обняла его обеими руками, я услышал, как он прошептал совершенно обессиленным голосом:

— Она выглядит так, будто это ты умерла, моё дитя!

Воцарилось длительное молчание. Я слышал, несмотря на рёв ветра, перешедшего в бурю, неистовое биение волн о скалы далеко внизу. Голос мистера Трелони обратился в заклинания:

— Позже мы сможем попытаться исследовать процесс бальзамирования. Он совсем не похож на те, которые мне доводилось изучить. Кажется, нет надрезов для извлечения связок и внутренних органов, которые, видимо, остались нетронутыми. Кроме того, ткани тела совсем не содержат влаги, но влага заменена чем-то другим, как будто воск или стеарин каким-то очень точным методом ввели через вены. Я думаю, не был ли это парафин, потому что к тому времени они могли знать кое-что о парафине. Посредством какого-то процесса, о котором мы пока не имеем никакого представления, они могли закачать его в вены, где он и отвердел!

Маргарет, накрыв тело Царицы небольшой белой простыней, попросила нас перенести его в свою собственную комнату. Затем она попросила нас удалиться, говоря:

— Оставьте её наедине со мной. Должно пройти ещё много часов, и мне бы не хотелось оставлять её одну, совершенно обнажённую, освещённую ярким светом. Может быть, она приготовилась к встрече с Женихом — Женихом Смерти; и по крайней мере, она будет в этих прекрасных одеяниях.

Когда она затем привела меня в свою комнату, мёртвая Царица была одета в мантию из тонкого полотна с золотым шитьём, и все её великолепные драгоценности были на месте. Вокруг неё стояли зажжённые свечи, а на её грудь Маргарет положила белые цветы.

Рука в руке мы простояли некоторое время возле неё. Затем со вздохом Маргарет отвернулась и мягко прикрыла дверь, вместе со мной присоединилась к остальным, которые теперь собрались в столовой. Здесь мы возобновили разговор о том, что было, и о том, что ещё должно будет произойти.

Время от времени я чувствовал, как кто-либо из нас интенсивность беседы, словно не был уверен в своих самых важных убеждениях. Долгое ожидание начало сказываться на состоянии наших нервов. Для меня стало очевидным, что мистер Трелони выстрадал в своём трансе гораздо больше, чем мы подозревали или о чем он нашёл нужным рассказать нам. Правда, его воля и целеустремлённость были столь же сильны, как всегда, но чисто физически он заметно сдал. Конечно, такое положение вещей было совершенно естественным. Ни один человек не смог бы пройти через период из четырех дней совершенного отрицания жизни без того, чтобы не почувствовать некоего ослабления организма.

По мере того, как проходили часы ожидания, время текло все более и более медленно. Другие мужчины, не сознавая этого, начали ощущать сонливую усталость. Я пытался понять, не было ли это гипнотическим влиянием самой царицы, которое некогда испытали мистер Трелони и мистер Корбек. Доктор Винчестер испытывал периоды отстраненности, которые удлинялись и учащались с течением времени.

Что касается Маргарет, тревога ожидания сказалась на её состоянии чрезвычайно значительно, что было естественным для женщины. Она бледнела и бледнела, пока наконец около полуночи я не начал серьёзно беспокоиться за неё. Я увёл её в библиотеку и уговаривал прилечь ненадолго на софу. Когда мистер Трелони решил,

что эксперимент должен был начаться точно через семь часов после захода солнца, это соответствовало трём часам ночи. Даже если оставить целый час для окончательных приготовлений, нам предстояло ещё два часа волнений, и я клятвенно обещал Маргарет, что разбужу её в любое время, какое она укажет. Однако она не хотела и слышать об этом. С улыбкой поблагодарила меня, но заверила, что спать ей не хочется, что она вполне способна выдержать оставшиеся часы ожидания и что только ожидание и волнение вызывали бледность на её лице. Я согласился, хотя и через силу, но заставил её разговаривать со мной в библиотеке гораздо более часа; так что, когда она настояла наконец на том, чтобы мы вернулись в комнату отца, я чувствовал, что, по крайней мере, сделал что-то, чтобы помочь скоротать время ожидания.

Мы нашли трех мужчин, сидящих в молчаливом терпении. С чисто мужской твёрдостью они согласны были пребывать в покое, когда осознали, что сделали все, что было в их власти. Итак, нам оставалось только ждать.

Когда пробило два часа, это вроде бы нас несколько освежило. Все тени, казалось, кружившие вокруг нас в течение предшествующих часов мгновенно исчезли, и мы начали исполнять свои обязанности. Тщательно и быстро. Сначала оглядели окна и убедились, что все они закрыты, затем подготовили наши респираторы, чтобы надеть их, когда наступит определённое время. Мы с самого начала уговорились их использовать, так как не знали, не будут ли выходить какие-нибудь отравляющие газы из шкатулки, когда она будет открыта. При этом никому из нас почему-то не приходило в голову, что существуют некоторые сомнения, сможем ли мы её открыть вообще.

Затем под управлением Маргарет мы перенесли мумифицированное тело Царицы Теры в комнату мистера Трелони и положили её на диван. Жестоко повреждённая рука Царицы была помещена в прежнее положение ей на грудь, и под руки положили рубин из Семи Звёзд, который мистер Трелони предварительно вынул из сейфа. Он вспыхивал и сверкал, когда возвращали его на место.

Все это имело достаточно странный вид, и сам опыт был странным. Мрачные и молчаливые мужчины подняли белую неподвижную фигуру, выглядевшую, как статуя из слоновой кости (во время нашего продвижения с неё спала простыня) и унесли её прочь

от зажжённых свечей и белоснежных цветов. В комнату, где сияние электрических огней было направлено на огромный саркофаг, установленный в центре помещения, готового для окончательного эксперимента, основанного на исследованиях двух учёных-путешественников, посвятивших этому эксперименту свою жизнь. Снова сходство между Маргарет и мумией, усиленное ещё в большей степени её собственной необычной бледностью, увеличивало странность эксперимента. Когда все было окончательно подготовлено, прошло ещё три четверти часа, потому что все наши действия были тщательно продуманы. Маргарет подозвала меня, и я вышел вместе с ней, чтобы принести в комнату Сильвио. Он подошёл к ней мяуча. Она подняла его на руки и передала мне, а затем совершила поступок, который странно тронул меня и остро напомнил о безнадёжности дела, затеянного нами. Одну за другой она старательно погасила свечи и поставила каждую на её обычное место. Когда она закончила с этим, то сказала мне:

— С ними теперь все покончено. Что бы ни наступило — жизнь или смерть — отныне не будет причин для их использования.

Затем, взяв Сильвио на руки и прижимая его к груди, от чего он начал громко мяукать, Маргарет вышла. Я, уходя, осторожно прикрыл за собой дверь, чувствуя при этом сильное волнение — уже не оставалось путей к отступлению. Затем мы надели респираторы, и каждый занял своё место, согласно заранее предписанному плану действий. Я должен был стоять возле выключателей электрического света у двери и быть готовым включить или выключить свет по указанию мистера Трелони. Доктор Винчестер расположился позади дивана, так, чтобы не оказаться на пути между мумией и саркофагом; он должен был следить внимательно за тем, что будет происходить с Царицей. Маргарет находилась рядом с ним: она держала Сильвио, готовая положить его на диван или рядом с ним, когда будет в состоянии правильно обдумать ситуацию. Мистер Трелони и мистер Корбек должны были зажечь светильники. Они уже стояли наготове с паяльниками, глядя на стрелки часов, приближавшиеся к цифре четыре

Удары серебряного колокольчика в часах, казалось, поразили наши сердца, подобно звукам труб перед Страшным Судом. Один! Два! Три!

Перед третьим ударом фитили египетских ламп были зажжены, и я выключил электрический свет. В полумраке разгорающихся светильников и после выключения электрического света комната и все, что было внутри неё, приобрело зловещие формы; казалось, в одно мгновение все в ней изменилось. Мы ждали событий с учащённым сердцебиением. Я слышал, как бьётся моё сердце, и мне казалось, что я слышу, как бьются они у остальных.

Следующие секунды, наверное, летели на свинцовых крыльях. Казалось, приостановился весь мир. Фигуры остальных людей в комнате были едва различимы, и выделялось лишь белое платье Маргарет. Толстые респираторы, которые мы все надели на себя, увеличивали странность нашего вида. На фоне слабого свечения ламп вырисовывались квадратная челюсть мистера Трелони и смуглое бритое лицо мистера Корбека Глаза доктора Винчестера сверкали, как звезды, а у Маргарет, казалось, сияли, словно чёрные солнца. Глаза Сильвио светились, как изумруды.

Неужели эти лампы никогда не разгорятся как следует?

Всего через несколько секунд они разгорелись. Спокойный, устойчивый свет, с постоянно увеличивающейся яркостью, изменял свечение от синего до хрустально-белого. Так продолжалось в течение двух минут без всяких изменений со стороны шкатулки; пока наконец вся она не начала слабо светиться. Сведение усиливалось и усиливалось, пока шкатулка не превратилась в сверкающую драгоценность и затем стала казаться живым существом, плавным смыслом жизни которого было свечение. Мы ждали и ждали, а наши сердца почти остановились.

Вдруг совершенно неожиданно раздался звук, похожий на маленький заглушённый взрыв, и шкатулка поднялась от поверхности стола на несколько дюймов; не было возможности сомневаться в этом, так как вся комната вся комната была залита светом. Наконец одна из крышек поднялась медленно над другой, словно сдаваясь под давлением сил равновесия. Шкатулка продолжала испускать свет, из неё начал выделяться тонкий зеленоватый дымок. Я не смог точно определить характер его, но даже через респиратор ощущал странный острый запах. Затем дым стал сгущаться, и плотность его клубов настолько увеличилось, что в комнате наступила почти полная тьма. У меня появилось непреодолимое желание броситься к Маргарет,

которую я продолжал видеть сквозь дым — она стояла позади дивана рядом с доктором Винчестером. Затем я увидел, как доктор Винчестер упал. Он оставался в сознании: размахивал рукой, как бы запрещаая любому приближаться к себе. В это время фигуры мистера Трелони и мистера Корбека стали совсем неразличимыми в дыму, который окружил их плотными валами, и я потерял их из виду окончательно. Шкатулка продолжала светиться, а лампы постепенно уменьшали своё излучение. Сначала я подумал, что их свет переборол плотный чёрный дым, клубившийся в помещении, но вдруг заметил, что они, одна за другой гаснут. Они и должны были прогореть быстро при том количестве свирепого и живого пламени, которое им удалось произвести.

Я ждал, что в каждое будущее мгновение услышу команду включить свет, но приказа не поступало. Я ждал и глядел с мучительной интенсивностью на катящиеся клубы дыма, все ещё вырывающиеся из светящейся шкатулки, в то время как лампы гасли одна за другой.

В конце концов горячей осталась только одна лампа. И она давала тускло-голубой, мерцающий свет. Единственный эффективный свет в комнате исходил от сияющего саркофага. Я продолжал пристально наблюдать за Маргарет; все моё беспокойство теперь сосредоточилось на ней. Я мог видеть только её белое платье за спокойной, белой, укрытой простыней фигурой, лежащей на диване. Сильвио был встревожен, его жалкое мяуканье было единственным звуком, слышным в комнате. Глубже и плотнее становился чёрный туман, а его запах начал действовать не только на мои ноздри, но и на глаза. Теперь количество дыма, выходящего из шкатулки, кажется, начало уменьшаться, а сам дым стал менее плотным. На другой стороне комнаты я заметил, как что-то белое движется в том месте, где стоял диван. Произошло несколько движений у меня на глазах. Я успел только заметить быстрое отражение чего-то белого сквозь плотный дым в слабеющем свете; теперь свечение шкатулки начало быстро слабеть. Я все ещё слышал Сильвио, но его мяуканье раздавалось откуда-то снизу вблизи меня, а моментом позже он жалобно стал карабкаться вверх по моей ноге.

Затем исчезла последняя искра света, и сквозь египетский мрак я смог увидеть слабую линию белого цвета вокруг оконных ставен. Я

почувствовал, что пришло время заговорить, поэтому стащил с лица респиратор и вскрикнул:

— Должен ли я включить свет?

Ответа не последовало, поэтому, пока густой дым вовсе не удушил меня, я крикнул снова, но более громко:

— Мистер Трелони, должен ли я включить свет?

Он не ответил, но с другой стороны комнаты я услышал голос Маргарет, звучащий прелестно и звонко, словно колокольчик:

— Да, Малькольм!

Я повернул выключатель, и электрические лампы вспыхнули. Но они оказались лишь тусклыми точками света в тумане тёмного дыма. В этой густой атмосфере трудно было добиться эффективного освещения. Я рванулся к Маргарет, руководствуясь, как ориентиром, её белым платьем, поймал её и схватил за руку. Она поняла моё беспокойство и сразу же сказала:

— Со мной все в порядке.

— Слава Богу! — ответил я. — А как остальные? Давай быстро откроем все окна и избавимся от этого дыма!

К моему удивлению она отвечала медленно, сонным голосом:

— С ними все будет в порядке. Им не причинили никакого вреда.

Я не переставал спрашивать, как или на каком основании она составила себе такое мнение, но одновременно поднял кверху нижние рамы окон и опустил вниз верхние их части. Затем настежь открыл дверь.

Через несколько минут произошли заметные изменения в атмосфере. Чёрный плотный дым начал вылетать сквозь окна, затем усилилась яркость электрического света, и я смог рассмотреть комнату. Все мужчины лежали без сил. Доктор Винчестер лежал на спине возле дивана, как если бы он упал на пол и перекатился на спину, а у дальней стороны саркофага лежали мистер Трелони и мистер Корбек. Настроение моё сильно приподнялось, когда я увидел, что хотя они и без сознания, но все трое тяжело дышат и находятся как бы в состоянии ступора. Маргарет все ещё стояла позади дивана. Сначала мне казалось, что она находится как будто в тумане, но с каждым мгновением Маргарет обретала все больший контроль над собой. Она вышла вперёд и помогла мне поднять отца и подтащить его ближе к окну. Вместе мы проделали аналогично действия над двумя

остальными, и Маргарет слетала вниз в столовую, вернувшись с графином бренди, который мы заставили их принять поочерёдно в качестве лекарства. Прошло всего несколько минут после того как я открыл окна, и все трое уже начали приходить в себя. В течение этого времени все мои мысли и усилия были поглощены их состоянием; но теперь, когда напряжение уменьшалось, я огляделся, чтобы понять, каковы были результаты нашего эксперимента. Густой дым почти исчез, но комната все ещё находилась в тумане и была заполнена каким-то странным острым запахом.

Огромный саркофаг остался на том же месте... Шкатулка была открыта, и в ней лежали груды чёрного пепла. На поверхности саркофага, шкатулки и вообще во всей комнате лежал слой чёрной жирной сажи. Я подошёл к дивану. Белая простыня все покрывала его часть, но она была отброшена в сторону, как если бы кто-то недавно встал с этого дивана и куда-то удалился.

Но не было ни единого признака самой Царицы Теры! Я взял Маргарет за руку и вместе с ней осмотрел всю комнату. Она неохотно оставила своего отца, за которым ухаживала, но достаточно послушно пошла со мной. Держа её за руку, я прошептал:

— Что же стало с Царицей? Скажи мне! Вы же с доктором были так близко и должны были видеть, что здесь произошло!

Она очень мягко ответила мне:

— Я ничего не сумела заметить. До тех пор пока дым не стал совсем плотным, я не отрывала взгляда от дивана, и там все было без перемен. Затем, когда наступила такая темнота, что уже ничего нельзя было увидеть, мне кажется, я услышала какое-то движение возле меня. Должно быть, это был доктор Винчестер, который упал, лишившись чувств, но я не могу быть полностью уверена в этом. Я подумала, что это проснулась Царица, поэтому спустила на пол бедного Сильвио. Я не смогла разглядеть, что произошло с ним, но, очевидно, он сбежал от меня, так как его мяуканье раздалось где-то за дверь. Надеюсь, он не обиделся на меня!

Как бы в ответ на её слова Сильвио вбежал в комнату и начал тереться об её платье, тянул его на себя, словно требуя, чтобы его взяли на руки. Она наклонилась, взяла его к себе на колени и стала ласкать и успокаивать.

Я обошёл вокруг дивана, осмотрел его и все вокруг самым тщательным образом. Когда мистер Трелони и мистер Корбек достаточно оправились от потери чувств, что произошло довольно быстро, хотя доктору Винчестеру для восстановления сил потребовалось больше времени, мы все вместе снова внимательно осмотрели комнату. Но все, что нам удалось найти, было нечто вроде остроконечного хребта неосязаемой пыли, от которой исходил странный мёртвый запах. На диване лежало украшение, которое Царица носила в волосах, и Звёздная Драгоценность.

Мы никогда не смогли найти никаких следов, которые бы помогли понять то, что здесь случилось. Все же нашлась одна вещь, подтвердившая нашу идею о физической аннигиляции мумии. В саркофаге, где лежала прежде мумия кота, нашлась маленькая кучка такого же пепла.

Осенью мы с Маргарет поженились. По торжественным случаям она надела мантию мумии с поясом и украшением, которая Царица Тера носила в волосах. На грудь она надевала вставленную в золотое кольцо, сделанное в виде скрученного стебля лотоса, Драгоценность из Семи Звёзд, содержащую слова повеления Богами всех миров. Во время бракосочетания солнечный луч, проникший сквозь алтарные окна, упал на эту Драгоценность, и она засверкала, будто одушевлённое существо.

Слова, выгравированные на рубине, должно быть, повлияли на нашу совместную жизнь; Маргарет всегда придерживается их смысла, и на земле не существует более счастливой жизни, чем наша.

Мы часто вспоминаем о великой Царице и говорим о ней легко и свободно. Однажды, когда я, вздохнув, выразил сожаление, что она не возродилась к новой жизни в новом мире, моя жена, вложив руки в мои и глядя мне в глаза тем отстранённым, красноречивым, мечтательным взглядом, который иногда появляется у неё, сказала с любовью:

— Не печалься о ней. Кто знает, может быть, она нашла ту радость, которую искала в жизни? Любовь и терпение — это все, из чего можно создать счастье в этом мире живущих или умерших. У неё была своя мечта, и это все, о чем любой из нас может просить!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

Примечания

1

Барристер — адвокат, практикующий в верховных судах (анг.)

2

Тацца — плоский сосуд, напоминающий блюдо и зачастую помещавшийся на подставку. (итал.) .

3

Амикус куриа — друг закона (лат.).

Гадатель — по поверьям древних египтян и иудеев — приручённое колдуном животное, в которое вселяется при гадании дух колдуна.

Большой Ковш — видимо, название созвездия Большой Медведицы в древнем Египте.

6

Урэй — изображение змеи на короне фараона.